опустошитель

[иверсния курутьлы]

#43
смех

Журнал «Опустошитель»
#43. Смех
Москва, август 2024
280 страницы

Главный редактор Вадим Климов

Галковский даже не извинился перед Дугиным. Ни перед Дугиным как мадам, ни перед Дугиным как месье. Наверно, ему доставляет удовольствие смущение крупнейшего философа и самого опасного человека в мире. Наслаждение главного утенка прячется за складками его щенячьей физиономии, но ему не скрыться от пронзительного большевистского анализа. Сальвадор Дали, Федерико Гарсиа Лорка, Пьер Дриё Ла Рошель, Ролан Топор, Уильям Берроуз, Флэнн О'Брайен, Александры Дугин, Бренер и Шапиро в августовском номере альманаха столкновений. Опустошитель #43. Смех!..

ISSN 2219-5424

Опустошитель, 2024
http://pustoshit.ru

журнал

ОПУСТОШИТЕЛЬ

#43. Смех

Рушан Ахметжанов
Уильям Берроуз
Флэнн О'Брайен
Александр Бренер
Григорий Гаврилов
Сальвадор Дали
Александр Дугин
Вадим Климов
Федерико Гарсиа Лорка
В. Лорченков
Павел Лукьянов
Жан-Мишель Риб
Пьер Дриё Ла Рошель
Николай Старообрядцев
Ролан Топор
Нелли Цымбаленко
Александр Шапиро

Москва
Август 2024

ДУГИН И ГАЛКОВСКИЙ ОПЫТ ОБНАЖЕНИЯ И СОГЛЯДАТАЙСТВА

Александр Дугин однажды признался, что в присутствии Дмитрия Галковского ощущает себя раздетой дамой. Философ тяжело вздохнул и расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке. Остальные пуговицы, к счастью, остались нетронутыми.

— Вы представляете себе, что чувствует обнаженная женщина? Уже немолодая, хорошо знакомая со всеми своими недостатками, она оказывается в компании незнакомых людей совершенно голая. Смущение, унижение, обида на тех, кто смотрит, и еще больше на тех, кто отворачивается.

— Но почему именно Галковский? — поинтересовался я.

Дугин ненадолго задумался, потом сказал, что не знает.

— Совершенно нелепый персонаж, ботаник из анекдота, собирающий вокруг себя других ботаников.

Помните клуб одиноких людей из мультфильма про Чебурашку? Нескладные гадкие утята, сиротливо жмущиеся друг к другу. Очень напоминают поклонников Галковского… Но это же невероятно: стоит мне взглянуть на Дмитрия Евгеньевича, как весь мой гонор, вся моя харизма, вся моя одежда, наконец, улетучиваются. Я остаюсь один на один с незнакомым мужчиной, похотливо разглядывающим мои недостатки.

— А борода?

— Что борода? — не понял Александр.

— Борода исчезает или остается при вас?

— Да бросьте вы. В том-то и вся штука: обнаженная женщина не может прикрыться даже бородой. Она онтологически оголена вместе со всеми своими изъянами. Галковский в этом отношении самый неприятный соглядатай. Можно получать удовольствие, когда вас разглядывает привлекательный мужчина, когда на вас смотрит кто-то, к кому вы испытываете хоть какую-то симпатию. А что можно чувствовать рядом с паскудной физиономией Дмитрия Евгеньевича? Он похож на декоративную собачку с крохотной головкой. Галковский похож на паучка, плетущего интриги в стороне от остальных.

Дугин снова тяжело вздохнул.

— Надо же было так вляпаться. В самого Галковского. Никто ведь не поверит…

Тут он вздрогнул и резко повернулся.

— Вадим, вы ведь не станете обо всем этом писать? Ну не надо, елки-палки. — Философ прижал меня взглядом к спинке кресла. — Да вам и не поверят. Где это видано, чтобы здоровый мужчина ощущал себя голой женщиной в чьей-либо компании… Только идиотом себя выставите.

Под пристальным взглядом Александра я вынужден был согласиться. Мы еще немного поговорили, и я засобирался. Уходя, наткнулся в дверях на Галковского.

— Здравствуйте, — воскликнул Дугин за моей спиной.

Я обернулся и увидел на его лице румянец. Бородатый философ стоял, скрестив ноги, едва заметно пританцовывая. Галковский крякнул что-то вроде приветствия, и я оставил их наедине.

На улице я вспомнил анекдот про мужчину, натыкающегося в ванной комнате на обнаженную даму. Извините меня, мадам, говорит обычный смертный и ретируется. Галантный же француз просит прощения у месье.

Галковский даже не извинился перед Дугиным. Ни перед Дугиным как мадам, ни перед Дугиным как месье. Наверно, ему доставляет удовольствие смущение крупнейшего философа и самого опасного человека в мире.

Наслаждение главного утенка прячется за складками его щенячьей физиономии, но ему не скрыться от пронзительного большевистского анализа. Сальвадор Дали, Федерико Гарсиа Лорка, Пьер Дриё Ла Рошель, Ролан Топор, Уильям Берроуз, Флэнн О'Брайен, Александры Дугин, Бренер и Шапиро в августовском номере альманаха столкновений. Опустошитель #43. Смех!..

проза

Нелли Цымбаленко
ПЕРЕД СМЕРТЬЮ

Среди чужих веселее.
Ты не выходишь ко мне и не хочешь идти вслед за мной.
Не хочешь и послушать меня.
А тебе нужно знать.
Значит, я пойду вслед за тобой,
и когда ты достигнешь конца пути,
я успею тебе кое-что рассказать.

Человек, умирая, вынужден преодолеть некоторый путь. Определенную прямую, если хотите, прямую, ведущую человека к его смерти. Человека, чаще всего, на этой прямой поддерживают другие люди, его близкие, возлюбленные. Кто-то, конечно, справляется с этим в одиночку.

Мы оказались на этой дороге вместе, всей семьей. Мы несли на носилках тяжело больного члена нашей семьи, стараясь помочь ей добраться — сама она это сделать была уже не в состоянии. И мы несли ее, полные жизни, но ужасно обремененные этим испытанием. Это особенно тяжело, когда больное тело превращается в сосуд, наполненный смертью. И мы несли его по очереди, сменяя друг друга, стараясь уйти от тяготы, стараясь не быть.

Брошенные на этой прямой остаются неприкаянными.

Кажется, это было во сне. Снова во сне, причём много лет назад. Было ужасное лето, с тупой жарой, которая совсем не менялась.

Я помню, что мне пришлось уехать домой. Вернуться на время.

— Потребуется ампутация… — остальное не было смысла улавливать, запоминать или анализировать.

Она изменилась, осунувшееся уставшее лицо некогда бойкой женщины больше не дышало здоровьем.

Она скромно, словно извиняясь перед жизнью, сидела на краю своей больничной койки, скрестив руки и выставив вперед больную ногу, которой вскоре лишится. Смерть начинает хватать за ноги еще при жизни, нагло протискивая к тебе свою рожу, которая хохочет смехом урода, что отберет у тебя все самое дорогое. Ты пытаешься двинуть по ее роже ногой, смерть крадется, напоминая все детские ужасы, откуда-то из-под кровати, откуда-то вечно исподтишка, тебе удается ударить ее, и снова, и снова, тебе удается ее даже изуродовать, обезобразить эту рожу, но оттого она еще громче хохочет и только ближе к тебе приближается.

И тогда я очень хорошо поняла, что это больше не ее лицо, *ее* лица здесь не было. Она уже почти умерла.

Я не знала, что мы будем делать среди бесконечной пустоши. Любой шаг был похож на тупик.

Она была на носилках, которые мы попеременно несли. И я понимала, что мы выбились из сил уже в самом начале.

Ампутация прошла успешно. Но швы не заживали — и ей становилось все хуже.

В палате появилась другая женщина — цыганка. Ее сторонились и откровенно ей брезговали. Кто-то эти эмоции против чужих одобрял.

Позапрошлым летом я видела молодую цыганку. Она сидела на остановке, выжидая нужный ей транспорт. Автоматически эта остановка стала и для меня

точкой отсчета следующей дороги. На цыганочке было красивое длинное платье, очень легкое и ловко подчеркивающее ее еще не успевший потерять свой строй девичий стан. Она была босиком, грязные ноги, великолепно грязные ноги, выстукивающие по дощатой остановке ритм ожидания, больше выдававший в цыганке вчерашнего ребенка, нежели нетерпение взрослого и нервозного персонажа, каковым, среди прочих, была и я.

Изумительное самопринижение, не так ли? Я могла бы потратить полжизни, чтобы добиться этого цыганочьего образа. Но, увы, к моменту своего успеха я буду уже довольно стара, и он не принесет мне никакой радости.

Старая цыганка курила. Она просила меня засечь, если вдруг кто будет подходить — ее могли запросто выгнать из больницы за нарушение правил, а палат для некурящих не было. Мне было несложно выполнить ее просьбу.

К цыганке каждый день приходили *свои*.

— Сколько тебе лет? Шестнадцать? — спросила у меня одна из посетивших цыганку женщин.

— Нет, мне двадцать шесть.

— Породистая!

Позднее эта цыганка будет успокаивать мою породистость тем, что мне это все не под силу и что все перечеркнуто моей суетливой злостью. Поглаживая мои волосы, она будет как сестра успокаивать меня, засыпающую на ее коленях, превратившись в этот момент для меня в целый и самый настоящий мир, впервые так широко открывшийся мне, в котором еще можно не стыдиться себя.

Мне бы хотелось уметь вдохновляться красивыми и правильными вещами. Чистотой, порядком. Хотелось бы, чтобы мысли начинались с этого. Чтобы наслаждения были лишены болезненной эстетизации, непременно связанной с чем-то пограничным, странным...

Например, мой парфюм. Мое восприятие его не заканчивается на простом наслаждении запахом, вол-

нующим меня, притягивающим, всегда обязательно добавляется что-то такое, пускай порочное, это слово помогает лучшей доходчивости. Мне непременно нужна ассоциация с чем-то обособленным, больным — натурщицами легких нравов, захватывающих импрессиониста. Непременно нужен поиск обособленности, нужно идти еще дальше. Впрочем, хотелось бы радоваться чему-то самому простому и чистому.

Я наблюдала потом из окна, как цыгане уходили из палаты. Сперва они все вместе обедали на лужайке у больницы, садились в круг, раскладывали еду и бережно ели. Смотрели друг на друга и мягко улыбались.

Все это грязно, бездарно и пошло. Ты просто от невмоготы романтизируешь постылое сборище, чтобы как-то спастись.

Когда мне было нужно выйти из больницы, я оказывалась на самых оживленных улицах. Сердобольно наблюдая за нищими, я презирала брезгливое отношение к ним прохожих. Впрочем, часто сама, понимая суть нищих, ведь некоторые просто методично и быстро спивались, выпрашивая деньги на выпивку, начинала стыдиться своей прежней к ним жалости.

Временами попадались любопытные, образности которых было ничем не отнять. Так, смешная старая нищенка, которой удалось меня рассмешить впервые за долгое время. Ее рука, ловкий точеный обрубок, она была лишена кисти и части руки, доходящей до локтя, — была подлинным мастерством фокусника, незатейливого вымогателя, иллюзиониста, разменявшего талант на мелочь. Может, она и не нищая, а просто издевается над вашим богом, цинично примеряя обездоленность, крестясь своим обрубком.

Я смеялась. А потом пересказывала увиденное в палате. И они, мои славные цыгане, одобряли мой смех. Я погружалась в их магию, в их семью с таким непритворным удовольствием, которым даже хочется оскорбить, швырнуть его кому-нибудь под нос в качестве упрека, проклятия или чего там вздумается. Но нищих я продолжала и бояться, они так жадно чего-то

ищут, что вместо денег готовы забрать у тебя что-то гораздо дороже, ценнее. Они это умеют. Почти все.

Мы начинали ссориться. Кто-то ушел, отказавшись нести носилки, нести ее. Я была так зла, что не заметила, как они потерялись в пространстве.

Мое зло стало настолько замкнутым, что не оставалось никакой фантазии для упреков.

Нас осталось трое — этих сил слишком мало. Тогда я повстречала на дороге человека. Он и поведал мне легенду.

Человек, умирая, вынужден преодолеть некоторый путь. Определенную прямую, если хотите, прямую, ведущую человека к его смерти. Человека, чаще всего, на этой прямой поддерживают другие люди, его близкие, возлюбленные. Кто-то, конечно, справляется с этим в одиночку. Брошенные на этой прямой остаются неприкаянными.

В палате стояла жара, которая усиливала все запахи в хирургическом отделении. Запахи мокрых ран, запахи тучных тел, которые не могут даже перевернуться на бок.

Когда мы помогали ей двигаться, это только усиливало боль. Я протирала ее раны — и на моих руках оставалась ее кожа, которая отмирала и отслаивалась.

Я смывала ее в раковины. Заворачивала ее кожу в бинты, эти бинты я выбрасывала в помойные ведра, которые все переполнились ее телом, таявшим от малейшего соприкосновения с моими ладонями.

По ночам она начинала бредить и звала меня к себе, просила:

— Где они? Мои ноги. Ты — бессовестная. Ты должна их найти, их украли.

И я искала, бессовестная, ее красивые танцующие ноги, но не смогла их найти. Она из последней злости сжимала свои кулаки.

— Видишь мои ногти? Ты должна их обрезать, — и тогда она расслабляла свои руки, и с ее ладоней сыпалась черная земля. — Ты должна их обрезать, чтобы я не смогла выбраться из своих могил.

И я обрезала ее длинные ногти, чтобы она не смогла выбраться из своих могил.

Я все сделаю, только бы она снова смогла танцевать.

Но она продолжала бредить и говорила с кем-то невидимым мне.

Я помню ее могильщиков, молодых стройных юношей, ловко справившихся с глиняной почвой.

Цыганский табор тоже провожает свою мать. Сейчас она отдыхает, они заботливо и нежно растирают ее ноги.

Все их движения — иллюстрации магических ритуалов.

Мы тоже остановились отдохнуть. Вокруг был туман. Мать продолжала бредить и говорить с кем-то из пустоты.

«Бредит — толкует со смертью», — сказал кто-то в таборе.

Вадим Климов

НИКАКОГО ИЗЯЩЕСТВА

Я собирался недолго пробыть на улице, потому что, когда мы вышли, было очень холодно. Снег исчез, на дороге остался только лед.

За нами закрылась дверь, и я обратился с вопросом к своему спутнику. Он мне не ответил.

Так получилось, что мы пошли один за другим: он — впереди, я — сзади. Мне было несложно повторить вопрос, что я и сделал. Спутник проигнорировал, как в первый раз. И даже после этого я не оставил попыток.

Дело в том, что я не видел его лица. Он шел впереди, и передо мной маячил только его затылок, в лучшем случае какая-то из щек. И больше ничего. Ни глаз, ни рта — все.

Когда я повторил вопрос в третий раз, спутник никак не отреагировал. Точно так же, как оба раза перед этим.

Меня не покидала мысль, что он не слышит. Это многое бы объяснило. Но минимальное расстояние между нами, полная тишина и то обстоятельство, что мы шли вместе, говорили об обратном.

Через некоторое время я задал вопрос в четвертый раз, а спустя еще немного — в пятый. Ничего не изменилось. Мой спутник продолжал молчать, демонстрируя только затылок и щеку.

Так мы и шли.

Спутник… на самом деле я знал его не только по затылку. Мы были друзьями. И, тем не менее, он не отвечал.

Куда мы шли?

Вероятно, это было обговорено еще до выхода из подъезда. Сейчас я уже не помнил о цели нашей прогулки.

После того, как я пять раз повторил вопрос, так и не получив ответа, я мало о чем помнил. Поведение спутника вывело меня из себя.

В конце концов, мы зашли в какое-то помещение. Первым — мой спутник, следом за ним я. Внутри помещение напоминало пивную. Мы сели за стол друг напротив друга.

Наконец, я смог увидеть его лицо.

Оно было мне знакомо. Действительно, мой друг, Александр. Все совпадало.

К нему сразу же подсела девица. Вернее, я не заметил, как она подсаживалась, но увидел ее уже сидящей.

Я повторил свой вопрос, и Александр все так же хладнокровно проигнорировал его. Он повернулся к девице и что-то шепнул ей на ухо. Они заулыбались.

Это окончательно вывело меня из себя. Но я решил скрывать ярость, не выпускать дальше своей головы. Со стороны никто не заметил бы никаких изменений.

Девица, подсевшая к Александру, сказала, что сейчас принесут пиво. И тут же подошел официант с пивными кружками и чайником на подносе.

Когда он поставил перед Александром кружку, я еще раз повторил свой вопрос. Ответа я так и не дождался. Полное игнорирование.

Потеряв контроль, я схватил пустую кружку с подноса официанта и швырнул ею в Александра. Но попал не в него, а всего лишь в его кружку.

Наконец, Александр обратил на меня внимание. На лице застыло недоумение.

Ничего не говоря, я поднялся из-за стола и вышел.

Александр догнал меня на улице.

— Что произошло? — спросил он.

Молчание.

Он повторил вопрос, и я снова промолчал.

Мы прошли той же дорогой, но в обратном направлении. Перед подъездом к нам присоединилась девица из пивной.

Александр представил ее.

— Вера.

Затем назвал меня.

Я кивнул в честь знакомства. Вера только улыбнулась.

— Вернемся обратно? — спросил Александр.

Молчание.

— Вернемся обратно? — повторил Александр.

Я перевел взгляд на него. Все то же недоумение, застывшее на лице после моей выходки с кружками. Я никак не мог решить, ответить ему или молча следовать в направлении пивной.

Александр молча смотрел на меня, ожидая ответа. В какой-то момент Вера взяла нас за руки и повела за собой.

Так мы и прошли, держась все время за руки. Расцепились только у входа в пивную.

Сели за тот же столик. Как и в первый раз: Вера с Александром и я напротив них.

— Сейчас принесут пиво, — сказала Вера.

И действительно тут же подошел официант с пивными кружками и чайником на подносе. Он молча поставил на стол три кружки и налил из чайника пиво. Затем ушел.

Каждый сделал по глотку. Официант вернулся спросить, оставить ли нам чайник.

— Оставьте, — сказала Вера.

— Полный или полупустой? — спросил официант.

Вера посмотрела на Александра, затем на меня. Никто не ответил.

— Оставьте пока этот, — сказала Вера.

— Путь будет этот, — сказал официант, — но имейте в виду, он полный.

Александр оторвал взгляд от кружки и посмотрел на официанта.

— Разве вы не должны наполнять чайник, только когда он опустеет? — спросил он.

— Разумеется, — сказал официант.

— И что? — спросил Александр.

— Такова инструкция, — сказал официант.

— И что дальше? — спросила Вера.

— Я действую только по ней, — сказал официант.

— Но не сейчас, — сказал Александр.

— Наоборот, — сказал официант, — даже сейчас. Чайник, с которым я приходил в прошлый раз, остался на кухне, это другой.

— А как же тот, с которым вы приходили вначале? — спросила Вера.

— До этого? — уточнил официант.

— Нет, — сказала Вера. — В первый раз.

— Когда вы швырялись кружками? — уточнил официант.

— Да, — сказал Александр.

— В тот раз чайник был полупустой, и все пиво я вылил в ваши кружки, — сказал официант.

— А сейчас решили взять полный чайник? — спросил Александр.

— Когда? — уточнил официант.

— Сейчас, — сказал Александр.

— Да, — сказал официант.

— И в прошлый раз тоже, — сказала Вера.

— Когда? — уточнил официант.

— До этого, — сказала Вера.

— До этого — да, — сказал официант. — Других не было.

— Но почему сейчас вы пришли с полным чайником, а не с тем, который приносили до этого? — спросил Александр.

— Хотелось сделать вам приятно, — сказал официант.

— Что ж, вам удалось, — сказала Вера. — Спасибо.

— Спасибо, — повторил за ней Александр.

Официант равнодушно кивнул и готов был уже уйти, взяв со стола поднос, когда я спросил.

— Почему вы не приносите пиво в кружках? К чему эта канитель с чайником?

Официант улыбнулся.

— Так здесь заведено, — сказал он и отошел от нашего стола.

Каждый сделал по глотку. Вера перевела взгляд с Александра на меня.

— Все нормально? — спросила она.

— Нет, — сказал Александр.

— Почему? — спросила Вера.

— Что нормально? — спросил Александр.

— Вы ссорились, — сказала Вера.

Александр посмотрел на меня.

— Нет, — сказал он.

— Почему нет? — спросила Вера.

— Мы не ссорились, — сказал Александр.

Он снова посмотрел на меня. Я посмотрел на Веру.

— Зачем тогда эти выходки? — спросила она.

Молчание.

Официант вернулся, чтобы сказать, что заменит чайник, вроде, он уронил в него носовой платок.

— Вы принесете полупустой или снова полный? — спросила Вера.

— Как захотите, — сказал официант.

— Принесите полупустой, — сказал Александр.

Официант кивнул и удалился с чайником.

— Почему полупустой? — спросила Вера.

— Чтоб он не принес тот же чайник, высунув из него платок, — сказал Александр.

— Ловко, — сказала Вера и посмотрела на меня.

— Если официант сейчас же не вернется с чайником, значит, он переливает пиво из полного в полупустой, — сказал Александр.

— Что? — переспросила Вера.

— Я говорю, — сказал Александр, — если официант сию же минуту не вернется, значит, он переливает из чайника в чайник.

— Зачем? — спросила Вера.

— Чтобы всучить пиво, в которое уронил платок, — сказал Александр.

Подошел официант с чайником.

— Ваш коньяк, — сказал он.

Официант хотел было уже уйти, когда Александр остановил его:

— Почему в этот раз коньяк?

— Извините, — сказал официант, — ваше пиво.

Он снова хотел уйти и снова Александр остановил его:

— Секунду.

Александр придвинул к себе чайник и открыл крышку. Чайник был заполнен наполовину, на поверхности плавал носовой платок.

Вера усмехнулась.

— Вы забыли вынуть платок, — сказала она и затряслась от смеха, глядя на официанта.

Официант скис на глаз.

— Извините, — сказал он. — Не знаю, как такое могло случиться.

Александр наклонился над открытым чайником.

— К тому же, здесь не пиво, — сказал он.

— А что же? — спросила Вера.

Александр шумно вдохнул носом.

— Напоминает коньяк, — сказал Александр. — Может быть, он и есть.

— Зачем вы принесли коньяк? — спросила Вера.

— Я думал, это пиво, — сказал официант.

— Не могли посмотреть, что наливаете? — спросила Вера.

— Я смотрел, — сказал официант.

— Что же вам помешало? — спросил Александр.

Официант растерянно смотрел перед собой.

— Все напитки у нас подаются через один кран, — сказал он. — Нужно только установить ручку на нужной отметке.

— Так кто вам мешал установить? — спросила Вера.

— Я установил, — сказал официант, — но аппарат сломан. Они обещали прислать техника, но так никого и не прислали.

Официант сел на лавку рядом со мной и закрыл лицо руками.

Вера с Александром уставились на него.

Непродолжительное молчание.

— К тому же, — сказал Александр, — снова ваш платок. Почему вы его не вынули?

Официанту потребовалось некоторое время, чтобы собраться с мыслями.

— Да вытащил я платок, — вдруг закричал он.

После чего залез в карман, достал мокрый платок и швырнул на стол.

— Вот он.

Вера затряслась в новом приступе хохота, едва не смахнув со стола чайник.

Официант же, наоборот, затряс плечами от плача.

— Уму непостижимо, — сказал Александр, — что за номера вы устраиваете.

Не прекращая смеяться, Вера схватила Александра за руку.

— Ну, прекрати.

Александр взял платок со стола и поднес к лицу. Пытался ли он лучше рассмотреть его или обонять, осталось для нас загадкой.

— Лучше выпьем, — сказал Александр.

И тут мы обнаружили свои кружки пустыми. Ни единой капли пива.

— Может быть, коньяк? — спросила Вера.

— А, может, — сказал Александр, — официант все-таки принесет что-нибудь без посторонних предметов?

Официант поднялся.

— Что вы хотите? — спросил он и, всхлипывая, принялся перечислять. — Пиво, вино, коньяк, виски, водку, джин, ром, абсент, самогон…

— Принесите пива, — остановил его Александр.

— А я бы не отказалась от коньяка, — сказала Вера.

— Коньяка больше нет, — сказал официант.

— Вот видишь, — сказал Александр, смотря на Веру.

— Что здесь можно видеть? — воскликнула Вера.

— Да что могло случиться с вашим краном? — закричал Александр, уставившись на официанта.

Вера придвинула к себе чайник.

— Носовой платок хоть чистым упал? — спросила она.

Официант, до этого спокойно, не считая всхлипов, стоявший перед нами, внезапно пришел в движение и принялся чесаться, запустив руки под одежду.

— Что с ним? — спросил Александр, отодвигаясь.

— Что с вами? — спросила Вера.

Не понимая, что с ним, официант схватил со стола чайник и вылил содержимое себе за шиворот. После чего швырнул пустой чайник в сторону барной стойки.

— Черт возьми, — выругался Александр. — И что нам теперь пить?

Успокоившись, официант снова сел за стол.

— Вам нужно показаться врачу, — сказала Вера.

— Да, — согласился Александр, — не помешало бы.

— Как вы себя чувствуете? — спросила Вера.

Официант озлобленно посмотрел на нее.

— Все-таки, покажитесь врачу, — сказал Александр.

— Обязательно, — сказала Вера. — И как можно быстрее.

— Черт, — выругался официант.

— Что еще? — спросил Александр.

— Вам нехорошо? — спросила Вера.

— Черт возьми, — снова выругался официант.

— Что-то случи... — попытался спросить Александр, но официант опередил его.

— Черт вас дери, как вы надоели. Если б вы только знали, где у меня сидите со своими вопросами. Мрази. Алкаши. Да не нужна мне ваша забота. Ни ваше чванливое участие, ни советы, ни чаевые. В гробу я видел таких лицемеров. Отстаньте вы от меня. Не лезьте с

дурацкими нравоучениями. Что-то случилось? Конечно, как же без этого. Что еще могло случиться, кроме вашего прихода. Выметайтесь поскорее, и мне сразу станет лучше. Всего-то. Жду не дождусь, ублюдки.

Вера с Александром замерли, уставившись на взбешенного официанта, который быстро собрал пустые кружки и понес на кухню.

Первой пришла в себя Вера.

— Какой нахал, — сказала она.

— Пустобрех, — сказал Александр.

— Неблагодарный типчик, — сказала Вера.

— Попрошайка, — сказал Александр.

— Какой пафос, — сказала Вера.

— Инфантилизм, — сказал Александр.

— Бунтарство от нечего делать, — вставил я.

Они посмотрели на меня.

— Вы тоже это слышали? — спросил Александр.

Я кивнул.

— Каков, — сказал Александр.

— Да, — согласилась Вера. — Никто и не ожидал.

— Действительно, — согласился Александр. — Я уж точно.

— Как ведро помоев на голову, — сказала Вера. — К тому же, это бесцеремонно, — добавила Вера, качая головой.

В зал ввалилось шумное семейство из шести низкорослых разнополых людей с детьми и большой грязной собакой. Все они оживленно разговаривали, перебивая друг друга. Не обращая на нас внимания, компания прошла мимо и остановилась у барной стойки.

Из кухни выбежал официант и немедленно занялся их посадкой. Для этого понадобилось сдвинуть столы. Когда это было сделано, официант швырнул набор ложек и убрался обратно на кухню.

Пришедшие расселись. На что ушло минут десять.

Глава семейства, грузная приземистая пожилая женщина с пробивающейся щетиной на лице, привязала собачий поводок к ножке своего стула, тем самым обездвижив животное. Или, вернее было бы сказать,

сократив область действия животного до крохотного пятачка у своего стула.

Псина, отсюда было не разобрать, кобель это или сука, сразу же повалилась на пол. Она перестала лаять, но вместо этого начала выть.

— Слава богу, собаку зафиксировали, — сказал Александр.

И добавил после небольшой паузы:

— И, слаба богу, она больше не лает.

— Терпеть не могу собак, — сказала Вера. — Теперь она воет.

— Вы их боитесь? — спросил я, глядя на Веру.

— Нет, — сказал Александр.

— Да, — сказала Вера.

— Боитесь собак? — спросил Александр.

Вера надменно посмотрела на него.

— Боюсь, — сказала она. — И что с того?

Официант вынес стопку одноразовых тарелок и ведро супа. Члены семейства разобрали тарелки. Перемещая ведро от одного к другому, официант занялся разливанием порций. Половника у него не было, поэтому точнее было бы сказать, что он просто наклонял ведро над тарелкой. И чаще всего плескал супа больше, чем было необходимо, забрызгивая всех, кто сидел рядом.

— Какая мерзость, — сказал Александр, — эти голодранцы.

— Бесподобная неприхотливость, — сказала Вера.

— Да, — сказал Александр. — Их кормят здесь два раза в неделю целыми семьями.

В зал ввалилось еще одно семейство, такое же многочисленное и тоже с детьми и большой грязной собакой.

Первая собака вскочила на лапы и принялась облаивать только что появившуюся собаку, которая моментально заметила ее и, прекратив свой пустой бесцельный лай, приступила к лаю, направленному на первую собаку, уже закрепившуюся на территории, а

именно — на крохотном пятачке вблизи стола первого семейства.

Официант обернулся к новым посетителям и крикнул, что займется ими в ближайшее время, как только разольет этот чертов суп и сходит на кухню за ведром такого же.

Не дожидаясь его, новое семейство само сдвинуло столы у самого выхода и приступило к рассаживанию, по окончании привязав собаку к стулу главы семейства — плотной низкорослой женщины, потрепанной возрастом, с торчащими во все стороны пучками рыжих волос на лице.

С появлением двух семейств, расположившихся в разных концах зала, а особенно с появлением их собак, ни на секунду не затихающих, в пивной стало так шумно, что хоть гроб выноси.

И, действительно, буквально через пару минут после того, как официант разобрался с первым семейством, он показался из кухни с новой порцией супа в детском гробу. Гроб был без крышки и официант, продвигаясь спиной вперед, тянул его на себя.

Когда он поравнялся с нашим столом, мы заглянули внутрь. И что же? Помимо супа в гробу плавал еще и ребенок довольно невзрачной, кстати, внешности.

— Боже, ребенок, — сказала Вера.

— Где? — спросил Александр, не сводя глаз с гроба.

— В супе, — сказала Вера.

— Это не суп, — сказал Александр. — Бульон.

— Совсем маленький мальчик, — сказала Вера.

— Девочка, — поправил Александр.

— Нет, — сказала Вера, — ни косичек, ни сережек.

— Пожалуй, что и так, — сказал Александр.

— Неужели они съедят и мальчонку? — спросила Вера.

— Не знаю, — сказал Александр. — Может быть, съедят, а, может, и нет.

Они перевели взгляд с гроба на втрое семейство, к которому я сидел спиной, поэтому мне, в отличие от

собеседников, пришлось не только перевести взгляд, но еще и обернуться.

Все, от детей до стариков, включая беснующуюся у них в ногах собаку, ожидали супа. И когда официант дотащился до них, трое мужчин поднялись с мест, чтобы помочь поставить гроб на стол. Официант раздал пластмассовые ложки, и семейство приступило лакать из общей лохани.

— Может, уйдем? — спросила Вера, оторвавшись от них.

— Мне все равно, — сказал Александр и посмотрел на меня. — А ты как считаешь?

— Я? — спросил проходящий мимо нас официант.

— Да отстаньте, наконец, — сказал Александр. — Не вы.

— Я бы остался допить коньяк, — сказал я.

— Официант, — завопил Александр едва отошедшему официанту, — пару, нет, три рюмки для коньяку.

— Не коньяку, — поправила Вера, — а коньяка.

Официант подошел к нашему столику.

— Коньяк разливается у нас в стаканы, — сказал он.

— Тогда три стакана, — завопил Александр.

— Вернее, не в стаканы, — поправился официант, — а в графины.

— Три графина, — завопил Александр. — И поживее.

— Нет, — уточнил официант. — Не в графины — в фужеры.

— Фужеры, — завопил Александр.

— Да не в фужеры, — затряс головой побледневший официант, — в жестяные кружки.

— Тогда три кружки, — заорал, что было сил, Александр. — Быстрее.

Тут одна из собак, первая, вернее, наоборот вторая, сорвалась с места, потому что глава семейства поднялась вытереть платком губы кому-то из детей, и вместе со стулом рванула к первой собаке.

Когда первая, вернее, вторая собака, достигла первую, они смогли, наконец, сцепиться, катаясь клубком вокруг стула главы второго, вернее, первого семейства, закинувшей от страха ноги на стол. Как раз в тарелки левого и правого соседа.

— Мерзавцы, — бросил в их сторону официант.

Он посмотрел на Александра, перевел взгляд на Веру, затем на меня и снова вернулся к Александру, по часовой стрелке.

— Нет, — сказал официант.

— Что нет? — спросила Вера. — Вы не можете принести нам жестяные кружки для коньяку?

— У нас их нет, — сказал официант, — но это неважно, потому что я перепутал.

Он улыбнулся.

— Коньяк подают у нас не в кружках, а в чайниках, как и все остальное, кроме пива и супа.

— Так чего вы нам голову морочите? — заорал Александр, схватил чайник и присосался к носику.

Официант снова обвел нас взглядом по часовой стрелке.

— Ну и дребедень, — сказал Александр, ставя чайник.

— Ты считаешь? — спросила Вера и тоже присосалась к носику.

Официант обвел нас взглядом по часовой стрелке: Веру, меня, Александра и снова вернулся к Вере.

Она поставила чайник на стол.

— Действительно.

Официант посмотрел на меня.

— Вам тоже не терпится попробовать? — спросил он.

— Нет, — сказал я. — Не люблю коньяку.

— Не коньяку, — поправила Вера, — а коньяка.

— Правильнее — не люблю коньяк, — сказал Александр.

— Так будете или нет? — спросил официант.

— Он же сказал, — сказала Вера, — что не любит коньяка.

— Коньяку, — поправил Александр.

— Мне все равно, любит он или нет, — сказал официант, — я спрашиваю о другом.

Все это время наш разговор сопровождался звуками сучьей грызни и дребезжащего стула, привязанного к одной из собак. Но, по крайней мере, мы друг друга слышали. Плохо, но общее представление удавалось составить. А теперь к общему шуму добавились еще и вопли главы первого семейства, в бедро которой случайно вошли клыки одной из собак.

— Какой кошмар, — сказала Вера, глядя на укушенную женщину.

— Нет, — сказал Александр, — это переходит все границы.

Из-за лая и воплей мне послышалось, что он сказал:

— Нт, эо рхоит се рицы.

А Вере послышалось:

— Е, т пеед в ган.

Мы сидели молча, пока растаскивали собак.

Сначала их тащили в одну сторону — влево. Затем в другую — вправо. И только после всего этого потащили в разные стороны: вторую, вернее, первую, влево, вернее, вправо, а первую, то есть, вторую, вправо, то есть, влево.

Покусанная глава семейства ползала на четвереньках по столу, наблюдая, как растаскивают собак. Вляпываясь в тарелки супа или переворачивая их, она руководила действиями мужчин.

— Вправо, — кричала она, — вернее, влево. Не эту собаку — другую.

В конце концов, собак отодрали друг от друга. И тут выяснилось, что пока их растаскивали, они перепутались. Какая из них принадлежала первому семейству, какая второму — определить было невозможно.

— Приехали, — заорала глава семейства, спускаясь со стола. — И что нам с ними делать?

Незаметно официант приблизил ко мне свой рот и закричал на ухо:

— Так вы будете коньяк или нет?

От неожиданности я отдернул голову и ударился об стену.

— Вы его убьете своими вопросами, — сказала Вера.

— Да-да, — сказал Александр.

Резкая вспышка, после которой в глазах потемнело, я практически перестал видеть, просидел так некоторое время, не скажу точно, сколько, затем потихоньку начал приходить в себя.

Первое, что я услышал, были слова Александра.

— К тому же, — говорил он, — коньяк дерьмовей некуда, хоть вы и подаете прямо в чайнике.

— Не то, что дерьмовый, — сказал официант, — он просто безалкогольный.

— О, — сказала Вера.

— А что вы хотели, — сказал официант, — нужно было уточнять.

— Но мы не просили коньяка, — сказала Вера, — нам нужно было пиво.

— А получили коньяк, — сказал официант, готовясь унести чайник. — Вам не надоело препираться?

Он поднял, наконец, чайник, посмотрел на меня и сказал:

— Поздравляю, ваши друзья уже все выпили.

В подтверждение своих слов официант снял крышку и перевернул чайник вверх дном. Струйкой вытек остаток.

— Что-нибудь еще? — спросил официант.

— Пожалуй, больше нет, — сказал Александр. — Можно счет?

— Один момент, — сказал официант и рванул к барной стойке.

— Где у вас дамская комната? — крикнула Вера ему вдогонку.

Молчание.

— Где туалет? — крикнула Вера.

Молчание.

— Сортир? — крикнула Вера.

Забегая в кухню, так и не обернувшись, официант показал через плечо носиком чайника.

— Там все, что нужно, — крикнул он.

— Прошу прощения, — сказала Вера и вышла из-за стола.

Пока ее не было, мы успели обменяться следующим набором фраз.

— Не знаю, как тебе, а мне эта девушка неприятна, — сказал Александр.

— Вера? — спросил я.

— Да, — сказал он.

— Мне тоже, если честно, — сказал я.

— О, — сказал Александр. — Я не ожидал.

— Даже больше, чем неприятна, — сказал я. — Она тошнотворна.

— О, — повторил Александр.

— От нее несет, — сказал я, — как от козла. Ты не заметил?

— Ооо, — простонал Александр.

— Даже сложно с чем-то сравнить, — сказал я. — Запах очень специфический.

Неопределенный жест.

— Сидеть рядом практически невозможно, — сказал я.

— Ты прав, — сказал Александр, кивая.

— Может, не будем дожидаться? — спросил я.

— Уйдем без нее? — спросил Александр.

— Да, — сказал я. — Пусть сама за все расплачивается.

— Можно и так, — сказа Александр.

Мы приготовились уже подняться, когда Вера вернулась.

Сразу после нее подошел официант и швырнул на стол счет.

— Сразу заплатите? — спросил он, ухмыляясь.

Александр достал кошелек.

— Сожалею, но у меня пусто, — сказал он.

Я достал кошелек и почти слово в слово повторил за Александром.

— Сожалею, но у меня тоже пусто.

Вера достала из сумочки кошелек и отсчитала нужную сумму.

— Без чаевых? — спросил официант.

— Не валяйте дурака, — сказала Вера.

После того, как официант убрался на кухню, она сказала:

— Вы не поверите. В туалете я встретила официанта. Когда я зашла, он уже был там. Стоя на четвереньках, водил тряпкой по полу. Я зашла в кабинку и закрылась. Официант сказал, что сейчас расскажет свой сон, но, если я против, он советует быстрее заканчивать со своими делами и бежать к выходу, он подождет. Я сказала, что не против, пусть рассказывает. Не отрываясь от своего занятия, это слышалось по одышке, он начал. На эшафот прилег бездомный калека — так он начал. Что он там делает, возмутилась толпа гостей, сейчас начнется свадьба. Голодранец приподнялся на локте и снял очки. Оставьте калеку в покое, крикнул кто-то, он здесь, чтобы развлекать нас. Толпа заволновалась. Голодранец поднялся на балке эшафота во весь рост. Затем он вынул из глазниц стеклянные глаза и положил на поднос, который держал перед собой. Эти глаза — ваши, сказал он. Тут калека закашлялся, но затем продолжил. Измавление — это лишения, сказал он. Его поправил кто-то из толпы: избавлегие. Затем еще кто-то: извбавленкие. И еще: избавленыие. Нет, сказал голодранец, вы не понимаете. Я имею в виду нечто особенное, не исчерпываемое перебором букв. Стены разъехались в стороны, под ними заметались крысы. Бездомный лег на балку эшафота и снова поднялся. Я приказываю, закричал он, чтобы свадьбу отменили. Как бы не так, заорала толпа. Где же мой зонтик, воскликнул голодранец. И в ту же секунду кто-то накинул ему на шею веревку и сорвал с эшафота. Убогий свалился на землю и забился в рыданиях.

— А дальше? — спросил Александр.

— Это все, — сказала Вера.

— Вы вышли или официант закончил рассказ? — спросил Александр.

— Не помню, — сказала Вера. — Посмотрите лучше на мое платье, которое я сшила сама. Только вчера решила научиться — и сразу наряд XVIII века. Красиво, правда?

— Это же обычное платье, — сказал Александр.

— Невежда, — сказала Вера.

Затем посмотрела на меня.

— А вы что думаете?

— Я? — спросил проходящий мимо официант.

— Отвяжитесь вы, — сказала Вера.

Я посмотрел на нее. Вернее, на то, что виднелось над столом. Как такового платья не было, Вера сидела в шерстяном свитере.

— Для первого раза очень неплохо, — сказал я.

Она покраснела.

— Вы находите? — сказала она.

— Так мы уходим? — спросил Александр.

— Ах, и еще, — сказала Вера. — Официант показал мне пивной аппарат.

— Какой? — спросил Александр.

— Аппарат, — сказала Вера.

— Что за аппарат? — спросил Александр.

— Кран, через который они наливают пиво, коньяк, суп.

— Ну и что? — спросил Александр.

— Великолепный, — сказала Вера. — Напоминает швейную машинку.

И вдруг всплеск, брызги, визжание детей — собаки свалились в гроб с супом.

— Какой кошмар, — простонала Вера.

— Ну, теперь-то все? — воскликнул Александр. — Можем уходить?

Мы поднялись и направились в сторону выхода.

Несколько женщин в промокших супом нарядах копошились у гроба, помогая вылезти огрызающимся собакам.

— Осторожней, — завопила Вера, — не забрызгайте мое платье.

— Никакого изящества, — сказал Александр, осмотрев заведение.

Декабрь 2008

Николай Старообрядцев

ПУНКТ ПРОКАТА ПОДЕРЖАННЫХ ОДЕЯЛ

Люди провели большую работу. Тонны книг были выворочены со стеллажей, вытащены под бесстрастное око дневного света и постранично перелистаны. На это потребовались годы. Но всё напрасно. Его нигде не было. Осталась только краткая записка, написанная не им самим, но напечатанная типографским способом. Вердикт её был прост и беспощаден:

— «*Книжного червя в природе не существует*».

Точка. Дальше — только примечания. Всё маленькими буковками, постепенно уменьшающимися и скоро становящимися совсем не различимыми для обыкновенного глаза. Их пытаются читать с помощью микроскопа, но и там — какая-то расплывчатость, какой-то туман смыслов, бурелом бумажных волокон, покрытых грязью чернил, вторжения каких-то неожиданных и никак не прочитываемых элементов. Но суть ухватить можно. И этого вполне достаточно.

Книжный червь есть суеверие тёмного ума. Мистификация. Он придуман родителями, чтобы дети не трогали книг. Сколько раз в детстве нам говорили:

— Не читай — глисты заведутся!

Разве не помните? Сложно поверить, но это было. А вот его нет и никогда не было. Есть только вши, букашки и личинки, которые вовсе не так увлечены книгой, как кажется некоторым библиофилам. Тайными ходами они приползают в библиотеки, чтобы в тёплом и сухом месте выспаться и наконец-то вылупиться. Но если ты выспался и тем более вылупился — то почему бы, скажите пожалуйста, не перекусить? С позволения

сказать, заморить червячка. И вот они начинают грызть своё главное блюдо, свой хлеб — дерево книжных полок. Кто устоит перед гарнитуром из карельской берёзы? Даже человек, не привыкший питаться древесиной, и тот пытается заполучить такой гарнитур всеми правдами и неправдами. Потом они желают получить что-нибудь на десерт — и начинают уплетать клей, которым крепят переплёты. Если же в разгар трапезы им на мандибулы попадёт краешек бумаги — можно прожевать и его. Но так ведь и человек, уже заполучивший прекрасный гарнитур карельской берёзы, сидя вечером на кухне и по-своему отмечая ценное приобретение, может откусить кусок колбасы и проглотить шкурку, даже если она для этого не предназначалась. Не называть же человека после этого колбасным шкуроедом. Мало ли что можно съесть! Возьмите детей — они тянут в рот всё что ни попадя. Ребёнок запросто может съесть слипшийся комок волос или таракана. Он съел бы и книгу — если бы мог. Но зубы ещё не прорезались. Зубы — великая вещь! Зубы крепкие и острые — имущество полезное во всех отношениях. Но дело даже не в них. Личинка насекомого несравненно мудрее, чем ребёнок человека. По крайней мере, разборчивее в еде. Она не станет есть всё подряд. Скорее ребёнок проглотит личинку, нежели личинка попытается сожрать дитя. Конечно, бывают исключения, но это уже капризы природы и печальные стечения обстоятельств. Заела среда, как говорится. Был человек — и не стало. Съеден жуками. Жестокий мир заморил червячка. С книгами проще: бумажный лист хранит вкус древесины. Специально его не захочешь, но если он лежит рядом — берёшь и ешь. Это многим знакомо. Бумажный лист в насекомом меню — что-то вроде вяленой рыбы. Каждый день есть не станешь, если ты конечно не чукча, но иногда — наиприятнейшая закуска. Так что, если уж ты нализался переплётного клея, то грех не закусить страницей романа.

Французский роман — как круассан: лёгок, но из-

нуряет воображение. Немецкий роман — как связка жирных сарделек: словно не ты его ешь, а он тебя заполняет и жмёт изнутри. Русский роман — как горькая редька: укрепляет тонкой печалью. И ладно бы романы! Белотелые личинки посягают на сочинения Ленина. Черноусый журнальный сверчок вгрызается в Святое Писание. Субтильная энциклопедическая моль предпочитает справочники по персидским коврам и шиншилловым шубам. Эстетически подкованная блоха набрасывается на альбомы художников и сборники английской поэзии. Ненасытная фолиантная вошь выедает целые строки в книгах кулинарных рецептов, поглощая ингредиенты в прямом и переносном значении, что спутывает карты не только семиотикам, но и опытным поварам, справляющимся из тех книг о способах приготовления экзотических блюд. Если повар, читая кулинарный трактат, после слов «говядина», »свинина» или «баранина», реже «крольчатина» или «козлятина», вдруг увидит уснувшее насекомое, он примет его присутствие буквально. Он сделает всё, чтобы точно следовать рецептуре — будет искать такого же представителя семейства книголюбивых, а когда не найдёт, то вытащит пинцетом прямо из книги, принесёт на кухню в спичечном коробке и сразу после говядины или козлятины бросит в кипящий бульон. Брюхо жирной личинки, попав в кипяток, взорвётся и наружу испустит изжованный и почти переваренный бумажный клочок, возвращающий рецепту утраченный компонент — соль. В итоге, солёное ложной символической солью блюдо будет подано на обед посетителю ресторана. Но случай распорядится, что этим клиентом окажется музыкант — знаменитый скрипач-виртуоз. Он сразу мудро рассудит, что соль перед ним — не поваренная. Соль — это пятая нота октавы, которая выпала из партитуры и без которой его знаменитый этюд недавно сыграли неправильно. Откуда нота в теле личинки? Пойди уследи! Теперь уж не важно. Ведь дело дошло до скандала и взаимных обид. Впервые консерватория гремела не музыкой, но чуть ли не

матерной бранью. Кто-то осмелился подшутить:

— Последний хрен без соли доедаем!

Это было услышано. Кому-то из молодёжи даже понравилось — раздался воодушевляющий пронзительный свист. Загалдели ряды. Неизвестно, что было бы, но дремавший там библиотекарь вдруг сразу очнулся, бросился прямо на сцену, быстро пролистал партитуру и сразу заметил к изумлению общества, что её, совсем ещё свежую, погрызли неведомые букашки. Букашки бессовестные, но отнюдь не безвкусные — бумага была превосходной. Они же похитили ноту и тем надломили мелодию. Поднялась суматоха. Люди забегали, раскрывая нотные сборники и подставляя их свету, чтобы хоть как-то усовестить проклятых личинок, посягнувших на святая святых — на современную классику. Откуда-то из глубины коридоров в зал явилась ископаемая старуха, пропахшая нафталином, и всем телом легла на собрание нот, закрывая их высохшей грудью и приготовившись к решительной схватке с бессовестным гнусом. Затопали по паркету каблуки бесчисленных ног. И тут же, пользуясь суетой, к ошарашенному музыканту откуда-то из тёмного угла, доселе невидимый постороннему глазу, вышел, как будто даже мягко подполз, местный писатель критических отзывов, державший в страхе композиторов и исполнителей. Он приблизил лицо к уху несчастного виртуоза и, как-то дико оттопырив губу, произвёл очень быстрые и чёткие уведомления: дескать, надломленный ритм только на пользу сладковатой музычке многоуважаемого маэстро и личинки оказались не так уж вредны, как показалось, должно быть, неискушённому слушателю, но напротив — они оказались полезны, как он, искушённый ценитель, смеет покорно заметить. Личинки изгрызли излишнее и гения извлекли из-под завалов таланта.

Разумеется, намёк был понят вполне. Он попал в нужное ухо. Оно повернулось в сторону выхода, и пока другие, ненужные уши судорожно сновали в наэлектризованном воздухе филармонии, охотясь на слухи и

домыслы, нужное и весьма чуткое к музыке ухо направилось в хранилище партитур, увлекая туда же седовласую голову, длинную дряблую шею и прочее тело.

Это тоже было когда-то. Ближе к семи часам вечера небо сочилось дождём. Было тепло. Некий маргинальный субъект, озябший от лежания на гранитной плите, изволил в том усомниться, однако ему указали на столбик термометра. Он прищурился и увидел — действительно, на термометре, прибитом гвоздём к оконной раме первого этажа, наметилось двадцать градусов Цельсия. Не больше. Может быть, девятнадцать. Смотря откуда смотреть.

Один студент с тетрадкой конспектов спешил на вечернее заседание научного клуба. Он бежал вдоль гранитного ограждения, поставленного нарочно, чтобы зеваки не падали в воду канала. Вода капала на зевак самостоятельно, но не из канала, а откуда-то сверху, оттуда, где кручинились тучи. Избыток воды, не достигавший зевак и прохожих, катился в канал, питая его полноводие, или орошал камень дороги, сливаясь в округлости луж. В одной из них, как под стеклом серпентария, студент приметил продолговатое тело червя. Тот растянулся до последних пределов и своей оконечностью, совсем истончившейся и оттого не похожей на голову, но больше на щупальцу, то ли рыскал, чего-то ища, то ли просто взбалтывал воду ради ему одному известной забавы. Студент задумался — зачем земляного червя называют иногда дождевым? Что ему дождь? Разве он ему рад? Он трётся своими боками о влажную землю, но грязнее от этого не становится. Было бы глупо ему вылезать на поверхность, чтобы принять природное омовение. Видимо, падшая влага подтопляет его подземные норы. Когда человек спокойно сидит в своей комнате и занимается заготовкой конспектов, а на него вдруг с потолка начинает изливаться вода, он встаёт и бежит из квартиры, чтобы выяснить, что же такое стряслось и когда это кончится. Он опасается за свой гарнитур, который может

расклеиться. Он трясётся над остатками колбасы, которая может размокнуть, разбухнуть и утратить полезные свойства. Однако обнаружив источник, он не бросается в воду, чтобы в ней извиваться. Он желает вернуться за письменный стол, чтобы в сухости предаться работе, даже если эта работа — доедание колбасы. И ему не понравится, если вдруг кто-то, желая продемонстрировать навыки классификации, станет при всех его называть дождевым человеком.

Но если вдруг на того же самого человека, пока он читает, или мечтает, или ест колбасу, или делает всё это одновременно, как обычно бывает, снизойдёт благодать, тогда он так же не находит покоя. Он мечется среди стен, ему тесно и странно. И наконец он бросается прочь, забывая закрыть за собой. Откровение, данное свыше, сообщает ему особого типа проворство — он выскальзывает из оков постылого быта, размывает затхлые створки своих убеждений и начинает новую жизнь, чистую и освежающую, как летняя дождевая вода. И тогда его называют человеком религиозным. *Homo religiosus*, согласно тому самому словарю строго научных понятий, который студент давеча взял в академической библиотеке своего института. И видит бог, не взял бы — был бы словарь поеден личинками.

— Конечно! — остановился поражённый студент. — Конечно же!

— Простите! Не подскажите, где тут можно найти старое одеяло? — вдруг спросил у студента представитель человеческого отребья. — Ночью будет прохладно. Земля ещё не прогрелась.

Но студент его как будто даже не слышал. Им завладела идея. Идея впилась в него изнутри. Он решительно рассуждал, делая набросок философской системы:

— Струя прозрачной воды, соединившая землю и небо в акте дождя, есть духовный прообраз червя — данное свыше ему откровение. И червь, превративший голову в щупальцу и рыщущий в слизи наземной

воды, вовсе не учится плавать, чтобы потом перейти из земли в океан и, рискуя стать пищей для рыб, попытаться уплыть из России в Америку. Нет! Он простонапросто — предаётся примитивной молитве.

Примерно так подумал студент и неожиданно упал на колени, как будто придавленный величием собственных дум. В исступлении он склонился к червю и мысленно вопрошал:

— Что же тогда получается? Струя откровения, падая свыше, заставляет подземное существо покинуть среду обитания и перейти в противолежащий ей мир, из удобной земляной тесноты в непривычное и немыслимое до этого существование в наполненном духовными водами безграничном наземном пространстве. В земле червь способен двигаться в трёх измерениях, на земле — только в двух. Сколь велика его воля к смирению! Но черви — существа приземлённые. Если они готовы на подобную жертву, то знают цену наверняка. Червь своего не упустит. Червь — это тёртый калач. Особенно если свернётся колечком. Его не проведёшь на мякине. Он веками трётся в мякине земли и доподлинно знает цену себе. А что человек? Неуклюжее тело. Червя из земли извлекают струи дождя. Человека под землю влекут струи смерти. Бог человека живёт не на небе, но под землёй. Недаром мёртвых принято закапывать в землю, а не выстреливать в небо из катапульты. Покидая пространство трёх измерений, человек под землёй обретает двумерный покой. Одно измерение — вечность. Второе — любовь. Кажется, человеку тоже под силу сосчитать дважды два. Особенно, когда он студент старшего курса политехнического института.

Собрав воедино всю свою волю, студент смог на пару минут прервать исступление и быстро законспектировал все свои размышления, подытожив их так:

— Один — человек. Два — небо и почва. Три — текучая связь между ними. Четыре — чрево червя.

Так его научные измышления стали известны кое-

кому из участников научного клуба и позже опубликованы в одном подпольном литературном журнале.

Едва он закончил, исступление возвратилось и вновь овладело рассудком. Он отбросил тетрадь и простёрся всем телом на гранитом одетую землю. Расстелился на плоскости, вытянув продольно конечности — две руки, две ноги. Он вжался в камень лицом и принялся за работу. Грыз и царапал гранит, извиваясь в разные стороны. Постепенно изловчаясь в червеобразных движениях, он прощупал его подпиравшую плоскость и скользнув по плёнке скопившейся осадочной влаги, сместился к границе, противоположной каналу — там простиралась почва газона. Он начал врываться в неё, попутно высвобождаясь из покрывшихся грязью мокрых одежд.

Сбежавшиеся зеваки из-под зонтиков наблюдали, как совершенно оголившийся молодой человек упорно пихается в землю. Сначала было смешно. Молодость склонна к причудам. Студенты — весёлый народ. Любят шутки и розыгрыш. Один представитель студенчества на днях целую жареную курицу взял и бросил в канал. Хохма! Но потом все увидели, что очень уж ловко вьётся субтильный студент — земля как будто ему поддаётся. И вот уж полтела полностью скрылось в почве газона. Тут подоспели серьёзные люди. Они потеснили зевак и стали вникать в положение дел.

Сначала подумали, что раз уж гражданин оголился, то просто так лежать на тротуаре ему неприлично — вот он и лезет под землю, желая скрыть срамоту. Потом рассудили, что если рядом одежда лежит, значит в землю стремится человек не от стыда, а от умысла. В чём состоял его умысел, никто из зевак не смог объяснить. Высказывались предположения, что это ведутся земляные работы, но это звучало неубедительно. На такой вид работ всегда имеются документы. Проверили тетрадь с конспектами, но никаких распоряжений, печатей и подписей там не нашлось. Её отдали кому-то из прохожих маргинального вида и тот моментально ретировался. Нужно было срочно что-то решать.

Чтобы точно определить, порядочное ли действие тут совершается, нет ли какого погрешения против общественного порядка и основ государственности, постановили на время прервать человека, извлечь и спросить. Пока прения совершались, студент почти полностью скрылся в земле. Его схватили буквально в последний момент — за голую бледную ногу, которая одна торчала наружу. Позвали дворника и стали тянуть. Оказалось, нога не желает поддаваться усилию дворницкой тяги. Тогда привязали канат и взялись толпой. Раскачались и дёрнули. Нога поддалась. Дёрнули снова. Извлекли на поверхность до полутора метров ноги. Мимо шёл врач. Он отметил, что даже при очень развитом теле, какое имеют манекенщицы и олимпийские чемпионы, такое строение ног едва ли будет считаться здоровым. Кто-то ему дал совет уйти подобру-поздорову. Или вместе со всеми тянуть за канат.

Врач был человек любознательный, поэтому с жаром включился в общее дело. Его помощь оказалась существенной: тело студента вырвали, как корнеплод. Но узнать его уже было нельзя. Собравшиеся в ужасе отшатнулись. Кого-то стошнило. Стоявший рядом старик перекрестился. Дождь уже кончился. На истоптанном газоне вытянулась двухметровая худая конечность, переходящая в четыре удлинённых уродливых щупальца, в которых врач смог опознать вторую ногу, две руки и то, что было когда-то студенческой головой. Теперь она выглядела как истончённое упругое тело червя с едва заметными глазками и наростом человечьих зубов на оконечности. Кого-то снова стошнило. Дворника послали за участковым. Дело принимало дурной оборот.

Ухо, причастное абсолютному слуху, плыло в прохладе ночных переулков на самой окраине города. Оно слегка нависало над обнажённой губой. Губа жила на другой голове, где без малого сорок пять лет верой и правдой обрамляла ротовое отверстие. Ухо шептало, а

рот внимал его голосу:

— Позвольте вас благодарить. Уж не знал, что поделать. Весь город избегал — и хоть бы личиночку! Так бы и сидел с целыми партитурами.

— Право, не стоит! Где мы, а где вы? Мы для искусства готовы на всё.

Вечерним безветрием завладели миазмы подвалов. Комариные полчища безвольно висели в пространстве, опьянённые порченой кровью. И ныли, нестройно звеня на миллион голосов, о вечном страдании тварей живых. Рот музыкального критика, перекошенный от вечного скепсиса, спрашивал ухо, прямо к нему устремляясь губами, как будто другого тела при ухе вовсе и не было:

— Как вы находите комариное пение?

Ухо замерло и прислушалось.

— Весьма… плотоядно…

В сточной канаве огромная крыса наслаждалась мясом жареной курицы. Пущенный камень пролетел рядом с ней и плюхнулся в грязь, орошая холодное мясо пахучим соусом канализации. Крыса презрительно глянула в сторону промахнувшегося камнеметателя и продолжила свою вечернюю трапезу.

— Позвольте спросить нечто неделикатное? — рот спрашивал и сплёвывал комаров, которые сами в него попадали, по мере того, как он, разинувшись в речи, загребал встречные объёмы пространства.

— Нет, не могу такого позволить, простите, — прозвучало откуда-то из-за уха. Ухо само говорить не умело. Оно только слушало и для этого крепко сидело на голове. Но оно всегда слышало голос, который рождался из мыслей, как-то уху известных — возможно, посредством кровоснабжения. Кровь умеет вбирать информацию. Или посредством самой анатомии — то, что сидело раструбом раковины на поверхности головы, было лишь частью наружной, а всё остальное сидело внутри, врастало непосредственно в центр головы и, кто знает, могло быть естественным продолжением мозга. Или мозг был развитием уха — у музыкально

одарённых людей такое наблюдается часто.

— Тогда я позволю себе, — мастер музыкальной рецензии привык решать за других. — Почему вы кажетесь ухом и только лишь ухом, хотя, с позволения сказать, при вас есть всё тело, которое ходит ногами и движет руками? И даже второе ухо имеется, не чуть не меньше, чем первое.

— Тело? Что тело! Тело — только подставка. Нечто подобное библиотечному шкафу, где органы разложены в нужном порядке, как книги.

— Что же второе ухо тогда? Тоже книга — в кожаном переплёте?

— Это с детства болезнь, — ухо зависло в воздухе. — Мне так говорили. В одно ухо влетает, а из другого — сразу наружу. Так сказать, вылетает. Вот и пришлось заткнуть его пробкой, чтобы хоть что-то в голове оставалось. Чтобы ветер там не гулял.

— Пробкой?

— Да, натурально. Поэтому оно не работает. Его как бы нет. Книга закрыта и задвинута. Никто не читает.

— Ловко придумано! Какого дерева, позвольте узнать?

— Орех, — ухо ответило рту. — Прописали согласно созвучию со словом *oricula*. Теперь ори, не ори — всё равно. Словно не раковина, а ровное место.

— Недурно! — рот был разорван неподдельным восторгом: критик ценил фактуру и подбор материала. — С ореховой пробкой и я бы ходить не постеснялся. Хоть бы и в ухе. Хоть бы и где!

— Правда? — ухо, было вспорхнув, снова замедлилось.

— Правда! Дадите примерить?

— Есть ли нужда? — ухо не ушло от ответа. — С вами ведь тоже нечто подобное. Вроде бы, тело присутствует, не может не быть, таков закон анатомии. Однако же виден лишь рот. Если его закупорить пробкой, что же останется?

— Вы правы. Но только отчасти. Рот есть только

один. Но рот — не только отверстие. Рот также — полость. Полость полощут бальзамом. И если пробка встанет на место отверстия, рот просто будет закрыт. Как бутылка. Такое бывает.

— Но если рот бывает открыт, а бывает закрыт, и при этом всегда остаётся собой, то что он такое, если не дверь?

— О, нет! Конечно, он двери подобен. Рот может быть на замке. Но дверь за порогом сразу кончается. Рот же — отнюдь. Рот не имеет конца.

— Но что он, если не дверь? — ухо хотело определённости. — Защёлка на ридикюле? Можете объяснить вразумительно?

— Извольте! — рот отрыгнул дефиницию: — Классический рот есть разверстая полость, где за неровной клетью зубов играет язычная мышца.

— Пусть так! Но играет на чём? Или хотя бы во что?

— Мышца играет сама по себе — от преизбытка жизненной силы.

— Кажется, теперь понимаю. Рот — это глаз, выколотый языком изнутри.

Рот сузился до размера глазницы и узким чёрным отверстием слепо уставился в темноту. Путь делался всё извилистей. Прямые линии улиц сменились каскадом дыр в деревянных заборах и скосами почерневших бараков. Ржавые прутья вожделенно взирали на путников из-под обломков бетона. Сверху змеились спирали шипованных проволок — грозились неосторожное ухо содрать с головы и зашвырнуть в непролазную тьму, где его непременно сожрали бы крысы и черви. Всё, что было похоже на путь, сменила глухая теснина. И ухо, не выдержав, всхлипнуло:

— И всё же, куда мы идём?

— Никуда, — во рту снова заколыхался неугомонный язык.

— Но как же? — съёжилось ухо. — Ведь мы же куда-то хотели прийти.

— Мы пришли, — осклабилось ротовое отверстие,

освещая остатками внешнего света неровные потемневшие зубы. — Вспомните, что вы такое. Слушайте!

Ухо повисло в воздухе, напряжённо слушая место.

— Это совсем не похоже на городское хранилище насекомых.

— О! — рот округлился ответом. — Это место нам будет намного полезнее.

— Но как же личинка? — ухо наморщилось так, что стало похоже на уменьшенное лицо старика.

— Отложите личинку! — войдя в раж, рот брызнул слюной. — Я покажу вам нечто чудесное.

— Что это? — ухо затрепетало от недоверия.

— Пункт проката подержанных одеял, — высокопарно рекло ротовое отверстие.

— Пункт проката подержанных одеял? — вопросительным эхо откликнулось ухо. — Я не ослышался?

— Да, именно так!

— У меня есть своё одеяло, — ухо охватило волнение. — И не одно. Можно всё тело обернуть несколько раз. Только я и останусь — наружу: торчащим, но не смотрящим, а слышащим. Но мы ведь хотели идти за другим.

— Поверьте, — перекошенный рот повис в подворотне. — Здесь будет намного удобнее. В прошлый раз вам повезло.

— Неужели? — ухо насторожилось.

— Ужели! — от знания дела рот пуще прежнего перекосило. — И кстати: хранение запасных одеял здесь почитается за благодетель. Никто вас не станет судить.

— Но мы же искали нотное насекомое? Разве я неправильно понял, — ухо терзалось едким сомнением.

Почувствовав это, рот решился прибегнуть к беспощадной логике здравого смысла:

— Ваши скрижали погрызла личинка фортуны. Такое бывает единожды. Простая личинка, увы, не имеет надёжной разумности. Тем более — вкуса. Она побрезгует нотной грамотой, погрызёт лишь края и уснёт. Ей подавай твёрдые переплёты! Ей надо, чтобы клеем было густо помазано.

— И как же?

— Увидите! — так рот уверял ушное отверстие, как будто оно было оком. — Нужно самим попасть в переплёт!

Двое входили под своды, где возвышалась гора одеял, наваленных как попало. Но так лишь казалось тем, кто стоял у подножия. Мягкий вал одеял быстро грудился, образуя систему искусных сплетений. Гора стремительно громоздилась и вблизи оказалась настолько огромной, что полностью раздавила остатки всякого света. Но её очертания были ясны для других ощущений — от них исходил тонкий шум, как будто старые влажные ткани были насыщены вибрацией микроскопической жизни. Так мириады червивых смычков елозили по бесконечной извитой подземной струне. Гора была чем-то между ухом и ртом — извилистым входом во влажную тьму. Гора была головой, примотанной к телу спящего города. Она оком слепым пялилась в ночь и — звала.

— Когда зовут, нужно следовать, — рот резонно заметил, слюняво пришлёпнув губой: — Это я вам как рот говорю.

Ухо не слышало зова, но молча двинулось в глубь, словно кто-то тащил, за мочку взявши сильными пальцами.

— Стойте же! — фыркнул рот замечанием. — Нужно раздеться донага. Кто же в одежде ложится под одеяло?

— Логично, — подумало ухо. — Но пробку придётся оставить на месте. За долгие годы она прикипела. Она — как бы орган.

— Ореховый орган! — рот скептически скривился.

Но пробка ушная — не пробка в бутылке шампанского: не выпрыгнет, лишь дай ей возможность. Хорошая пробка держится крепко. Пробка — крепость, в которой засело отверстие.

— Что если зубами её прикусить? — мелькнула шальная догадка и щёлкнули кривые потемневшие

зубы, всё это время тихо сидевшие за губами. — Они у меня очень крепкие.

— Что вы! Это не репка, чтобы зубами наружу тянуть, — ухо заколыхалось и уклонилось. — Пробка славно сработана и снаружи совсем недоступна. Пробка моя — неприступна. Крепкий орешек! Пусть лучше зубы и дальше сидят за губой. Нечего скалить. Ухо — вам не бифштекс и не кусок колбасы. Рядом со мной уместнее умные речи. По служебному долгу я слышу всякую фальшь!

— Пусть же сидит ваша пробка, если ей хочется. Как на горшке, — рот опустел на мгновение, будто беззубый, но сразу опомнился. — Слушайте сами тогда, раз просили! Но двигайтесь. Двигайтесь плавно, как будто плывёте!

Ухо прислушалось, а рот говорил. И вместе они углублялись в мягкую крепость — плавным ползком. Их одеяла со всех сторон облегали и плотно окутывали, забирая в свой переплёт.

— Люди берут одеяла, чтобы спрятаться и согреться. В одеялах живут насекомые. Бельевые вши — это классика. Но не только они! Наши одеяла гостеприимны и способны на многое. Люди многое понимают во сне. И потом приходят сюда, чтобы жить и работать. Днём они рыщут по городу и выискивают старые одеяла. Ночью — предаются великому единению.

— В чём ваш секрет? — ухо пыталось прислушаться, но от бесчисленных вкрадчивых звуков ему было тесно и трепетно.

— Среда. Питательная среда. Не столько ест, сколько питает. Тлеет и греет.

— Сегодня среда? — Ухо утратило нить. — Совпадение?

— Чтобы случилось великое дело, многому нужно совпасть.

— Хоть бы луч света упал в это тёмное царство!

— Здесь не так уж темно, — ответ прозвучал немного обиженно. — Тут повсюду сияние. Это особые черви: фосфоресцируют. Разве не видите?

Но ухо не видело. Оно растворялось в звуке, льющемся отовсюду. Ему было сложно что-то сказать — оно будто бы отделилось от тела и просто плыло по одеяловым волнам, покрытым рябью тонких вибраций.

— Если вам нужно что-то сказать, — рот сразу всё понял. — Пользуйтесь мной. Не побрезгуйте! Слово — моё обычное дело. Критик всегда доступно расскажет, что художник пытался сказать. Мне же для этого даже не нужно вас слушать — мне всё известно заранее. Я открываюсь — и слово исходит наружу.

Ухо послушалось. Как и положено хорошему уху, отныне оно только слышало. Отныне оно было ухом и больше ничем. Прямо теперь оно слышало, как нечто большое и небывалое к ним выползало из одеяловых толщ. Рот обратился в радостный крик:

— Вот оно! Совпадение!

В блеклом сиянии червивой пододеяльной фосфоресценции возникло что-то доселе неслыханное. Змеевидная телесная форма, свитая как бы из щупалец, отдалённо напоминающих руки и ноги. Его телесное оконечие венчала корона из удлинённых белых зубов. И кто-то стал говорить, голосом гулким и сдавленным, как рот не смог бы сказать — так могли бы сказать одеяльные складки, если бы стали губами.

— Позвольте представить. Первый в мире настоящий книжный червь. Он родился в самом сердце российской науки. И тем самым доказан! Он изгрыз Россию, как сыр, и насытился великой премудростью. Теперь он за главного здесь. Под одеялом так же, как в голове — без царя не управиться.

Ухо лежало и слушало. В том голосе, что говорил, не было вкуса, меры, ума — благодатной пищи для уха, услаждающей слух. В голосе жило густое роение бесчисленных организмов и надсада вязких материй, спутанных в тусклом и тесном пространстве. То был голос усталого старого сердца, не способного сказать уже ничего, кроме правды.

— Мы построили дом. Первое общество в мире, где высшие формы жизни сосуществуют с низшими формами в полной гармонии. Личинки и крысы, люди и черви, блохи и вши, клопы и глисты — наши достопочтенные граждане. Мало ли кто! В мягком тереме из одеял все они спутались в единый живой организм. В стихию покоя. Все они счастливы. Под старыми одеялами живёт вечная демократия!

— Но зачем вы меня привели в ваше логово? — рот перебил, предварительно очень вежливо кашлянув: он исполнил своё обязательство — озвучивать то, что ухо намеревалось сказать. И сам же ответил, не желая утруждать мелочами голос более важный:

— Вам это покажется удивительным. Может быть, даже обидным. Но вы здесь почти не нужны. Вы — только спутник. Дополнение к главному блюду. Вы только кажетесь уникальным. Ваш абсолютный слух — лишь обманка. Воистину уникально ухо, которое запечатано пробкой. Из него выделяется не сера, а соль. Соль — это то, что украли и спрятали в землю. Разве не соль искали вы в супе? Что вы искали, то всегда было рядом. Сера — обжигающий, вспыльчивый элемент. Насекомые с ним осторожны. Они ополэают его стороной. Оттого вы и слышите только то, что как будто хотите услышать. Слышите то, к чему приучили. Всё, к чему у вас нет привычки — вылетает наружу, не задерживаясь в голове. Вы избалованы и потому уже не способны войти в наше общество на добровольных началах. Соль мудрее. Соль — это точность. Кристалл соляной — порция засохшего света. Соль созидает большие структуры. Проходя через соль, звук становится лучше — он очищается и становится несказанным. Сейчас мы — только явление. Смутное выражение общественной воли. Соль позволит нам сделаться принципом.

Одеяла надвинулись и сжали ухо в плотных объятиях. Ухо чувствовало отдалённо, что на той стороне головы происходит движение — кто-то цепко хватается, будто когтем, и тянет — противно и больно. Кто-то

вытягивал пробку. Ухо всё затряслось, но от этого стало только больнее. Одеяла крепко держали. Ухо слышало, как рот, ломаным от натуги голосом, пытается озвучивать чьи-то намерения:

— Кажется, не смогу. Застряла. С годами вросла. Встала колом и никак не идёт. Дайте скрипичный ключ. Он должен быть рядом. Ведь он музыкант, виртуоз, композитор. Им и откроем. Да где же? Посмотрите в кармане. Оставил в консерватории? В футляре для скрипки? Не унывайте! Термиты помогут. Эти трудяги и не такой орех разгрызали!

И закипела большая работа. Термиты работали слаженно — их гвардия сметала и не такие преграды. Пробка таяла, как рафинад, брошенный в горячую воду. Вдруг что-то щёлкнуло. В одеялах всё разом остановилось и стихло. Гигантское тело червя пошевелилось, как будто чего-то ища, потом дёрнулось и поникло — ухо смогло это почувствовать. Великая скорбь охватила жителей мягкой горы.

Ухо под пробкой оказалось мертво. Зачахло в бездействии и стало обыкновенной дырой в голове. Соль растворилась во внутренних соках и с потом через поры вышла наружу, развеявшись по ветру.

Одеяла ослабили хватку. Ухо опало во влажную мякоть. Термиты продолжали роиться вокруг, прикасаясь к нему тонкими лапками. Но и от их суетливого бега исходило ощущение тщетности.

Вдруг устрашающий крик, какой-то нечеловеческий, потряс и раздвинул сплетения одеял. Это рот рванулся в геройском порыве и ором истошным потряс ветхие мягкие своды:

— Я буду ухом! Ведь слух — это просто молчание. Слух — пустота, ждущая наполнения. Как рот, пересохший от жажды, ожидает воды. Зубы мои будут солью. Чем они хуже? Они тоже росли в мясной темноте и окрепли в борьбе. Зубы — твёрдое, обнажённое знание.

И вновь всё воспряло! Вновь одеяла задвигались дружно, закипев от восторга.

Зубы сделались солью. Книжный червь разбил их

ударом клыкастой короны. Рот претерпел — не впустую. Пока зубы крошились, он выкричал дочиста всё, что в нём было от голоса. Он остался пустым и немым, приготовившись стать заменой мёртвому уху. Он открыл возможность червю в свет облачиться и прозвучать на весь мир. Червь отпрянул и — бросился: в отверстие первого уха, живого. И тут же наружу вышел с другой стороны — через рот, откуда обычно выходит язык. Но он уже не был книжным червём. Не был он и студентом политехнического института. И не был уже человеком. Он прошёл через серу и соль, чтобы сделаться музыкой вечности. Чтобы стать языком, на котором с высшими и низшими тварями без посредников общается Бог.

Если бы рот ещё мог говорить и умел бы схватить в паре слов весь смысл чудодейственной песни, что вздымалась над миром из одеяловых недр, он бы лучше не выразил это, чем это сделали за него одеяла, которые враз всколыхнулись, зашевелились волнами складок и всем своим отсыревшим объёмом вдруг разразились словом тёмным и почти никому непонятным, как эхо в бездонном и чёрном колодце:

— Спасена Россия!

Для кого? Для чего? Кто-то, может быть, объяснил, но рядом не было уха, чтобы это услышать. Ухо ушло. Можно сказать — отлетело. Его больше нет. Но музыка, которой оно помогло появиться, будет жить вечно. И будет греметь над Россией веками, в души честных и добрых людей вселяя великое благоговение.

ВОСПИТАНИЕ N.
ИЛИ ФИЛОСОФИЯ В ИНСТАГРАМЕ

Примечание В. Лорченкова

В 2013 году я, Владимир Лорченков, русский писатель из Молдавии, провел два месяца в резиденции "Музеумскартье" в Вене, как приглашенный автор. Мои апартаменты находились на втором этаже этого великолепного музея и культурного центра, расположенного в самом центре столицы Австрии, и оборудованного в бывших имперских конюшнях. Результатом моего пребывания в резиденции стал сборник довольно посредственных рассказов, которые совершенно не важны в контексте сегодняшней публикации, — потому название книги не заслуживает упоминания — и неожиданная находка. Это была обнаруженная мной на кухне в шкафу с посудой пачка листов с рукописным текстом на русском языке, в которой отсутствовали первые три листа — остальные были пронумерованы и начинались со стр. 4. — и которая обрывалась на середине (последний лист в пачке заканчивался фразой "продолжение в зеленом блокноте за камином", нет необходимости уточнять, что никаких каминов в Музеум Картье нет). Все мои расспросы администрации музея о моих русских коллегах закончились безуспешно. Не думаю, что меня держали в неведении сознательно. Как показывают данные на странице музея в интернете — MQ Artists-in-Residence — MuseumsQuartier Wien (mqw.at) — единственным писателем на русском языке, ставшим приглашенным гостем в резиденции Музеум Картье был и остаюсь я.

Найденная мной рукопись представляет собой автобиографическую, как я понимаю, историю встречи

в Вене женщины и мужчины — красивой сексуальной украинской беженки с активной политической позицией и странного господина без определенных места жительства (он называет свой дом Замком) и национальности. Все, что мы можем знать о нем, мы знаем исключительно с его слов. Очевидно, сам факт того, что рукопись была забыта — брошена? — говорит о том, что ее автор равнодушен к своему труду и не рассматривает его таковым. Тем не менее, я публикую отрывки этого дневника — романа? — в издательстве "Опустошитель" в надежде на то, что автор рукописи, если он жив, узнает себя и свою историю и свяжется со мной для того, чтобы забрать свой манускрипт.

***

… Я повстречался с N. в марте в Вене на улице: в одних трусах, вымазанных кетчупом, она зарабатывала мужу-ветерану ВСУ на протезы безвкусным перфомансом про Бучу.

… Некоторое время я любовался тем, как неловко и бессмысленно прикрывает она руками большие, тяжелые груди, обнаженные и выкрашенные в цвета украинского флага. Неясно, правда, зачем, ведь только *это*, а не *буча*, от украинских беженок и требовалось. К счастью, иногда N. опускала руки и тогда редкой красоты зрелище открывалось мне. В тот раз я случайно прихватил, выходя из дома, очки. Обычно я вижу мир глазами посетителя выставки импрессионистов — пёстрыми мазками — но в тот раз увидал не цвет, но линию… Всё до малейшей детали!

Я стоял поодаль, но словно бы склонился над N. как пожилой господинчик из полицейских историй над играющей у школы девочкой. Её крепкие ножки приковывали мой взгляд, теряющийся там же, где и линии их плавного схождения внутренней стороны ляжек… Я видел, как играют мускулы под животом N., слегка недоедавшей к тому времени и потому в отлич-

ной форме… — современной женщине требуется недоедать! — видел ее крепкие и коротковатые, увы! но весьма аппетитные ляжки… Видел ее рёбра под мышцами и грязные от картона пятки. Я увидел даже, как крупные соски N. съежились, словно оборона ВСУ к марту 2024 года, и даже каждый вставший дыбом волосок на руках увидал. Ведь гуашь не защищала от пронзительного венского ветра с Дуная, такого промозглого, что хочется не любоваться архитектурой города, а лишь скрыться поскорее в теплой комнате Музея Картье и выпить вина. И нужно знать, что такое архитектура Вены, чтобы понимать, насколько этот ветер суров! Наконец, видел, как жалко и беспомощно она улыбается, стараясь не смотреть в лица прохожих. Я смотрел и смотрел… Можно сказать, я выпил всю N.

Когда я утолил свою жажду, то немедленно подошел к компании замерших украинских беженок, среди которых танцевала и визжала N. и предложил сделку, которая навсегда изменила её жизнь.

Но перед тем как приступить к описанию этого контракта — его составлению, подписанию и исполнению — которое и представит содержание этой рукописи, я вынужден сделать краткое отступление, чтобы рассказать вам вкратце о том, что собой представляют герои этой истории. И пусть их прошлое… — да что там, наше прошлое, потому что герои здесь N. и я, — никак, видимо, не повлияло на развитие дальнейших, после нашей с N. встречи, событий, но оно, тем не менее, объяснит вам, почему я подошел именно к N. Ведь полуобнаженных украинок в тот мартовский день в Вене на пересечении улицы Mariahilferstrase и площади у Национального музея стояло много, и мой выбор мог пасть на любую из них.

<….>

***

… В 2024 году меня позвали в Вену, где я два месяца жил на улице Mariahilferstrase, в писательской

резиденции в Музеум Картье, как приглашенный поэт Музея современного искусства. Это было забавно, я чувствовал себя самозванцем, да и был им. Это напоминало мне историю моего деда, гуцула и потому члена Союза Писателей МССР (в СССР за правильную с точки зрения властей национальность поощряли), который в жизни ни единого слова не написал, а удостоверение получил, чтобы шантажировать доверчивых колхозников возможной критической статьей, "публикацию" которой "отменял" в обмен на вино, фрукты, мясо, и пр. дефицит. Это весьма злило мою бабку-еврейку — в СССР за правильную национальность поощряли и женой правильной национальности — которая вечно предсказывала деду, что его "посадят на хер в тюрьму» (как все советские евреи, бабка страшно ругалась матом). Но деда не посадили: ни на хер, ни в тюрьму (не исключено, что он, с учетом характера бабки, об этом жалел, но так ли это, я не узнал — дед был холоден ко мне, и мы толком до самой его смерти и не поговорили).

… В какую невинную эпоху жили наши предки!

В резиденции в Музее Картье жили и другие артисты. Например, М., ставший сейчас очень известным из-за того, что приколотил свои яйца к брусчатке, а тогда — автор инсталляции, представлявшей собой видео, на котором головы плавают на поверхности озера в тумане и поют серенады. В общем, такие же аферисты, как я, понял я, посетив инсталляцию, и не пытался завязать знакомств с коллегами, благо их номера располагались в другом крыле здания.

Я как раз раскурил сигару, — открыв для себя свободу, я вновь позволил себе роскошь курить в помещении — и открыл окно на улицу, как услышал, что под моими окнами визжат каждые 10 минут голые женщины в трусах испачканных красным и с бюстами в желто-синей краске. Прохожие шли мимо и тарелка для мелочи пустовала.

Шел третий год войны, украинские беженки вышли из моды.

Я мысленно поблагодарил Бога за то, что беженки прибыли только сейчас, и все же спустился вниз, чтобы договориться. Mariahilferstrase шумная улица, но до сих пор мне удавалось найти ключи ко всем. Так, цыган-гармонист, каждый вечер бацавший у входа в турецкую закусочную "Катюшу", уважительно умолкал на полчаса по моей просьбе, подкрепленной 50 евро. Мне предстояла сигара и потому мне требовалась тишина. Я спустился вниз, сжимая в руке купюру в сто евро. Девушки как раз стояли ко мне спиной, кружком, обсуждая что-то.

Первой, кто повернулась ко мне, оказалась N. Она похудела, но ее широкое славянское лицо было все то же, только глаза вроде бы увеличились, но это из-за того, что бедняжка осунулась. Мы обменялись короткими неловкими приветствиями и дежурными рассказами о себе.

Я узнал, что она приехала в Австрию в 2022 году, — "после вторжения раши", как она выразилась, я из уважения к ее мучениям промолчал да и что мне, внуку еврейки и гуцула, было дело до этих славянских разборок! — и жила в вагончиках-контейнерах с электричеством и общими туалетами первый год. Но после сворачивания программы для украинских беженцев в ЕС вынуждена была перебраться на вокзал с подругами. Пособие от ЕС им не платили уже несколько месяцев, приходилось работать на улице. Тот самый К, подорвавшийся в "Бредли" под Авдеевкой — "мой герой", сказала она — ждал в квартире в Киеве, когда N. найдет деньги на протезы для рук и одной ноги. Я подумал, что она всегда готова была свернуть горы ради мужчин, чем порой их обременяла, но это явно не относится к данному случаю. Тут я понял, что она молчит, глядя на меня, и сообразил, что надо бы и мне что-то сказать о себе. И я взял вола за рога.

<.....>

***

… Путь к венгерскому ресторанчику, что неподалеку от Оперы, мы проложили через толпы продавцов билетов, все как один в костюмах XVIII века. Мне нравится одежда той эпохи, которую я считаю величайшей из всех, что были у человечества — *у нас была великая эпоха* вспомнил я некстати книгу какого-то эмигранта — и я напомнил себе купить камзол, панталоны, парик и чулки. Конечно, проще было велеть N. напомнить при случае, но для таких отношений мы еще *не созрели*. Как раз давали "Аиду", и площадь заполонили еще и туристы, которые прицениваись к посещению Оперы. С одной стороны, *"визит в Оперу в Вене"* повышал ваш статус в социальных сетях, с другой — стоил немалых денег… Вдобавок, пусть это и совершенно неважно сегодня, посещение Оперы вовсе не гарантировало удовольствия от постановки. "Этот режиссер ужасен, — бросил я N., отмахиваясь от спекулянтов — мы с вами побываем на постановке в сентябре".

… Бедняжка чуть не захлебнулась от восторга. Она уже, без сомнений, рисовала в своем потрепанном бедностью воображении картины романтических ухаживаний богатого поклонника и придумывала способ поблаговиднее, чтобы бросить *своего героя.* Уверен, ее совесть вполне удовлетворила бы сделка, в результате которой К., получив свои протезы, живет на скромную, но достойную пенсию где-нибудь под Киевом (конечно, на пенсию от меня, ведь я, как всякий представитель цивилизованного человечества, *обязан герою* за защиту от монгольских орд с Востока), и страдает по Любимой, а я, похититель сердца его Возлюбленной, *боготворю* Её в самых лучших и дорогих местах Европы и все мы обращаемся друг с другом как Друзья, Цивилизованные Люди и Джентльмены… Не будем винить даму за этот романтизм, читатель, ведь до сих пор ауспиции были к N. и впрямь благосклонны: наша неожиданная встреча, новость о моем состоянии, мое

внезапное внимание к ней, известный *бутик* мехов (об этом я расскажу за столиком во время ужина), и вот, дорогой ресторан… Зайдем же в него!

Сразу у входа нас встретил метрдотель и отвел к столу в маленьком саду во дворе. Нет, меня не ждали, хотя… ждали всегда. Меня попросту знали, и столик нашелся сразу, хотя это заведение в самом центре Вены весьма популярно. Место нам предоставили, по моей просьбе, для четверых персон (я уловил недовольный взгляд русских туристов, ютившихся втроем за столиком на двоих, но бессильная злоба этих *нелюбимых детей* Европы меня лишь позабавила). N. наивно поинтересовалась, ждем ли мы к ужину еще кого-то, я лишь пожал плечами. Она всё поняла и просияла, когда нашу скатерть начали покрывать блюдами (я знал, что N. голодала и собирался накормить ее до отвала; не торопись хвалить мои добрые намерения, читатель, ведь, подобно герою одного романа Булгакова, я намеревался со всею строгостью стребовать со своей спутницы за каждый сантим, потраченный на жиры для неё, углеводы и витамины).

Это заведение представляло собой реплику ресторана Гунделя, что в Будапеште у Зоопарка, — те же архитектура и меню, — о чем я не преминул рассказать N. жадно мне внимавшей (наверняка, чтобы потом написать *информативный пост*), но не отводящей глаз от тарелок, которые начали появляться между нами. Я поделился, что ужинаю здесь все время моего пребывания в Вене, взгляд N. потеплел еще сильнее. Думаю, мои поиски гастрономического удовлетворения в столице Австрии в ресторане венгерской кухни свидетельствуют о ностальгическом характере человека, который вечно хочет чего-то *другого* и ищет потерянный рай повсюду, только не *здесь и сейчас*. В юности своей, в краткую пору, когда я еще питал иллюзии относительно обладания некоторыми литературными способностями, я видел в этом ободряющий знак схожести с одним русским литератором… известным изгнанником в Монтрё.

Освободившись же от пут этих иллюзий, я просто понял, что обладаю вздорным характером вечно неудовлетворенного человека (и может лишь в этом и состояла загадка монтрёского отшельника). И признав это и смирившись, странным образом начал получать удовольствие не только от поисков потерянного рая, но и от самого себя.

Ничего этого я N., разумеется, не сказал, болтая лишь о соусах и способах их приготовления. Одновременно я выбирал для нас угощение в меню, которое хорошо знал.

N. большей частью молчала, поеживаясь от неизвестности. Сейчас каждый шаг она делала в темноту, что, по уверениям ученых, — людей сведущих во всем, кроме того, как управляться с той катастрофой, которую мы терпим по вине столь дорогого им *прогресса* — весьма фраппирует наши инстинкты со времен пещерного человека. Потому она сделала ставку на доверие — неудивительно для нашего вида, особенно, если речь идёт о самке — и слепо бросила мне повода в вопросе выбора блюд. И не только!

Как вы уже помните, я увел её с Марияхильферштрассе буквально полуголой. Пока мы удалялись от груды скачущих и визжащих тел в цветах украинского флага, N., в одних трусах и кедах, которые быстро обула (напомню, девушки бесновались босыми), всё порывалась заскочить в соседний магазин, где, по ее словам, они “оставили дорогую одежду перед перфомансом”. Я лишь улыбнулся этой невинной хитрости и мягко, но решительно не позволил ей изменить маршрут. Но успокоил, заверив, что мы можем приобрести ей новые вещи (в чем, собственно, и состояла цель N.). Впрочем, заметил я, поскольку делом первоочередной важности мне представляется накормить даму — вид у N. и прямо был оголодавший — то стоит ограничиться быстрой покупкой… приобретением одного предмета одежды, но достаточно большого, закрывающего тело целиком. А уже остальной гардероб N. мы можем обновить после ужина. Бедняжка так ого-

лодала, что мало понимала мною сказанное, и только быстро закивала, услышав “обед”. Так что я усадил N. в такси, и уже спустя пять минут входил с ней в Zara, соседствующий в Вене с собором Святого Этьена.

Из магазина моя спутница вышла уже в шубе.

И пусть эта шуба была надета практически на голое тело — уверен, N. наверняка вспомнила свой давний визит к любовнику в одном плаще и гадала, *знаю ли я* (судя по легкому покраснению ушей, по меньшей мере думала об этом)… — в любом случае, это прибавило моей даме уверенности в себе.

“Возможно, завтра нам стоит съездить в Парндорф, — небрежно сказал я, открывая меню, и пояснил, хотя она не спрашивала, — это место находится совсем рядом с Веной… в Парндорфе мы найдем множестве известных торговых марок по самым низким ценам, Ralph Lauren, Diesel, Armani…”

— … — молча смотрела на меня, как на божество, N.

—

Я велел подать меню и ей, — вежливости ради, конечно — и продолжил распевать свою “Марсельезу” консьюмеризму: “Жалко, конечно, что сейчас не июль, когда скидки достигают двух третей цены, но что поделать, если *вещь хочется купить, делать это нужно здесь и сейчас,* не так ли, N.?”

Бедняжка только глазами хлопала, да часто кивала, в надежде, что произведет на меня впечатление человека *знающего*. Ничего N., конечно, не знала. Жизнь в беженском городке, а потом и просто в ночлежке не предполагает тесного знакомства с туристическими достопримечательностями города, и Вены моя спутница толком не увидела. Разумеется, я пообещал это исправить. Она глядела на все это — ресторан, столики, арт-деко, наконец на меня — словно на отверзшиеся двери рая. Мы принялись, наконец, за угощение.

… На первое нам подали zelleres burgonyakrémleves savanyított gombákkal, napraforgóval, — как всегда, с подкопченными семенами подсолнечника — перед ко-

торым мы закусили хрустящими и свежайшими szarvasgombás krokett kaviáros tartárral. Заметив, что N., как все бедняки, не наелась закусками и щиплет после крокетов хлеб в ожидании супа, я распорядился насчет grillezett libamáj birsalmával, füstölt dióval, friss fűszerekkel és gyümölcsecetes glace-szal, поразившей N. ароматом лесных трав, и ветчины с грушевым майонезом. Потом, как я сказал, принесли суп, и я, желая произвести впечатление на N., заказал после него еще один, легендарный halászlé fogasés pontyfilével, gyufatésztával, в котором карп тонул в океане душистой паприки. На второе на столик наш выпрыгнул, как из ручья, лосось из lazacpisztráng grillezett karfiollal, karfiolkrémmel és salátával, sáfrányos citrusmártással, коего мы прикончили заодно с egészben sült rozé kacsamell káposztás derelyével és pikáns glace-szal с пикантным гляс-соусом и огромными bécsi szelet mangalicából, pirított petrezselymes burgonyával és házi savanyúsággal, смахивающими на венские шницели, но отличные от них гарниром и панировкой. На сладкое я попросил тарелку десертов — торты “Добош”, “Эстергази”, “Ракоцци” — и кофе. Нелишним будет отметить, что мы щедро оросили наш раблезианский ужин двумя бутылками Kovács Nimród Borászat 2017 года по 65 евро каждая. Впрочем, справедливости ради отмечу, что N. налегала больше на еду, от которой опьянела, впрочем, как от вина. Ну и, пожалуй, хватит о жратве.

Добавлю лишь, что запомнил все эти диковинные названия не потому, что хорошо владею венгерским языком. А, как указал выше, довольно часто там обедал… Ну хорошо еще и потому, что они фигурировали на счете, который я оплатил и сохранил в своих документах по привычке архивиста ничего не выбрасывать. Он по сей день находится в папке моего архива, где лежат трусики N. того дня, маленький кусочек ссохшейся синей гуаши с её левой груди, и левая кеда (правая куда-то запропастилась, что неудивительно, прошло уже десять лет).

Общий счет в ресторане вкупе со стоимостью шубы произвел на N. большое впечатление. Что, в свою очередь, ничуть не впечатлило меня, нынче ведь сумма, уплаченная за еду, намного важнее вкуса этой самой еды.

Как вела себя N. во время нашего ужина? Стандартно, как нищенка из романтических комедий. Я почти не помню детства, но сохранил какие-то обрывочные воспоминания о нем. Одним из таких мемуаров стали безлюдные улицы города в шесть часов вечера, во время показа какой-то дешевой мексиканской мелодрамы-сериала (жители бывшей советской империи открывали для себя сериалы, усевшись перед телевизором, пока их имущество выносили из общего дома… именно по этой причине телевизор вынесли в последнюю очередь). Кажется, героиню сериала, девушку из крестьянской семьи звали как-то просто… Мария? Я был слишком мал, чтобы интересоваться романтикой и мелодрамами, так что не смотрел фильм. Но как-то, в промежутках между играми во дворе, случайно зашел домой во время показа сериала и мельком увидал эпизод, в котором “просто Мария” ела суп в гостях у богатой семьи. Чавкая, нарочито хлюпая, глотая еду и порыгивая… Мне это показалось trop, чересчур, и я решил, что актриса переигрывает, но я ошибался. Именно так и ведет себя оголодавший и бедный человек. Да, оголодавший богач тоже набрасывается на еду, но так, словно она ему положена, богач берёт своё… бедняк же ворует еду со стола, даже если купил ее. Люди вообще ведут себя стандартно, вот от чего я и начал скучать с ними. Они стереотипны и играют невеликое число ролей, выданных на складе социальных масок обществом, этим тупым и жадным прапорщиком-каптером. Иногда им кажется, что роли изменились — время идет!.. новый век!.. — но изменились лишь декорации. И вот в XXI веке, все те же персонажи Мольера продолжают выплясывать перед нами, пусть и с айфоном в руках, знал я, открывший, благодаря состоянию и возможности проводить

время по своему усмотрению, мир французской литературы (ничего не делать и читать сегодня — роскошь).

Конечно же, у N. был айфон, и она — смесь мисс Дулитл, пастушки Карамзина и *леди в поисках десятки* — активно им пользовалась. Приятно удивленная моей щедростью и репутацией ресторана, которую не преминула *загуглить*, N., хоть и была очень голодна, сделала десяток фото блюд и *закинула* в свой Инстаграм… Ведь сейчас даже нищие имеют доступ к эрзацу жизни, соцсетям! Ну, а уж отдав дань веку, N. набросилась на еду.

Сначала она стеснялась, но голод превозмог, и N. забыла обо мне на тот час, пока насыщалась. Конечно, она ела, не глядя на меня. Я сразу успокоил бедняжку, предложив ужинать в молчании, а поговорить уже после. Она понимала, что нам предстоит некий разговор и, я видел по глазам, гадала, какой. Поначалу это её нервировало, но… Бедняки живут одним мигом, так что N. с благодарностью приняла мое предложение помолчать, и буквально налетела на еду. Правда, поначалу ей мешала шуба, которую приходилось поддерживать одной рукой, чтобы не испачкать мех и не обнажить грудь. Я успокоил N., объяснив, что, во-первых, если шуба испачкается, мы купим новую, а, во-вторых, в стыдливости нет никакого смысла.

“Только что вы трясли своей прекрасной и восхитительной грудью перед всем честным народом в центре Вены, — изложил я своё мнение на сей счет, вызвав прилив удовольствия и крови к ушам N. немудреным комплиментом, который мне ничего не стоил, ведь она обладала и правда восхитительным бюстом, — и нисколько этого не стыдились, поскольку вами двигала благородная, с вашей точки зрения, цель. Но ведь и сейчас вы здесь явно для того, чтобы помочь своему мужу (*тут глаза ее, пусть и невольно, блеснули, выдав корыстные намерения N.* — прим. рассказчика), и, значит, цель у вас все та же, и намерения ос-

таются все такими же благородными. А раз так, то стоит ли волноваться по пустякам?"

N. успокоилась, и хотя не сняла шубу — все-таки на террасе было прохладно — оставила в покое воротник и вся обратилась к блюдам.

И пока N. поглощала пищу, я продолжал любоваться ею, попивая вино. Как я уже сказал, N. не красавица, хотя и очень миловидна. Но она была вся... живая. Мышцы быстро бежали под ее кожей, — как мысли в глазах — словно вода под поверхностью реки, с виду неподвижной, но выдающей, то рябью то всплеском, огромную силу, заключенную в себе. Вся из мяса и слизи, жидкостей и костей, N. воплощала собою вульгарный материализм жизни. Глядя, как она ест, я понял причины болезненного пристрастия к ней L.

Как всё живое, N. производила шум. Конечно, бедняжка старалась вести себя как можно приличнее, но многомесячное воздержание в еде и тепло с небольшой толикой алкоголя раскрепостили N. и её, что называется, "повело". Несколько раз она даже чавкнула, отчего ей стало стыдно, но я велел не отвлекаться. Как и все, кто жует один, ей казалось, что жует она чересчур громко — и так оно и было — но она ничего не могла с собой поделать. Однажды она поперхнулась — *"не в то горло"*, сказал я понимающе, — и время от времени, думая, что я отвел от нее взгляд, снимала языком пищу с зубов. Мне показалось даже, что я увидел крошку на её подбородке, но в этом я не уверен. Разойдясь под конец и потеряв всякий стыд, N. облизала вымазанные в соусе пальцы — но то был соус из палинки и натурального абрикосового джема! — и, не удержавшись, тихонько рыгнула. Запах она попыталась скрыть, повернув голову и задержав дыхание. Но, бросив на меня быстрый взгляд, она обнаружила, что гляжу я прямо на неё. Лицо N. залило пунцом.

"Вы только что рыгнули, — сказал я с виду скучая и переводя взгляд на свой бокал (но тот был трюк, потому что я мог наблюдать в отражении ее лицо и реакцию, и увидел, что она покраснела еще гуще), — но не

стоит волноваться и придавать этому какое-либо значение. Вы женщина, принадлежите к определенному биологическому виду, у вас есть пищеварительный тракт, вы едите и срете.... Я принимаю вас такой, какая вы есть" (*тут надежда снова появилась на ее лице, наверняка она, как героини украинского тик-тока, решила, что я влюблен в нее и мной можно манипулировать* — прим. рассказчика*).*

… Наконец, она насытилась. Я еще раз взглянул на неё. N. выглядела после ужина явно повеселевшей. Позже она, смеясь — над собой в первую очередь, — рассказала мне, что решила в тот момент, будто я влюбился.

Я оплатил счет, попросил два кофе, закурил сигару, и велел принести карту ликёров перед тем, как бросить карты на стол.

***

… Некоторое время я молча наслаждался рюмкой своего "Веллингтона" и дымом "Кохибы". Насытившаяся и осоловевшая, N. смотрела на меня подобревшими глазами. Она явно готова была выслушать мои путаные сбивчивые объяснения о том, как она мне понравилась сейчас… или как я был увлечен ею в молодости… bref, готов бросить к её ногам все свои тридцать миллионов. Не исключено, что я должен был покаяться перед ней за то, что вся жизнь её пошла наперекосяк из-за мужчин. Все подводило N. к тому, что я испытываю к ней симпатию или вину: как мужчина или бывший сослуживец человека, испортившего ей жизнь, или как русский, например, хотя русского во мне только имя (да и вообще русским N. назначала любого, кто ей не нравился)… И конечно, постараюсь искупить грехи своего пола, благо, при моих новых финансовых возможностях это сущий пустяк. Что парадоксально обесценивало мою готовность искупить вину с моральной точки зрения, поскольку не требовало от меня никаких жертв…

Впрочем, я уделяю время сущим пустякам.

Мне к моменту встречи с N исполнилось сорок шесть лет, и я уже знал, что мужчины в моем возрасте очень чувствительны и слезливы. Они часто испытывают мучительное неудобство из-за, как им кажется, *грехов молодости*, списывая недостаток гормонов в щитовидке на свое моральное перерождение, под которым подразумевают трансформацию если не в ангела, то уж точно в праведника, намеренного жить *по совести* (яркий пример этого идиотничания описан Лео Толстым в романе "Воскресение"). Это глупо, поскольку женщине нужен не мужчина, живущий по совести, а просто мужчина (а в биологическом смысле мужчина и совесть два понятия противоречащих). Но дело тут не в развитии личности. Просто, как верно отметил коллега L. и его кумир, французский писатель Селин, — в юности душа как бицепс, твердая, а после сорока размякает. Причина этому простая и она не в душе, а в теле и гормонах. Мы готовы годами рефлексировать о соблазненной и оставленной пастушке, воображая себе невесть что, в то время как "несчастная" женщина давно уже и не помнит об этом малозначительном эпизоде своей юности (или вспоминает о нем с улыбкой). Отсюда и "опасный возраст", "седина в ребро"... короче говоря, излишняя сентиментальность и, самое главное, готовность искупить свою воображаемую вину за прошлые грехи перед первой попавшейся женщиной, не имеющей отношения к жертвам нашей юности.

Всё это, конечно, большой обман.

Мы, мужчины, не становимся лучше и порядочнее. Это лишь слабеет наша эрекция и дряблое тело подсказывает, что пора позаботиться о постоянной спутнице, — желательно помоложе и покрепче, — которая понадобится в роли санитарки и прислуги. И, как бы нам не трудно было поверить в это, женщины отвечают в этом взаимностью... любая из них предпочтет мужчину-подлеца с крепким *молодцом* высокоморальному ухажеру, чей уд вял и безволен. Ну или, в идеале,

женщине нужны оба. Первый хорош для постели и страстей, а второй — чтобы платить, в прямом и переносном смысле, за преступления первого. Впрочем, милые читательницы мои, я увлекся философствованиями, что лишний раз напоминает о том, что золотая пора моей эрекции миновала и я ищу собеседницу вместо любовницы… Терпение!

Наверняка, подумал я, и N. в свои тридцать восемь лет уже постигла натуру стареющих мужчин и явно намеревалась использовать нашу слабую сторону в своих целях. Что же, в таком случае я избавил N. от ложных надежд сразу же. Затянувшись сигарой, я выпустил N. дым в лицо, и сказал:

— Мы составим контракт, который обяжет вас год быть моею рабыней.

<…>

II

“Хорошие новости про нашу ридну Украйну! Только послушай, N., любимая! — сказал K. и стал читать запинаясь, поскольку, как и положено украинцу, не очень хорошо владел украинским языком.

“Прорішення Комітету ПАРЄ з міграції заявив його очільник, нардеп Гончаренко. Після закінчення боєвих дій українці зможуть повернутись в Україну і отримувати від європейських країн фінансову допомогу. Також працюєм над тим, щоб європейські країни взяли на себе і допомогу нашим ВПО», — пояснив Гончаренко. Зараз Комітет готує рекомендації для всіх країн Ради Європи” — читал K.

N., казалось, не слушала, а лишь с жалостью смотрела в экран ноутбука. Квартира, в которой находился K., представляла собой типичное жилище славянина из интернет-мемов первого мира — с ковром на стене, значками и вымпелами над столом… нечто мрачное, пусть и уютное, словно обиталище покровителя славян, медведя. Как же оно?.. Берлога, вспомнил я слово! В отличие от неё гостиная Замка, где находились мы с

N. и Христо, была великолепно освещена, со вкусом обставлена современной дорогой мебелью, и мы все одеты в приличествующие встрече одеяния. Отличалась и наша одежда. К., позволю себе напомнить, лишился на фронте, от которого ему довольно долго удавалось отлынивать, сидя в каком-то киевском штабе на должности системного администратора, двух ног и руки. И потому, видимо, перестал уделять внимание гардеробу. На нем была растянутая майка с надписью, почему-то "I love Los-Angeles" (N. объяснила мне, что украинцы одеваются в магазинах секонд-хэнд и не выбирают не только своего президента, но и то, что написано на их одежде), и какие-то шорты, которыми он волочил по кровати, когда отполз от ноутбука, чтобы видеть нас получше. Я же восседал в гигантском кресле-троне в дорогом охотничьем костюме, словно лорд, заглянувший домой в перерыве на травлю лис, Христо надел смокинг, а N. — вечернее платье, наглухо закрытое чуть не до шеи, но с полностью открытой спиной.

… Да, сеанс прямой связи нам организовал Христо — увы, я неисправимо туп во всем, что касается технологий и их применения в повседневной жизни — который стоял в углу, сложив руки по швам, мрачный и торжественный, на случай, если понадобится. Мы с К. неловко поздоровались — N. представила нас друг другу — и молча и испытующе глядели друг на друга. Без сомнения, К. решил — решил я. — что сегодня N. бросит его ради "новой любви", но, отдаю ему должное, вел себя достойно и мужественно. Именно поэтому, сделав сначала вид, что ничего не происходит, он решил зачитать N. очередные новостные peremogi с фронта. Я с трудом улавливал их смысл — как румын, я не очень понимаю славянские языки и не люблю их *(русский к таковым я не отношу, ведь он, как и французский, великий плод великой бюрократии* — прим. рассказчика*)* — и предпочитал смотреть, а не слушать. К вящей своей радости, я не находил следов жалости на лице N. Судя же по мимике К. он сам не верил в то,

что читал, чтобы он там не читал, хотя старался заставить нас — и прежде всего, себя, — поверить в обратное. "Українцям будуть виплачувати гроші для повернення на Батьківщину!" — особо подчеркнул он, и хотя я не понял, что это значит, но по ударной интонации догадался, что этот украинец придает сказанному огромное значение. Из уважения я помолчал, хотя тонкая улыбка змеилась по моему лицу.

… Как объяснила мне N., ее бывший муж… мужчи… — она два раза осеклась, пока не выбрала верный тон — в общем, *её К.* сознательно отказался от использования русского языка в знак протеста против русского народа, *по милости* которого лишился трех конечностей. Я пожал плечами и отнесся и к этому с уважением, хотя, безусловно, решение К. представлялось мне странным, ведь украинским языком — ну или украинским диалектом русского языка, поскольку украинского языка не существует, как утверждал украинофоб L., на что мне было, в общем-то, наплевать, — К. явно не владел. Это как если бы К. решил отрезать единственную оставшуюся у него руку в знак протеста против того, что три другие конечности покинули. Но хозяин — барин! Или, как говорят украинцы, господарь…

"Літаки і БТР. Швеція оголосила про найбільший пакет військової допомоги для України, — читал чуть ли не по слогам дрожащим голосом К. — *Він перевищує 13 млрд шведських крон… Що буде в пакеті: Літаки радіолокаційної розвідки та управління ASC 890. Це дасть «абсолютно новий потенціал радіолокаційної розвідки та бойового управління проти цілей у повітрі та на морі»… Літаки будуть поставлятися з навчальним і тех. обладнанням; Весь парк бронетранспортерів 302 для підтримки формування нових бригад ЗСУ… Ракети «повітря-повітря» Rb 99, артилерійські боєприпаси і ресурси для обслуговування раніше переданої техніки".*

Я тактично кашлянул. К., глубоко вздохнув, приготовился к худшему прямо глядя в экран, хотя губы его

и задрожали слегка. “Подойди ко мне, N., — велел я, — и сядь у моих ног”. N. немедленно повиновалась. Брови К. страдальчески поползли вверх. Он, приподнявшись на своей единственной руке, смотрел в экран, словно прорицатель в чрево жертвенного животного, пытаясь выискать в открывшемся ему зрелище знаки грядущего. И они не преминули там появиться. Я щелкнул пальцами, и Христо бесшумно появился за моим плечом, протянув мне хлыст — изысканный предмет, приобретенный мною во время торгов имущества разорившейся британской усадьбы, владелец которой пожелал, чтобы его имя осталось тайной. На хлысте красовались инициалы, C. W. и цифра III. Рукоятка из красного дерева, украшенная тремя крупными алмазами, и прут из китового уса, обтянутый кожей с китового же пениса, обошелся мне в целое состояние. Состояние человека вроде меня, но не К., так что не было никакого смысла обращать его внимание на то, какой чудесной вещицей я стану обрабатывать его прелестную… ммм… кстати, кого? Это нам еще предстоит выяснить, подумал с улыбкой я, и заговорил.

“В ближайший час, дражайший мой К., — сказал я, задумчиво глядя на кончик хлыста и пытаясь понять, что при совокуплении чувствует китиха, *“тупая боль между ляжек”*, вспомнилась мне некстати цитата из книги одного потешного американца, проведшего юность в Париже, — нам предстоит познакомиться близко, весьма близко, если, конечно, вы не пожелаете прекратить нашу с вами… видеоконференцию. Поэтому я бы просил вас отнестись, во-первых, к нашему разговору со всею серьезностью, а, во-вторых, поскольку мы сблизимся, отчего бы нам не перейти на ты, как ты думаешь?” “Договорились, спасибо, что ты позво…”, — лихорадочно пытаясь угадать ход беседы, начал было говорить К., но я перебил его самым бесцеремонным образом.

Широко размахнувшись, я огрел хлыстом сидевшую в моих ногах N. по спине, отчего она жалобно и

довольно вульгарно взвизгнула. Движимый принципом интеллектуальной честности, читатель, я опишу это как есть — в случившемся не наблюдалось ничего романтического, эротического или мрачно-загадочного… скажу больше и честно — N. взвизгнула как скандальная баба на базаре… “Ой, блядь!”, — крикнула она, но, уже наученная горьким опытом, не сдвинулась с места, хотя и задрожала. “Что… что такое?!.. N., моя N… любимая!.. да как ты посмел, мразь! Да я тебя, бля! — выкрикнул К., смешно заерзавший по кровати, я буквально видел, как он сучит несуществующими ногами, — N., тебя держат в заложниках?! Я немедленно вызываю полицию! N., дай мне знак, где ты! Держись, любимая! А ты…”

Тут я немедленно огрел N. по спину хлыстом еще раз. N. вновь жалобно крикнула и, сгорбившись, задрожала. Но так и не сдвинулась с места. Туповатый, как все славяне, К., сообразив, чего я от него хочу, замолчал.

“Что же, неплохо для первого раза, — сказал я, — ты большой молодец, К. Как ты, очевидно, уже понял, на “ты” в нашей беседе перейду я. Ты же будешь называть меня Месье, и на Вы, с большой буквы”. “Что… что ты… вы такое говорите… — начал было страдающий К. ховорить с так раздражающим меня фрихативным акцентом, который я не буду в дальнейшем передавать на бумаге, чтобы не наскучить тебе, читатель, как нас перебила N., крикнув, — Делай, что велит тебе Месье”.

Я немедленно хлестнул N. по спине еще раз, и на этот раз она не издала ни звука. Я был справедлив. N. знала, что второй удар получила совершенно заслуженно… ведь она перебила меня! К. смотрел на это широко раскрытыми глазами, решив, вероятно, что его возлюбленная попала в плен к какому-то чудовищу.

“Итак, милый К., — сказал я, — я рад встрече с тобой… я о тебе довольно наслышан… точнее, был наслышан в те первые несколько дней, что N. исполняет

свой контракт в моем замке, потому что она тогда только и делала, что болтала о тебе. К счастью, затем она выбросила тебя из головы. И вот ты передо мной, пусть лишь на экране… Признаюсь, зрелище меня разочаровывает. Одна лишь рука… Ладно бы, две ноги или обе руки… или одна рука и одна нога! Но есть в том факте, что у тебя уцелела всего одна конечность, нечто оскорбительное для моего чувства гармонии… ты словно нерадивый ученик школы геометрии, что раздражает учителя, выводя неверную линию на пляже Кикладских островов…"

Тут я вздохнул глубоко и, достав из кармана сигару, закурил. N. молча стояла передо мной на коленях, словно кающаяся грешница перед крестом в церкви.

"И от чего же ты отказался ради этих трех минут так называемой славы, если мы можем так это назвать, — сказал я, — ради импульсов удовольствия, которые получил мозг, когда на твоей странице в соцсетях появились несколько "лайков" и комментарии "герой"? Что ты отверг ради этого? От того, что у меня в ногах… Это женщина. Взгляни на неё, К., посмотри, как следует. N., разведи ляжки да пошире! (*N. немедленно повиновалась* — прим. рассказчика). Гляди на эти полные крепкие ноги уже начинающей тяжелеть женщины, которые, однако, перед тем как тело ее сдастся и постареет, расцветут последний раз всеми огнями индейской осени… *(тут я автоматически употребил оборот из своего эмигрантского прошлого, разумеется, я хотел сказать "бабье лето"* — прим. рассказчика). От бутылки вина лучшего урожая отказался ты, К. Смотри хорошенько. Эти мясистые ноги… их мускулы еще не покрыла рябь цел-лю-ли-та *(я словно выплюнул это смешное слово, и, готов поклясться, легкая улыбка появилась и на лице N. и на губах моего верного помощника Христо* — прим. рассказчика*)*, о котором все столько трещат и которого так боятся… этот круглый пухлый белый зад… да что там зад, настоящая жопа… нет, Жопа, вот что я хочу сказать!.. нет, ЖОПА!!!. Её Величество Жопа, большая, круглая,

горячая, с темным и пряно пахнущим отверстием посередке… отверстием с привкусом горечи какао-бобов… настоящая ромовая баба N., со сладкой, сахарной, хорошо спрятанной дырой между ляжек, откуда течет река, полная молока и меда… А эти бока?! Ухватись за них и ускачешь за тридевять земель! Ну а уж груди… эти груди… да что там говорить, лучше увидеть, хотя ты, конечно, прекрасно помнишь эти мясистые полусферы, всегда чуть потные, всегда чуть возбужденные… им никакая поддержка не нужна!.. Помнишь о тех огромных сиськах N., да что там — Сисяндрах!.. которые так сладко шлепать! Господи, да ей сорок, а у нее сиськи торчат, как у двадцатилетней!"

Распалившись, я затянулся сигарою, и, словно негодный развратник из романов де Сада, поспешил расстегнуться дрожащими руками, стараясь не стряхнуть горячий пепел себе в ширинку.

"Друг мой, — сказал я, — взгляни на эту женщину. Посмотри, как хороши и красивы ее ноги!.. кто-то может счесть их, на свой вкус, коротковатыми, а спину — широковатой, но сколько естественной красоты и грации в этом простом, немудреном теле! В ее толстых ляжках! В ее круглой мясистой жопе! В ее узкой дырке, которая заставляет обладательницу свою кривляться, когда в нее проникает член! Она хороша во всем… Давай взглянем на ее руки! Пусть мышцы на них уже начинают провисать, как они все еще хороши, полны, белы! Как она обнимает ими мужчину! Ах! Это я был таким мужчиной этим утром, и по ней реки пота текли! Ох уж эти ноги!.. Кстати, а твои ноги где, К.? И рука твоя где? И чем ты будешь обрабатывать все это хозяйство… весь этот участок чернозема, который каждый день нужно рыхлить, мотыжить, сеять, поливать, удобрять?.. Ничего для этого у тебя нет, К., есть только хер… одинокий, пусть и торчащий!.. всеми заброшенный, словно этот ваш Зеленьски на мирной конференции в Риге в 2027 году, куда не приехал никто, кроме него… С таким же успехом она может жить с фаллоимитатором, К.! Бог… Верховное существо…

Природа! Кто-то дал тебе руки и ноги, и как ты ими распорядился?! Ты потерял их и, значит, должен потерять все! Это сокровище требует умножить его! А ты… ты теперь совершенно к этому неспособен. Мужчине нужны руки, чтобы владеть! Загребать! Обжимать! Теребить! Щупать! Натягивать на! Обладать! Впрочем, я повторяюсь…”

Я потянул за волосы N. и поставил ее на колени…

Конец отрывка

В. В. Лорченков

Павел Лукьянов

ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ

Я памятник тебе воздвиг…
А.С. Пушкин

Одной из черт вирусов, указывающих на их принадлежность к живой материи, является то, что им необходимы репликация и создание потомства. Но, в отличие от других живых организмов, вирус не может выжить сам по себе. Он активируется только тогда, когда реплицируется в хозяйской клетке, используя хозяйские ресурсы и питательные вещества. Когда вирус попал в клетку, его единственной целью является создание множества копий себя, чтобы инфицировать другие клетки. Всё, что он делает, направлено на увеличение приспособленности и числа потомков.

1

Небытие, холод, тишина — неразлучная троица, венчающая жизнь человека. — Так думал я, стоя в прохладном тихом зале в испуганной толпе родственников, пришедших проститься с нашим дядей Сашей, мужем моей родной тёти. Большой нос возвышался над срезом гроба, как набившая оскомину деталь

смерти. Дядя лежал, закрыв глаза, но нос — как последний гордый вызов предстоящему небытию: — Я ещё тут! Вы остались с носом! — Как бы говорил не дядя, а говорил я, его сорокалетний племянник. В детстве меня всегда смешило, когда какой-то старик называл другого пожилого мужчину: — Сынок! — Или: — Племянничек! — Такие обращения выглядели для меня мрачновато, как будто взрослые люди остались беспомощными детьми. Настоящим полноценным племянником я был в возрасте десяти лет, когда дяде Саше было лет сорок. Вот это — здоровая ситуация: мы с дядей Сашей едем на рыбалку на велосипедах. Что может быть сговорчивее, чем память, вся облепленная летящими из травы бабочками? Велосипеды без всяких фокусов с переключением скоростей летят на единственной передаче вперёд, день давно разошёлся, разогрелся, мы с дядей с голыми торсами катим с пруда домой. На багажнике у меня — рюкзак со снастями, вдоль рамы вытянуты удочки, на руле покачиваются в закрытом ведёрке карасики, частью уже уснувшие: как дядя сейчас в гробу — висят и покачиваются рыбки кверху брюхом у поверхности тёплой воды. Побелевшие глаза не видят свет, рыбы покинули этот мир по воле развлекающихся на пруду мальчишки и его дяди — наставника в деле душистых приманок и приворотных комбинаций наживки.

Я стою в прохладном зале, по сути — в техническом помещении для временного пребывания мёртвых перед отправкой на *тот* свет (вернее — в *эту* тьму, ведь дядю спустят на широких ремнях в глину могилы). Я стою и вспоминаю с неуместной живостью, как дядя учит меня скатывать хлебный шарик и вводить в него крючок, аккуратно приминая пальцами, ответно чуть проминаемыми этим хлебным шариком. Двоюродные брат и сестра сдержанно плачут, крепясь перед всеми нами. Это их отец, для меня он — всего лишь неродной дядя. И мне интересно украдкой глянуть на то, как они сдерживаются, не бьются в рыданиях. А почему именно рыдания должны быть? Это

всего лишь один из вариантов реакции, и многое зависит от психики человека и его предыдущих взаимоотношений с тем, кто сегодня лежит не жив. Всем хочется увидеть истерику другого человека, а самим — не подавать виду, крепиться. Особенно крепок сам покойник — явно неживой человек, но в оболочке живой и узнаваемой, поражающей сознание какой-то несусветностью. Как будто смотришь на небо, откуда из чёрной дыры бывшего солнца льётся ледяной свет, казалось бы, всё той же звезды. Но мир угас. Не весь, а маленький мирок маленького, как нас учили литературофобы, маленького человека. Лиретатурофобы, они же литературатуроведы, не любят литературу саму по себе, они хотят напитать хорошую книгу ядом доступного смысла: *маленький человек, невидимые миру слёзы*. Эта таксидермия искусства не доведёт человечество до добра.

Дядя Саша лежал в гробу, родня стояла, не зная, куда деть руки, ноги, цветы в руках. Батюшка из церкви при морге, дай бог хотя бы ему здоровья, спасал наше мероприятие от провала. Из нас никто не умел говорить уместные слова. Я сам по дороге в морг, глядя на шесть купленных гвоздик, придумывал уместные и доходчивые слова, но в скорбной и какой-то оскорблённой группе родственников я тут же стушевался. Я и два других племянника ещё казались искренними в своей серьёзной сосредоточенности, мы с ними ещё не пресытились опытом провожания родных и знакомых. Зато наши матери и отцы, видимо, скрывали недовольство несвоевременной смертью дяди Саши: он как будто указывал им путь, но отнюдь не в светлое, а в тёмное будущее. Вообще, о смерти или вовсе не стоит думать (ну, случится и случится), либо, если воображение позволяет, то лучше заранее всматриваться в предстоящее положение вещей и находить подходящий повод не спрыгнуть с этого поезда жизни заранее. Пункт назначения для всех одинаков. Так зачем томиться в ожидании того, чего всё равно избежать не удастся? И всё же люди предпочитают то-

миться, влачить жалкое, не торопя тот день, когда тебя поволокут в мешке из квартиры до лифта, как дядю Сашу. Почему именно мешок? Чтобы скрыть от мира, что смерть есть, и она точно — *вечная*, в отличие от недоказуемой вечной жизни. Батюшка читал молитвы и кадил привыкшими жестами и тоном. В его выхолощенности было что-то успокаивающее. Что-то сравнимое по неподвижности со смертью, но при этом живое. Этим живым были сто раз повторенные фразы: — И прости вся вольная его согрешения и невольная, избави его вечныя муки и огня геенскаго, и даруй ему причастие и наслаждение вечных Твоих благих, уготованных любящым Тя.

Слова входили в стоящих людей и откликались успокоительными смыслами. Ведь кто-то же на земле придумал такие слова. И этот кто-то давно умер, а слова — повторяются и повторяются в пятый раз за день в этой прохладной, обложенной белым кафелем зале — импровизированной часовне при морге. Меня, конечно, качало. Мысли никуда не отпускали меня, они сами кружились вокруг, как бы перерабатывая происходящее в удобное воспоминание. В детстве дядя был длинноволосым хиппи и носил брюки-клёш. И ни одного доказательства тех брюк и того дяди сегодня в зале не было. «Оставь воспоминания, всяк сюда входящий» — должно быть написано на воротах кладбища.

Дядя был фантазёр, у него был подвижный ум и неустанный юмор: грубоватый и однобокий, но не казённый и человечный. Дядя всегда бывал в духе, его не надо было уговаривать поехать на рыбалку или пойти в лес за дикими яблоками. Он любил движение. Но всё это стало угасать по мере его скатывания в зависимость от вина и нечленораздельность. Конечно, он опускал крылья медленно. Крепкий крестьянский организм (отец его был конюхом, ухаживал за лошадьми на ипподроме Красной Армии в конце тридцатых годов) сдавался медленно. Всё моё детство, каждое лето, я проводил с дядей Сашей: рыбалка с берега и с лодки,

освоение новых снастей на голавля (неизвестно, водился ли он в местной реке, но хитрую снасть на эту рыбу с красивым именем мы с дядей собрали). Потом, в юности, летние приключения становились всё короче, рыбалка утратила своё прежнее очарование, да и дядя Саша становился всё более не тем, кем был. Его потихоньку спаивала жизнь его же собственными руками. Дочь и сын, и вся родня, отступившая от гроба на почтительно-боязливое расстояние, ещё три дня назад созванивались и обсуждали беспросветную опьянённость дяди. Ему, давно больному, было достаточно небольшой порции, чтобы залепетать и погрузиться в приятную прижизненную дрёму. Но для всех нас он при этом как-то оставался также и прежним. Нам всем немного казалось, что можно его вернуть в исходное состояние, но это как мечты пожилой дамы или бывшего члена сборной о былой грациозности или стремительности в игре. Жизнь и без вина отказывается от человека, отнимает его прошлое, замещая былые скорости на медленное истлевание. Александр Георгиевич — как он в шутовском самоуважении величал себя, — пил беззлобно, не впадая в агрессию, но ускоряя своё отпадение от жизни, и в последние годы его родня и дети махнули на него рукой. Приглядывали за общим состояние тела, помогали мыться, бриться, когда он зарастал до неприличия. И человек, ещё вот недавно сидевший с тобой в одном купе, вдруг как-то постепенно отделился от твоего поезда и ехал в своём призрачном составе в даль, которая всё более расходилась с твоей. Я безвольно наблюдал в окно, как его дорога медленно уходит прочь, под небольшим углом к моим путям, уходит в страну слабых смыслов и повторяющихся шуток.

В детстве я смеялся над шутками дяди Саши. Неделю же назад, заехав к нему на полчаса, я поспешил сократить и этот краткий визит. Он сидел передо мной весь какой-то пористый, с толстым волосом, торчащим из щеки. Накануне его вымыла дочь (была её очередь шефства над папой), но волосы всё равно торчали,

выдавая человека, забывшего свой облик и отказавшегося напрягаться для соответствия себе былому. В последнюю встречу дядя Саша шутил полуобрушившимся ртом, я смотрел на него в упор и не понимал: как недавний щёголь, любивший цветные рубашки и яркие платки на шею, вдруг ополз в такое захолустное существо. — Ты бы млы, — сказал он мне, уставив куда-то в меня свой согнутый палец. — Ага, — ответил я, не желая вступать в обсуждение. Я приехал отдать долг тому, кого помнил с детства и кого сегодня передо мной уже не было. Не считать же дядей Сашей это полумычащее щербатое существо. — Ты бы мых, а? — Сказал он. — Да, да, — тоскливо кивал я, ожидая окончания аудиенции. Вошла его дочка: — Папа, давай приляжем, — сказала она тоном воспитательницы. И я вдруг увидел, что его действительно очень сильно качает, и как бы он не упал тут головой об стену. Дядя поднялся, опершись на дочку, и пошёл, крепясь лицом и сохраняя похожесть на прежнего себя.

А сейчас я вижу затылок и спину двоюродной сестры, стоящей ближе к гробу с отцом. Она словно бы имеет больше прав на мёртвое тело и скорбь. Лев Толстой сложил кости и кожу Холстомера в мешок и отнёс на мыловарню. В литературе возможно всё, но на реальных похоронах никто не воображает тело своего отца в виде затвердевшего мешка костей и плоти. Жизнь деликатнее любой литературы, а литература неизмеримо ярче в избранном направлении взгляда. Захочет — и высветит фонарём чуть запавшие губы на лице, заметит выпирающий из-под сухой твёрдой кожи череп мертвеца. А не захочет — заметит мотылька в неосвещённом углу мертвецкой залы и заиграется в размышление о конечности каждого существа и бесконечности всех существ.

Двоюродная сестра организовывала всю процедуру отпевания и погребения, а её брат приехал на всё готовое и ещё делал замечание из-за цвета лент на венке. Традиция кладбищенских венков — что это, если не навязанный артелью могильщиков ритуал? Венки

нужны не мёртвым, венки нужным живым. Хороший бизнес у могильщиков — всегда есть работа (пока люди не переведутся) и всегда есть лёгкие деньги (продажа венков, уход за могилой, если клиенту далеко добираться). Скорбные и кривые лица работников кладбищ — маскировка внутренней жизнерадостности и уверенности в завтрашнем заработке. Пока смерть не разлучит с лопатой, конечно.

После обряда (корректность, последовательность и полноту которого никто из нас не мог проверить) батюшка закрыл псалтырь и немного виновато стал подсказывать нам, что делать: то ли можно цветы в гроб, то ли наоборот надо их из него вытащить — не помню точно, а ведь это — жизненно (смертельно) важно! Мы как хрупкие вазы были буквально окружены ватой участия. Нас, переживших смерть близкого, все нанятые работники этого погребального (погребительного? погребительского?) процесса подчёркнуто (двойной чертой) деликатно себя вели: те четверо крепких ребят в костюмах точно знали момент, когда ещё нельзя, а вот — уже можно зайти с улицы в наше мертвецкое помещение и накрыть гроб крышкой. Да и мы, родня, стояли, будто бы зная до секунды потребное время для скорби и, как бы извиняясь (перед кем? Он же умер), выходили на тёплый свет улицы.

На скамейке, стоявшей на небольшом прогале возле зала прощания, сидели два подростка и увлечённо, всей душой и глазами, примкнули к экрану телефона. И без того тихий звук заглушался вырванными из контекста вскриками одного из них (Месси забил гол? Монстр убил твоего персонажа? Девушка сладострастно присела на скамейку в парке?) Подростки были полностью погружены в свой отдельный мир, напоминающий своей независимостью мир нашего дяди Саши в гробу. Этот мир тоже находился на виду, но при этом был полностью недоступен для вопросов и ответов. Подростки буквально исходили жестами и выкриками, неряшливо и жадно уставившись в экран телефона. И когда мимо них к машине понесли гроб наше-

го дяди, то у них каким-то боковым зрением сработали природные датчики движения, и они посмотрели на гроб глазами, не принадлежащими этому миру. Я не знаю, что они смотрели на экране, но то, что они там видели, было для них понятнее и соблазнительнее, чем ящик с чужим мужиком внутри. Старое выражение — *смотреть невидящим взглядом* — переживает сегодня ренессанс. Люди с жадностью отдают себя целиком во власть чужих подсмотренных жизней, ложась под пресс неубывающего юмора и мемов. Люди входят в волшебное зеркало экрана, и зеркало всегда отвечает убаюкивающей взаимностью: — Ты прекрасно проводишь время, спору нет! Ты прекрасен в своём желании нового. Открой следующую картинку, она также удивит тебя. Она удивит тебя глубже, чем обитый бардовым атласом гроб с ручками на шурупах.

Неужели нам не дали даже послужить дяде Саше напоследок? Неужели работники сами донесли гроб до машины без помощи сына, племянника и другой родни? Не помню. Дневник бы не помешало вести. Но стоит ли напрягать себя ежедневно, чтобы запечатлеть ушедшее? Экран телефона всё равно победит. Подростки глянули на пронесённый мимо них массив гроба и были даже немного недовольны, чувствуя, что на фоне репетиции их собственной смерти им стоит вести себя более причастно. Но игра или картинка в телефоне были куда более осязаемы. А гроб, а жизнь с его и её атласными боками — взывали к неудобной, не умещающейся в краткой реакции. В смерти было нечто продлённое, словно бы начавшееся давным-давно и до сих пор длящееся. Но при этом смерть и её посюсторонние атрибуты были не столь яркими и подлинными для сознания подростков с телефоном. Шутки в сети были заранее расфасованы в удобные фразы. Гроб же покачивался в руках несущих его людей без какого-либо объяснения. Гроб молчал. Он был сиюминутным, у него не было предыстории и не будет последствий. Он будет медленно хранить тело человека, постепенно теряя прочность и непроницаемость под

напором сырости и плесени. Мальчишки давно вернулись к своему экранчику, усилив реакцию и повысив активность. Их глаза горели потусторонней бодростью, а сюда в эту реальную часть мира они смотрели со скукой (хм, простой гроб, без мемных фраз на борту) и затаённым страхом (а что это значит? А можно кратко?). Им даже было лень снимать нас на телефон. Мы не представляли для ребят никакой ценности. На нас было бессмысленно смотреть ещё раз, перемотать на начало или переслать друзьям. Мы были скучными одноразовыми людьми, случайно прошедшими мимо.

Работники подземной промышленности поднесли к автобусу и по приделанным к полу блестящим валикам, отполированным всеми мертвецами Северо-Запада Москвы, вкатили в салон атласный гроб. Мы с роднёй расселись на креслах вокруг него. Александр Георгиевич Стасов. Холодный и тяжёлый он лежал под крышкой, которая была наживлена, но не закрыта до конца. Мы ехали и, как те подростки, тоже о чём-то другом говорили, о чём-то, находящемся вне этого автобуса: о детях (закончил четверть без троек) или летнем отдыхе (скоро смородина пойдёт). Мы не умели говорить об умершем. Из-за таких, как мы, неумех и разросся институт плакальщиц. Рыдать на похоронах родного отца должны специально обученные люди. Частное проявление сына будет кустарно, он же не умеет, он же впервые хоронит отца, где ему было научиться? Так мы и кружились словами, лезли в карман за чем-то важным, звонили по работе (приготовьте документы для сделки). Автобус ехал по городу, неприметный автобус без опознавательных знаков, и никто из встречных пешеходов не знал, куда нас всех везут. Как мало люди знают друг о друге и вообще — мало что-либо знают.

Вот мы и доехали. Гроб вытащили из машины всё те же обученные люди, переставили его на тележку. Удобные ручки каталки, человек аккуратно толкает продуманную конструкцию, и та катится по аллее вглубь кладбища. Перед поворотом на поперечный

съезд с аллеи работник замирает и позволяет себе передохнуть при помощи сигареты, покуда мы неспешной толпой движемся к нему, чтобы подсказать (сестра подглядывает в бумажку) номер участка. Кладбище новое, в пяти километрах от Москвы, деревьев мало, а те, что есть — высоченные. Видимо отдали придорожный лес под последний приют москвичам и гостям столицы. Всю поросль и средние деревья срезали, оставив видные ели и картинно раскидистые сирени. Участки с деревьями наверняка продают дороже: покупатели как бы подлезают со своим умершим родственником под уже готовую тень заранее выросшего дерева. Не дерево, выросшее на могиле, а — могила, выросшая под деревом. Сестра, видимо, не поскупилась, так как могила располагалась всего через два участка от двух крепких высоченных елей. Не первая линия возле деревьев, но всё же — *могила с видом на тень*. Сестра даже вслух произнесла, не сумев скрыть гордость за щедрость своей души: — Ему тут хорошо будет, — и моя тётка утвердительно закивала: — Да, в тенёчке, тенёчке, — как будто речь шла о человеке, получившем солнечный, а не смертельный удар.

Я ещё надеялся произнести какие-то слова про дядю, но все минуты были неподходящими: вот все скученно идут за гробом, толкаемым на тележке, идут, не боясь, а стесняясь себя, своей неловкости, своей беспомощности перед случившимся и своей излишней живости на фоне неподвижно едущего тела. Вот, вроде, остановились, встали почтительной кучкой рядом с вывороченной кучей глины, и я почувствовал: вот он — момент моей речи, момент для того, чтобы что-то сказать, взять на себя слова, которые всем нам помогут объединиться в своём воспоминании о лучших годах дяди Саши, годах его бодрствования, а не прозябания. Но я тут же почувствовал фальшивость такого умиротворяющего захода: — Давайте вспомним, что дядя Саша не только пил последние двадцать лет, но ещё и не пил до этого и нам с ним было интересно. — Не думаю, что его дочь восприняла бы такой заход

благосклонно. Наверное, жизнь стоит прожить достойно для одного того, чтобы твоя родня на похоронах не мялась в жалкой попытке найти человеческие слова об умершем тебе. Но я всё равно помнил дядю в разных ролях: не только лепечущего пьянчужку, угощающего тебя при встрече рутинной стопкой водки, я помнил и более раннюю модель дяди Саши, в резиновых сапогах стоящего в воде и опускающего в садок очередного карасика: — Ну, здравствуй, Иван Карасич! — Говорил он, не уставая придумывать новые имена каждой пойманной рыбке. Кузьма Плотвич, Антон Ершович, Павел Густёрыч.

Сам Александр Подземыч (он бы посмеялся над таким прозвищем) уходил на лямках в яму. Четверо тщедушных работников наземно-подземной службы опустили нашего дядю в бесконечное плавание сквозь вязкую глину времени, путешествие, которое уже никогда не остановится, и которое вечный пловец ни с кем не разделит. Я так ничего и не сказал из того, что придумал по пути на кладбище. Заготовки казались неуместными, ситуация тревожила своей непривычностью, мешая сохранять привычный рой мысли. Мы с родными столько лет знали друг друга, но в таком месте и на таких ролях ранее не встречались, и от этого как будто переставали друг друга знать. Я не узнавал сестру в траурном платке, тётя в чёрной косынке вдруг напомнила мою бабушку, двоюродный брат уронил слезу, чего я за ним никогда не наблюдал. Мы все были какие-то странные. Как будто, умерев, дядя оделил нас новизной своего положения и обновил наши облики и жесты. Я заметил за собой, что почему-то захотел прижать руку к груди, как это делают оперные певцы в ариях о смерти. Мы все изменились во время похорон. Но пройдёт время, и мы понемногу утратим это знание и опять погрузимся в привычное небрежение к оставшейся жизни. Начнём чистить зубы, пить кофе, поздравлять друг друга с праздниками. Смерть прошла между нами и куда-то удалилась, не оставив следа. Даже порез на руке дольше заживает. Человече-

ская всеядность к событиям поражает. Как вода, выпустившая из себя рыбу, пойманную дядей, жизнь сомкнулась, успокоилась её поверхность, и пока человек возится с рыбой и садком, гладь пруда окончательно приходит в себя и опять никто не может точно указать, в каком месте воды только что происходило такое биение, шлепанье хвостом, брызги и круги. Вода сошлась сама над собой и скрыла в себе случившееся, как земля, поглотившая покойного. Только венок подрагивал от ветра на поверхности глиняного холма. Колыхались на воздухе ленты с дежурными фразами, призванными заменить подлинную скорбь (ве.., лю…, ско.. — торчали обломки слов на перегибах лент), сестра подошла и расправила *любовь* и *скорбь*, *веру* расправил брат. На большую ёлку прилетела сорока и неуместно затрещала на происходящее. Ритуал похорон быстренько сворачивался, уступая место новой глади земной жизни. Дядя медленно уплывал из памяти. И я ещё не представлял, что скоро создам ему посмертный памятник, настолько же рукотворный насколько и смехотворный.

2

Вернувшись домой с кладбища, храня его тишину в душе, я хотел сохранить впечатления этого утра и уселся, чтобы их записать. Но по пути к словам я неизбежно, как ребенок, потянулся к информационной конфетке. Память подсказала более простой путь к воспоминанию: зачем что-то писать, зачем слова, если можно посмотреть видео? Неделю назад я в последний раз видел дядю, заехал проведать, как делал раз в год. Визит вежливости, оказавшийся визитом прощания. Я помнил, как снимал дядю в тот день — он по остаточной традиции своего характера что-то мне внушал и прояснял. Слушать слова пьяного человека всегда тоскливо: чувствуешь, как минуты твоей собственной жизни наливаются бессвязностью, как твоя жизнь камешками минут летит в ту самую бездну, вглядываясь

в которую Ницше опасался ответного взгляда. Я снимал дядю на видео, чтобы придать его бессмысленной речи хоть какой-то смысл. Теперь, после его смерти, я пролистал сотню фотографий сделанных мною за прошедшую неделю (кто, кому и когда их покажет?) и нашел то, что искал. Мне было даже неудобно перед его памятью открывать и смотреть это видео. Час назад я проводил его под землю (на небеса?) Сложно соединить в представлении эти несводимые образы: телесного погружения в глину небытия и духовного воспарения в бессмертие. Человеку всегда хочется успокоить себя после потери близкого. Образ небесной жизни помогает живым продлить надежду на благополучное продолжение бытия после смерти. Я проводил дядю, простился с ним, я не увижу его больше, мы поставили на нём крест: физически и практически. Говорить с ним мы отныне не будем: у него закрылись уста и уши, мы заморозили его облик в нашем сознании, и теперь посмотреть запись, сделанную неделю назад, — это значит принизить живую тоску сегодняшнего прощания, как бы немного забыть, что умерший умер, самообманно прикоснуться к его подвижному облику. Привыкший к преодолению мелких сомнений и мыслей, я нажал на видео и посмотрел последнюю видеозапись.

Дядя Саша что-то рассказывал мне и сам спорил со своим рассказом. Разобрать смысл его истории было сложно. Чётко звучали только повторяющиеся фразы — типовые маяки речи, которые вели его через бурное море рассказа. Эти фразы повторялись из года в год. В их тупой отточенности содержался какой-то очевидный для него одного смысл. Какая-то беспомощная искренность проглядывалась в том, как дядя, раскрывая мясистые губы и выкатывая блестящие глаза, говорил, поднимая брови вразлёт: — Да почему же всё так, а? — Или: — А что мне было делать? — Или: — И вот никак оно иначе! — Каждая из фраз была как бы единым словом, в котором свёрнуто содержалась усложнённая эмоция и реакция. Человеку вообще сложно говорить,

а пьяному ещё сложнее собирать осколки былой роскоши разума. Поэтому вокруг этих якорных фраз весь рассказ и строился. Была какая-то обаятельность в беспомощной праведности, с которой дядя Саша несколько раз за историю повторял: — Да почему же всё так, а? — И выворачивал губы, театрализуя сказанное. Я смотрел видео и улыбался. Теперь, когда живого исполнителя уже не было на Земле, его полусодержательная речь воспринималась как скрытое послание. Смерть странным образом придаёт вес всему прошедшему. Умерев, человек словно освещает новым лучшим светом всё, чем он был прежде. Для многих смерть — это минута славы, только насладиться этой минутой человек уже не может. И его ли это слава при таком положении вещей? Человек лежит в центре и всем его жалко, всем его недостает. Но если его оживить и посадить за общий стол, то все опять покроются корой усталости и начнут избегать живого. Мёртвых никто не избегает, мёртвые обязывают тебя прийти и пообщаться с ними в последний раз. Даже враждующие родственники сходятся на похоронах как на перемирии. Устраивают сцены, выясняют до хрипоты, но собираются, не избегают друг друга, понимают, что или сейчас или уже никогда они не встретятся.

Я смотрел видеозапись и улыбался, подпадая под чары умершего, и вдруг увидел в его словах и скрытый юмор (над собой и своей слабостью) и жалкую попытку понравиться мне своим рассказом. В момент съёмки я этого не видел. А сейчас я взял и вырезал из видео эти фразы дяди и послал их Кириллу, своему двоюродному брату, в качестве постскриптума к жизни. Эти несколько фразочек, вырезанные из общей бормотухи дядиной речи, вдруг показались яркими и самодостаточными. Они вполне смотрелись и слушались как видео-мемы — крохотные анекдотические отрывки законченных эмоций. Вставляя эти мемы в качестве комментариев к своим словам, люди придают добавочный смысл обсуждаемой теме. Язык сплетается с видео и сам обучает людей новым смыслам, подчиняя

их мнение изменчивой логике. Двоюродный брат, с которым мы только что днём стояли на кладбище, тут же ответил на присланное мной видео: — Типичный дядя Саша:) — Я же видел, что дядя Саша был ещё и типичным человеком. Я видел, что его мямлящая речь в моменты повторяющихся оборотов вдруг получала глубину и сообщала что-то такое, о чём дядя и сам не догадывался, как не чувствует человек тысячи километров кровеносных сосудов в своем теле и не наматывает их в воображении на экватор, как услужливые биологи в школьных учебниках в попытке завлечь ученика в науку эффектными фактами о строении человеческого тела.

Я подумал и, немного поколебавшись, разместил на своей странице в сети фрагмент видео, на котором дядя произносит свою любимую фразу: — Да почему же всё так, а? — Я сделал небольшое проникновенное описание похорон, написал краткую биографию дяди. Я находился под впечатлением случившейся потери и не мог полноценно и здраво осознавать, что именно и кому я это всё рассказываю. Мне в тот момент казалось, что я говорю о типичной ситуации, в которой каждый немного узнает себя самого. Подвижная заинтересованность, насмешливое отношение к жизни, проблески разума и сизифова кара — толкать винный камень в гору, откуда тот срывался, сбивая дядю с пути, лишая надежды на исцеление и прощение. Я писал краткое посмертное воспоминание, как бы отдавая дань нашему общему прошлому, я прощался не только с дядей, но и с собой. И при этом я словно бы приветствовал что-то не уходящее вместе с человеком. Разве слова и литература — это не виртуальный мир? Человек умер. Точка. Но язык, как инструмент памяти, смазывает точку в запятую в попытке никак не закончить однажды начатую жизнь. Глупая высокоразвитая обезьяна с неизвестно зачем развившимися механизмами обманчивой памяти, живущей в ускользающей осязаемости слов. Я писал в порыве радостной печали, вытаскивая из обрывков детских воспоминаний

обобщённый опыт, не мне одному принадлежащий. Израсходовав воспоминания, я опустился на посадочную полосу мысли и поставил точку. Рассказ был готов. Я его пересмотрел, исправил опечатки и прикрепил видео, на котором дядя полупьяным и смешным лицом делает свою типичную гримасу: — Да почему же всё так, а? — Я опубликовал пост и вышел на улицу, чтобы отвлечь голову от излишней сосредоточенности на теме. Я понимал, как люди сходят с ума, доводя размышления об одной теме до последней степени въедливости: когда мысль уже сама начинает въедаться в тебя, не ожидая отпора и помня, как ты сам смёл все преграды на пути своего движения к ней. И теперь ответный гул мышления идёт на тебя обратным валом, как лавина, вызванная настойчивыми ударами в одно и то же место на склоне.

Я шел и припоминал свой текст и радовался, что мне удалось сохранить и передать глубину этого неглубокого человека. О мёртвых или хорошо или очень хорошо. Я выбрал первое и, казалось, сумел создать ёмкую эпитафию, оттенив её документальным видео, глупость которого для меня лишь подчеркивала дистанцию между упущенной возможностью и скоморошной реальностью дядиной судьбы.

3

Утром пятого дня после похорон я прочитал сообщение от двоюродной сестры, дочери дяди Саши: — Ты что творишь????? — В недоумении я не ответил ей.

— Что мы тебе сделали?????? — Написала сестра через минуту.

Я только хотел спросить её, как она снова прислала сообщение:

— Ещё скажи, что это всё случайно! — Написала сестра в явной ярости и перестала более отвечать. Я позвонил её родному брату. Он взял трубку и наполнил моё ухо каким-то затянувшимся молчанием. Я слышал

лишь шуршащие звуки (щетина по краю телефона). Он молчал.

— Да что случилось-то? — Спросил я, раздражаясь.

— Ты всегда был дураком, — сказал брат, — живи с этим. — И положил трубку.

Отношения родственников — это всегда лотерея. В неё нельзя выиграть, но призрачный шанс заставляет продолжать игру. Хотя взаимодействие во взрослом состоянии сводится к ритуальным воспоминаниям об общем детстве, в котором мы ещё не были поделены на удачников и неудачников. В детстве шансы людей одинаково призрачны для них самих, дети растут в тумане, лишь опытные родители сызмальства видят грядущие провалы и приучают детей к предстоящему разочарованию. Но внутри своего детства, внутри этой медленной вечности с отсечённым будущим, дети общаются друг с другом одинаково тепло, невзирая на грядущие разрывы и ссоры. Вместе с двоюродным братом и его отцом мы выбирались на рыбалку. Господи! Всё рыба, да рыба! Ну, вот такое незамысловатое детство: счастливое, вопреки всему предстоящему. Рыбий жар утреннего солнца нагревает и разгоняет туман, я набираюсь витамина Д на всю взрослую жизнь. Чешуя детских минут навсегда покрывает защитными латами мою неумелую взрослую жизнь. Я всегда смогу спрятаться в воспоминание, как Набоков, возвращаясь безумным призраком в снесённый и испоганенный дом своего усадебного детства.

И что я такого им сделал? Даже интересно. Вечером я случайно зашёл на страницу двоюродной сестры и прочитал:

— Вы знаете, насколько отец всегда был для меня важен. В последние годы он сильно болел, –

Тут я удивился, так как дядя — просто пил, но на языке его дочери это превратилось в болезнь. Мёртвые не спиваются, мёртвые — страдают.

— Мы скрывали это, потому что хотели, чтобы мой отец сохранился в памяти всех, кто его знал, красивым и здоровым человеком. Мы никому не рас-

сказывали о его болях, о том, как он мучился в последние месяцы.

Ну да, я лично бегал ему за лекарством на прошлой неделе — накануне смерти. Небольшая бутылка коньяка вполне излечила его, насколько я понял по его речи, которая посвежела и окрепла от первой же порции.

— *Его страдания не поддаются описанию, это была неравная борьба с болью и т.д.* — писала сестра. Она проводила однобокую мысль о своем дочернем служении. И контрапунктом к своему обеляющему рассказу она давала ссылку на моё видео с дядей, на котором он вращал нефокусирующимися глазами и лепетал припухшими отечными от вина губами: — Да почему же всё так, а? — И здесь сестра ярко и яростно нападала на меня за то, что я разместил видео больного человека. Мне даже стало неудобно за повышенный тон ее исповеди (или проповеди? Не поймёшь этих современных атеистов).

— Светлана, — подумал я, — ну что ты такое пишешь? Ну как можно остаться такой наивной при таком циничном шквале чужих статусов, постов, историй из жизни? Разве ты сама не подписчица десятков каналов и блогеров? Послушай, сестрица, современность давно лишила нас всех непосредственности, нельзя так безоблачно гальванизировать реальность наперекор всему свету. Дядя же был человеком, а не болезным святым. — Подумал я и махнул рукой на эту беспросветную защиту отеческого достоинства. Конечно, приятного в моём ролике выходило мало. Пожалуй, стоит его удалить. Я полез на свою страницу, чтобы это сделать и понял, что опоздал. Отчаянная защита сестры была вызвана тем, что за прошедшие дни мой ролик с пьяной фразой дяди Саши набрал сотни тысяч просмотров и разошёлся по открытым и закрытым каналам и частным страницам. Бороться с этим было уже невозможно. Через кого эта незамысловатая фразочка из уст булькающего мужика попала в широкую полосу публичной значимости, было уже неважно. Какой-то канал с сотней тысяч посетителей за-

хватил себе в ленту юмора мой видеоролик, и образ странного мужика вкупе с фразочкой вдруг чем-то устроил общественный вкус. Удивителен мир социальных сетей: тоталитаризм вкуса здесь произрастает из свободной воли, казалось бы, разнообразных людей. Но интернет усредняет вкусы не хуже диктатора. Всем вдруг начинают нравиться военные тужурки или фирменные усы властелина. Пользователь — вот высшая ступень развития человека. Пользователь, который сам же себя использует. И видео с дядей Сашей было одной из пустых стекляшек, позабавивших пользователей в массовом порядке. Дядя Саша может спать спокойно — память о нём закреплена тысячью ссылок и тысячами цитат. Светлана могла сколько угодно бороться с реальностью, но жизнь давно опередила возможности одинокого сознания. Маленький беспомощный пользователь годами может сидеть в трёх соснах трех знакомых людей, читающих его страницу в сети, а потом вдруг попасть своей фразой или картинкой в социальный нейрон, который, многократно усилив одинокий голос, оставит человека в исходном одиночестве, но при этом поместит его под прицел миллионов пользователей, не знающих даже имени случайного одиночки. Фраза моего дяди отразилась в зеркалах чужих нейронов и что-то высветила своим кратким абсурдом. Как сломанные часы или как сумасшедший в какой-то момент способны показать точное время или изречь уничтожающую истину. В мировом театре любая палка, висящая на стене, рано или поздно выстрелит. И потом… Боже мой, с кем я борюсь? Со своей сестрой? С бедной женщиной средних лет, чья вина состоит лишь в том, что она никогда не найдёт столь ловких и быстрых слов для ответа мне? Да я и не жду ответа и сам не хочу отвечать. Общение на публике двух родных людей — это вершина сетевой бездушности. Когда люди наедине молчат, а потом приободряются и надраивают друг другу публичные тексты, потешая то ли своё тщеславие, то ли свою бесславность.

Светлана затаила свою обиду на меня и на мир. В былые времена мой двоюродный брат, сын дяди Саши, вызвал бы меня на дуэль. В современном мире люди умеют только царапать края клавиш и искать слова побольнее. Конечно, лучше бы Пушкин продолжал стрелять чернилами, а не пулями. Но это был бы другой Пушкин. Сестра продолжила свою маленькую борьбу с большими данными. Она по старинке думала договориться с неживой материей социальной сети как с живым существом. Но интернет бездушен. У него нет ни ушей, ни сердца. И благодаря этому он всеядно слушает всех и безмерно любит любые отклонения от правил. Социальная сеть всегда будет стремиться перебежать все дороги на красный свет, свести с ума банальных водителей с рядовыми правилами движения. Новая виртуальная социальность вся нацелена на отказ от нормы, её подвижная сущность может питаться лишь нарушениями. Я всё это увидел по шестизначной цифре просмотра загруженного мной видео. Дядя Саша переживал своё второе рождение совсем не в том образе, в котором он хотел бы остаться. Я немного повзвешивал в душе узкую обиду сестры и широкое безразличие самого себя и не смог выбрать равноудалённую точку среднего мнения. Я одновременно был и предателем, вынесшим уродство дяди на всемирный суд, и одновременно был его удачливым продюсером. Потакать сестре и делать постное выражение души было бессмысленно. Я выбрал действовать — по заветам важничающих учителей бизнеса, чьё красноречие может соперничать лишь с плоскостью их речей.

Перестав мысленно и письменно каяться перед сестрой, я подумал о себе. Историей с распространением видео нужно было как-то воспользоваться. Для начала я поднял свой видеоархив. Всегда ленился снимать больше, хотя всего-то нужно было нажать на кнопку, но жить, глядя на мир через объектив камеры, тоже сомнительное времяпрепровождение. Я отсмотрел десятки часов видеозаписи дяди Саши и отобрал ещё

несколько десятков фрагментов его речи. Я решил расширить круг дядиных меморизмов (мем+афоризм). Я размещал его любимые фразочки в виде коротких видео-роликов, которые, я ожидал, могут тоже разнестись по сети и вывести дядю на новый уровень узнаваемости. Дяди говорил: «Ты просто выглядишь на все сто лет!» «У жизни два конца: в начале и в конце!» Это было чересчур завёрнуто, но дядя сам по себе и был чересчур. Вино губило его, сгибало его дух, но до последнего дня он цеплялся за природу своего таланта, трижды пропитого, но не сгинувшего. Дядя говорил, хлопая глазками и почёсывая кадык: «Да это вы меня послушайте, а не я вас!» Или пыхтел, поднимая подаренную на шестидесятилетие пятикилограммовую гирю: «Пылите, пылите, Шура!», «Будет и на вашей улице проказник!» — Всего у меня набралось полсотни избранных фраз, которые вкупе с соответствующим видеорядом создавали разобщённый портрет кого-то похожего на дядю Сашу, но им не являющегося. Как будто снеговика слепили, одели в знакомый костюм, но ничего кроме смеха и страха он не вызывает. Чучелу не хватает подвижности. Но я и не стремился ни к чему, кроме увеличения числа просмотров. И дядя Саша был моим нежданным золотым проводником в мир талантливой, нет — ГЕНИАЛЬНОЙ сетевой богемы, золотой сетевой молодёжи. Ведь в виртуальном общении все молоды, здесь надо до последнего крепиться, демонстрируя живость жизни. Аватары молодят людей, компенсируя недостающую физическую и моральную красоту привлекательностью маски: неважно зла она или добра.

Я создал канал «Дядя Гео», приклеившись к народному прозвищу Александра Георгиевича. Я подготовил план публикаций и регулярно размещал ролики с его фразочками. Краткие видео по 5-20 секунд. Иногда материал позволял использовать длинные монологи дяди. Например, прошлым летом я снимал его на мобильный телефон на рыбалке, куда вывез его на машине. В моём детстве мы добирались до этого пруда

на велосипедах. Дядя Саша был чуть крупноват, тяжеловат, но велосипедом правил лихо: сказывалось деревенское детство. Родом из этого же детства были и все его поговорки, присказки: про комара и дурака, про рыбу и кости, про деньги и землю. Он был горожанином в нулевом поколении. Его дочь и сын, как и я, выросли в городе, но всё наше детство дядя Саша делился с нами своим незамысловатым и хитроватым духом деревенской простоты. Седло на моём велосипеде могло оказаться вымазанными клеем, и когда мы доезжали до пруда — дядя с поддельно недоумевающим видом смотрел, как я выбираюсь из конгломерата седла и штанов, к нему прилипших. Деревенское остроумие — ныне умирающий жанр троллинга, вдруг получил вторую жизнь в пространстве социальных сетей интернета. Дядя Гео давал людям то, что выглядело человечно, но при этом непривычно. Вот он вылезает из моей машины: уже грузный от возраста и выпитого на дорожку топлива. Дело происходит прошлым летом. Я смотрю это видео снова и снова. Я помню тот день целиком. По пути на пруд дядя беззлобно бранил глиняную дорогу, по которой мы не спеша скакали на машине. В багажнике подскакивали и постукивали наши удочки, в небольшой банке ехали к последнему пристанищу черви, в пакете прел батон хлеба. Дядя рассказывал историю про свою командировку в Индию (дядя был геологом), когда ему пришлось есть какую-то еду, саму по себе непривлекательную, а при этом они сидели в палаточном городке и из земли после дождя вытянулись на воздух сотни толстенных выползков. — Вот бы на такого половить рыбу! — Мечтательно говорил он, прыгая на ухабе. Я просил его пристегнуться, но ремни не для деревенских парней. И пока Дядя Саша не ободрал лоб об обшивку машины, он сидел непристёгнутый. Я смотрю короткое видео того дня: дядя Саша насаживает червяка на крючок, троекратно плюёт и показывает в камеру: — Дывись, яка смачна дитына! — И забрасывает снасть в рябь пруда. Я улыбаюсь. Дядя Саша снова говорит со мной как жи-

вой, а после публикации видео — он заговорит со всем миром. Вероятно, я провожу эксперимент со своей памятью. Я разбазариваю прошлое, цементирую непоправимое.

Канал «Дядя Гео» прирастает числом подписчиков. Что интересно статистическому зрителю? Почему однотонные скетчи, нарезанные из жизни хмельного незнакомца, столь легко прокладывают путь к потребителям? В моём эксперименте с памятью нет морали, я просто иду на поводу у происходящего. Я структурирую выпуски новых постов, подбираю фразочки «Дяди Гео» под текущие новости или общие праздники.

— Ах ты, моя рыбка! — Тетёшит дядя в кадре карасика в мизинец длиной. Эта фраза хорошо расходится в сети на женский день и на день Валентина.

— Ни шагу вперёд! — Говорит дядя, уже не держась на ногах, и со всего роста рушится в прибрежный ил с берега. Брызги, возня в грязи, лицо в чёрной жиже. Людям нужен повод для смеха над собой.

— А что тебе я? — Лепечет дядя заплетённым языком, сидя на обочине дороги. По пути ему стало дурно (не рассчитал с запасом вина, захваченным на рыбалку), и я стоял у машины, пока Дядя Саша изволил отдыхать и философствовать на краю пшеничного поля. Это видео с невнятной фразой стало вторым по популярности на моём канале. Его использовали в своих обзорах другие блогеры. Александр Георгиевич, дядя Гео — превратился в мем. *Память* превратилась в *пам. Люди* превратились в *лю*. Принцип понятен.

Однако, мой исходный материал был конечен. Полгода активного размещения видео исчерпали мои запасы. Я стал пересматривать бывшие у меня материалы, находил неиспользованные фрагменты, но в них уже не было загадочных фраз героя. Вот «Дядя Гео» просто бредёт по просёлочной дороге мимо неприхотливой архитектуры летних дач. Герой не в настроении, он молчит, недовольный тем, что его снимают. Он, деревенский ребёнок, хотел бы обезоружить обидчика, выхватить у меня камеру да с размаху об землю —

хрясь! Но годы дрессирующего воспитания сдерживают его в его же руках. И он просто бредёт, недобро косясь на камеру. Он портит представление о себе. Дядя Гео должен быть пьяненьким весельчаком, а не хмурящимся обычайным мужиком. Но, взвесив ситуацию, я всё же разместил этот фрагмент на канале. И публика, как говориться, скушала. Настроенные на определённый образ дяди Гео, зрители уже сами провидели в нетипичных моментах поведения некую продлённую типичность своего любимца. Даже спящий король оставался королём.

Сестра не общалась со мной с нашего последнего разговора. Однажды, где-то через полгода, я просматривал список подписчиков на канал и увидел аккаунт сестры. Я не удержался и написал ей извиняющимся тоном несколько фраз. Она помолчала для вида пару дней. А потом ответила: — Да почему же всё так, а?

Я додумался до того, что сделал футболки, наклейки, чашки, чехлы для телефонов с узнаваемым лицом дяди Гео и его известными фразочками. Тема для заработка была узкая, но всё же небольшие суммы от продаж поступали. И я стал отправлять часть суммы сестре, указывая назначение платежа как «возврат долга». На своей личной странице сестра делилась всеми новыми видео «Дяди Гео» и дополняла их своими воспоминаниями. Я увидел, что прошлое отпустило её. Воспоминания сестры были написаны языком старательной отличницы, которая изо всех сил пытается получить высший бал на сочинении по любимой книге. Но в её словах не было вдохновенности. Сестра стыдилась своего отца и пыталась выдумать себе другого: идеально заботливого, чуткого. Одна из его фразочек, пошедших в народ: — Ты себя постигни, а потом в меня с вопросами лезь. — А сестра лезла к публике и не могла успокоиться. Ей казалось, что своими чинными рассказами об отце (однажды папа купил мне мороженое зимой, он никогда не был пьяницей, эти видео записаны во время праздника, каждый имеет право расслабиться, это несправедливо, что вы не видели

отца другим и т.п.) — ей казалось, что своими словами она сможет придать благообразия его образу.

Мои запасы видео с дядей Сашей заканчивались. Мне стало нечем делиться с посетителями. Я умалчивал об этом, монтировал старые ролики по-новому, удлиняя фрагменты так, что две крылатые фразы дяди Гео оказывались рождёнными одна за другой. Конечность материала делала меня чутким к архиву. Мне было необходимо продолжить вести канал. Я чувствовал себя обкраденным. Я обратился к сестре, чтобы она поделилась своими записями видео. Но на её записях дядя Саша прилично сидел за столом на восемнадцатилетии дочери и произносил какую-то среднечеловеческую речь. Это не была речь моего героя, это был ложный «Дядя Гео», не тот, которого знала публика. Я резко переменил тему общения с сестрой, а то ещё догадается сама публиковать это домашнее видео и испортит память о популярном герое. Всё якобы живое, всё пережитое с дядей, с его дочерью и сыном — все эти детские рыбалки, костры до глубокой ночи — всё это тянуло известный узнаваемый всеми образ в какую-то мелодраматическую тьму. Настоящий Александр Георгиевич существовал на моём канале. Это был сложный противоречивый персонаж со своим наборов умений и своим сложившимся языком и стилем мышления. Я написал об этом текст на канале, чтобы обезопасить «дядю Гео» от упрощённого воспоминания его дочери.

Я стал думать о спасении и придумал создавать новые фразы, интонации и ситуации для дяди Гео. Его новые выражения я попробовал записать сам, подделывая голос. И для начала получалось неплохо. Я ушёл в подражание с головой и через неделю уже неотличимо говорил с паузами и языковыми дефектиками, присущими моему дяде. Фразы я на удивление легко сочинял, видимо родственные гены помогали процессу. Дядя был хоть и не родной, но мимика его речи была усвоена мной на довольно глубоком уровне. Только одна проблема оставалась у меня — видео. Воскресить

дядю невозможно. Загримировать актёра? Как вариант. Загримироваться самому и сохранить секрет происходящего? Пересмотрев видео, я собрал список парка вещей, которые носил дядя. Что-то я обнаружил на нашей даче (тёртая на спине куртка, полинявшая из синего до белёсо-серого), какие-то похожие вещи я отыскал в секонд-хенде (вот где тоже слышен запах времени). Я сделал пробные съёмки — снимал со спины (как многие оригинальные видео и были сняты: дядя смотрел на поплавок на воде и бормотал сам с собой, а я исподтишка снимал его браваду и бред). Я выстроил кадр, поставил на треногу камеру, надел тёртую куртку, взлохматил волосы, к счастью совпадавшие по цвету, и отошёл к воде с удочкой в руке. Камера снимала, как я, стоя к ней спиной, произносил свои бормочущие монологи: о курении, об Индии, о пойманной в юности рыбе, которая была столь тяжела, что пришлось её отпустить. Я говорил голосом и манерой дяди Гео, пьяными модуляциями рассказывая то, что он действительно рассказывал мне без камеры с детства. Стоя к зрителям спиной, я играл в дядю Сашу, размахивая руками, спекулируя темами, язвил и выдавал порции новых кратких афоризмов: «А нечего было не умничать!», «Это же не же-же!», «А наутро я встал и лучше бы не вставал». Я продлевал жизнь дяди Саши. Ему бы понравилось.

Отсмотрев новый материал, я не нашёл следов явной поддельности происходящего. Я выпустил в канал небольшой отрывок и увидел, что публика, не заметив, приняла старого любимца. «Типичный Гео», «Дедок энциклопедист» и прочие комментарии своим обилием замылили подозрительность происходящего. Никто не распознал подделки, и я продолжил снимать постановочные видео с собой в роли дяди Гео. Актёры — это те же люди, только другие люди. Я полностью переключился на образ дяди Саши даже в своей ежедневной жизни, найдя довольно уморительным вести себя и общаться в его манере. Знакомые посмеивались, а с чужаками я был скромен. Я зашёл слишком далеко, но

чего не сделаешь ради памяти родного тебе человека? Я и этот канал создал ради того, чтобы рассказать людям о его непростой душе, о его стремящемся проявиться таланте!

Господи, ну кого я обманываю?

Всё это происходит в моём воображении. Я ничего не делаю. У меня больше нет записей видео моего дяди. Мне нечем делиться со зрителями. Я думаю о сестре, думаю о том, насколько она оскорблена моими поступками. И мне даже странно, что она так мало и слабо борется со мной. Я вдруг понимаю, что я сам обижен на неё из-за какого-то образовавшегося равнодушия. Раньше мы были дружны, встречались на семейных праздниках, разыгрывали сценки, когда были детьми, прятались и жмурились, играли в карты и охоту на лис, когда шёл дождь на даче, а мы, укрывшись, сидели на веранде с листками и карандашами и ставили точки и цифры в клетки игрового поля. Но жизнь проходила и выцветала, общей радости становилось всё меньше. Фонарь детства светил сквозь толщу жизни. Мы помнили этот свет сообща и вдруг, после смерти дяди, совсем отдалились друг от друга. Как будто только перед дядей Сашей мы и разыгрывали братские чувства, чтобы продлить его уверенность в постоянстве жизни. Я хотел понять, хотел объясниться с сестрой. Я придумал речь: — Света, послушай. Мы знаем друг друга так давно. Я люблю твоего отца, может, лишь чуть меньше, чем ты. То, что случайно произошло с его образом — это не насмешка, я вовсе не издеваюсь над его памятью. Просто *люди любят погорячее*. Как Набоков написал Лолиту, и она вывезла на свет все его предыдущие романы. Я случайно нащупал современный способ создания памятника человеку. Нужно выставить человека странным дураком, и это привлечет внимание. А потом на эту уже полюбившуюся признанную высмеянную фигуру можно навешивать всё то человеческое и существенное, что в нём было. Света, прости меня, я только сейчас всё это понял. Не считай меня предателем и насмешником. — Я

ехал к сестре, повторяя и варьируя слова и мысли. Я помнил квартиру сестры, в которой она жила с дядей Сашей. Это было сумрачное помещение: старые несменяемые обои, тяжёлые ковры на стенах, тусклый свет (у дяди были проблемы со зрением, и все лампочки в квартире были слабыми). В квартире всегда царил полумрак, старая мебель, купленная дядей Сашей после поездки в Индию сорок лет назад, календарь 2000 года как память о застывшем юбилее мира. Я помнил эту приглушенную квартиру, какую-то пришибленную, застрявшую в прошлом, как сам дядя Саша. Я был готов войти в эту квартиру, в которой его уже не было. Я позвонил в дверь, Светлана открыла, и я испугался от того, что попал не туда.

Квартира полностью изменилась. Белые стены, яркое освещение, новый паркет на полу. — Ты же не был у меня после смерти отца? — Спросила сестра, закрывая дверь, пока я стоял в коридоре и оглядывался. Квартира как будто даже геометрию свою поменяла. Сестра вдарилась в подробности ремонта, ей нравилась моя оторопь. — Это всего лишь ремонт, — судорожно говорил я себе, но при этом чувствовал себя неуютно, непонятно в новом интерьере. Я не сюда ехал, я не этого хотел. Мы должны были сидеть с сестрой в привычном полумраке под толстым знакомым ковром на стене и погружаться во взаимные претензии и недоразумения. Сестра же единым махом изменила мир. И я позабыл все свои заготовленные мысли. А сестра и не стремилась говорить о прошлом. Её речь была как-то очищена от потери, от горечи. Она как будто стенки души тоже перекрасила. Я приехал каяться, защищаться и нападать, а вместо этого пил какой-то душистый чай с изюмом и миндалём. Я не хотел миндальничать, я ехал не за этим. Но сестра говорила о сыне, о предстоящих экзаменах. Это было уже слишком, не об этом мы должны были говорить. Я поднялся. Я увидел, что моя сестра сошла с ума. Она была помешана на будущем. Она отвернулась от прошлого и избавилась от него. Прошлое перестало её занимать. Я был возму-

щён такой отстранённостью и поспешил уйти. Сестра остановила меня в дверях и, не мешая одеваться, сказала: — Спасибо тебе за видео с отцом. Я действительно помню его только таким: пьяным и никчёмным. Последние двадцать лет жизни он пил каждый день. Ты приезжал раз в год и для тебя его выходки были уморительны. Ты жаждал эффекта. Отец понимал это и всегда подыгрывал тебе. Ты приезжал и уезжал, записав фразы, которые он специально придумывал и чуть ли не перед зеркалом разыгрывал, подбирая и сгущая краски интонации. Отец был талантливым от природы, но он всё пропил. Не душу, а тело и разум. Всё, что я пыталась записать, вспомнить из своего детства — всё хорошее, что было с ним — всё это ежедневно вымывалось из моей души. Отец сам не жалел своего прошлого, оно было не нужно ему, оно досаждало ему своей надеждой. А я годами жила вокруг отца, ухаживала за его выходками. Его смерть рухнула на меня. Когда отца не стало, я наконец вздохнула. Я — плохая дочь, я знаю. Но он — плохой отец. Ты — наивный артист, тебе интересен взгляд со стороны. Поэтому твои видео не трогали меня, ведь они записаны не изнутри, а извне. Ты как врач, ставящий диагноз из соседнего здания, глядя на пациента в бинокль. А я сидела внутри опухоли и только и ждала конца и боялась его. Этой жизни никому знать не стоит, а твои весёлые ролики меня забавляли, как изучение младенцем первых возможностей своего тела. Вот ручка двигается, вот палец тронул щёку и не промахнулся. Ты был интересен отцу, он ценил тебя и сыграл для тебя все свои вдохновенные роли. Но его жизнь закончилась. Мне нужно время, чтобы забыть последние годы жизни с ним, и, может быть, я смогу вспоминать прежнее время, не принуждая себя к этому. А пока белые стены и яркий свет — это лучший памятник всему тому, чего у меня давно не было. — Всё это моя сестра сказала мне, не знаю зачем. Я ехал на лифте вниз в полном молчании. Огромный поршень тишины давил сверху на лифт, как

будто прошлое затихло и ждало моих слов, чтобы поглотить и их своим всеядным молчанием.

По дороге я придумал фразу: Видео — это воспоминание для нищих. А может для нищих духом? Нет-нет — это уже чересчур надменно и философично. Фи! Философ-и-я! Много-слов-и-я. Как же я был зол! Она меня жалеть вздумала! Она меня поняла и простила! Она покрасила стены выше ватерлинии своей скорби. Как же великолепны бывают люди в своём, казалось бы, продуманном до мелочей самомнении. Вместо того чтобы осознать боль от удара судьбы люди ещё глубже замыкаются в самоуверенной башне жизненного опыта. Я всегда ненавидел себя за неумение вести и чувствовать себя уверенно. При всех симпатичных и располагающих к себе внешних данных, я постоянно общаюсь с людьми на равных. Разговаривая с сестрой, я как бы сам упрощался, пригибался при входе в дом. Роль брата не позволяла мне рассмеяться ей в лицо. Я видел насквозь её фальшивое спокойствие и дутую широту души, но наружно я подыграл ей. Я понимал, что если слушать сестру, то надо опустить руки и оставить этот начавший ходить по холостому кругу проект «дядя Гео». А мне было жалко этого недоделанного человека, несущего околесицу с каким-то житейским подтекстом подлинности. Как будто собака в сказке заговорила и выбалтывает странные тайны других животных. Александр Георгиевич, может ты и был в жизни порядочным животным, но в моих режиссёрских руках ты обретёшь человеческую речь. Это я создал твой стиль мышления и образ речи. Это я вырезал яркие части фраз, имеющие вид законченных мемов. Мне хотелось это делать, но в моих действиях не было ничего личного к этому человеку. Он мог жить ещё, мог умереть годом раньше — всё равно я бы создал его образ из обрывочного днк своих видеозаписей. Генетического материала было достаточно, чтобы из пары десятков удачных фраз составить правдоподобного героя. И он теперь сам не отпускал меня. Он был нужен мне, чтобы я мог продолжать занимать время и

мысли других людей, которые будут пересылать друг другу цитаты Дяди Гео. И я вернулся к работе окрылённый непонятным энтузиазмом.

Я освоил технологию дипфейка, которая давно никого не смущала, а помноженная на нарочитое ухудшение качества видео (якобы я снимал на старую модель камеры) картинка вообще походила на действительно снятые кадры. Я засел за написание фраз и конечных ситуаций. Я снимал себя в разных местах на природе, на улицах города. Я приходил на любимый дядин пруд, записывал свои действия, разыгрывал неприхотливые сценки и потом накладывал на своё лицо изображение дяди, сделанное с помощью технологии подмены. Я подделывался под зрителей, нащупывал интересующие их темы, и очень быстро мой дядя Гео стал выдавать краткие сообщения на основные темы, интересующие моих зрителей. Это были темы кухни (новенькие рецепты пряной пищи от Георгия), политическая аналитика (все враги давно сгнили, а мы цветём и пахнем) и обзоры кино (дядя Гео на удивление был эрудирован в области современной драматургии). Зрители поругивали дядю Гео за то, что он стал чересчур презентабельным, *продался повестке дня*. Поэтому приходилось периодически падать в землю лицом во время обсуждения рецепта борща с каперсами.

И я знаю, что когда у меня будут дети и я умру, то они станут использовать мой детально сохранённый образ для продолжения разговора с моей подделанной личностью. Мой насыщенный деталями проработанный облик смягчит для них мой уход, и только в редкие моменты жизни, когда они захотят услышать от меня что-то сокровенное и непредсказуемое, они смутно припомнят, что меня в действительности давно не существует.

февраль 2023
Москва

Рушан Ахметжанов

ДАНЖН ДРАЙВ

1. Вавилонский колодец

Беляев смотрит на себя в зеркало, которое зачем-то показывает предательский дегенеративный подбородок. У победителей таких подбородков не бывает. Тут другое: интеллигентный подбородочек как у кинокритика с мягким пузиком на канале с пятьюстами подписчиков.

Еще зеркало показывает редеющие русые волосы и в целом невыразительное лицо. Не красивое и не уродливое. Как будто даже лицевых костей нет, а кто-то шутки ради натягивает на шар для боулинга силиконовую маску. И что получается? Получается Беляев.

Да. С таким лицом лучше сразу сдаваться.

Беляев с потухшим взглядом одевается. Ему зачем-то назначают встречу в «Вегасе». А Беляев зачем-то соглашается.

По месту встречи уже понятно каков клиент. Примерно такого же возраста. Более того, с таким же подбородком. Тоже занимается саморазвитием (подписан на дюжину сетевых гуру), отжимается утром (в течение дня) сто раз (с колен), а сейчас у него новый проект (три других заброшены, и еще он должен своей бывшей).

Вот для таких неудачников как раз нужен исполнитель-неудачник.

Поскольку на первые деньги во фрилансе Беляев приобретает не авто, а микроволновку, на встречу в ТРЦ приходится ехать своим ходом.

И как вот с таким багажом личных и материальных успехов продавать свои услуги за огромные деньги, а?

Беляев горько хихикает и всю дорогу не может согнать с лица едва заметную самоядовитую улыбку.

Да-с. Не сдавайся. Поползай на потеху червем, поизвивайся. Как раз в метро и едет. Червь в черве. Сейчас выйдет из подземного хода в храм Меркурия. А там свет, шумно, ярко! Вот червю-то и станет дурно. А все будут глядеть на него насмешливо и с любопытством. Разглядывать через лорнеты. Смотрите, червячок!

Конечно, ничего такого не случается.

Беляев вваливается с мороза в торгово-развлекательный центр (далее по тексту «ТРЦ») и поднимается наверх. Тягучая как зубная боль тоска уступает место суетливой нервозности. Все-таки встреча. Хоть и, очевидно, жалкая.

Клиент пишет «фудкорт, четвертый этаж. Буду в зеленом пуховике и (так и написано) колпаке». Колпак?

Ну вот смотри, Беляев. Вроде ситуация дрянь, да? Какой-то псих приглашает на встречу. Явно нищий или около того. Бросить надо к чертовой матери самодеятельность эту и устроиться на обычную работу. Все равно хуже некуда. Но! Возможно, что это точка роста. То есть надо преодолеть и ее, и себя. Может скоро, там, за поворотом, он. Успех. Нелинейный. Как тебе такая мысль, Беляев?

Не сдавайся. Даже с таким лицом.

Четвертый этаж, фудкорт. Фу, ну и слово! Почему бы не называть фудкорт «жорным рядом»? Или «едалищем»?..

Жиденький ручеек посетителей вяло растекается по зданию. Кучки мигрантов с счастливыми физиономиями бродят по галереям, фотографируются и болтают. Вдоль стен воткнуты разноцветные скворечники с едой. Пахнет в основном жиром. Зимой самое оно. Набить утробу, накормить внутреннюю свинью, а потом в спячку до весны.

Где-то между скворечниками, за одним из столиков, должен зеленеть пуховик и колпачиться колпак. А вот нет! Беляев на встречу вовремя приходит, а клиент — нет. Унизительно.

Беляев проверяет время. Для кофе поздно, а чай всегда делают отвратительно. Лучше взять попить какой-нибудь ерунды. Ромашка с барбарисом, календулой и соцветиями сакуры. Что-то вот такое. Сколько? Ничего себе цены! Это в ТРЦ с счастливыми мигрантами? Ладно, делать все равно нечего.

Беляев забирает травяной чай и находит место с края стуло-столового поля. Будем ждать. Кстати, а сколько ждать? Опоздать на пять минут можно без извинений. Затем — с извинениями. Через полчаса ждать не надо, надо встать и уйти. А потом писать «у меня время денег стоит».

Вот как.

Да.

Ты альфа? Я альфа.

Проходит пятнадцать минут. Клиент пишет какую-то ерунду про парковку в ТРЦ, что некуда встать. Как найдет место, быстро поднимется, потому что он уже тут, простите пожалуйста, сейчас, сейчас, очень неловко.

Двадцать минут. Тишина. Беляев допивает чай. Унизительно же, да? И конечно он еще и продешевит, потому что ну очень нужен заказ и деньги. А когда нужны деньги, то всегда продешевишь. Что будет, если из-за такой цены откажутся от услуг? Будет снова еда по кредитной карточке и еще много неприятных разговор с самим собой.

Можно продать микроволновку…

Беляев обреченно качает головой. Нет смысла ждать, и вообще пора освежиться, ибо очищающий чай свою работу делает на ура. Ура!

Беляев находит мужской туалет, где надобности тела немного глушат противный критичный мозг. Вообще все простое и бытовое замечательно оттесняет паразитные сущности внутри, пожирающие душу.

Тревожно? Мой посуду. Страшно? Уберись в квартире. Гадко на душе? Сходи в магазин. Бог в быту.

С этой важной мыслью Беляев выходит из туалета и вдруг слышит нежный мелодичный звон. Как будто колокольчик отзывается на легкий летний ветер. Такой, китайский, с металлическими стержнями.

После недолгих поисков Беляев обнаруживает именной такой колокольчик над проемом двери, ведущей к лестнице. Это если вместо того, чтобы вернуться на фудкорт (жорный ряд), пойти в противоположную сторону. Пожарная лестница, где можно толпиться, давить и быть раздавленным панической толпой.

А пока ничего такого нет, только колокольчик. Более того, колокольчиков оказывается несколько. Их перезвон сливается в потустороннюю однотонную и призывную музыку. Странное место. Совершенно непонятно, зачем их здесь вешают и в таком количестве.

Беляев проходит на лестницу, чтобы рассмотреть второй колокольчик. Внезапный предательский сквозняк налетает откуда-то снизу, со всей силы бьет по колокольчикам, отчего они уже не звенят, а мерзко дребезжат. Приоткрытая дверь захлопывается с такой безнадежностью, как будто ее решают запечатать потусторонние силы. Спасибо, конечно, но как обратно-то в жорный ряд попасть?

И правда, не отпирается дверь. Беляев, краснея от стыда, дергает за ручку, но ничего не происходит.

Почему Беляев краснеет?

Ну так складывается неловкая ситуация, как раз для неудачника. Дверь не просто закрыта, она настолько плотно вжата в проем, что выглядит как часть стены. Декорация. Это как если проиграть в лотерею не стоимость билета, а еще и трусы с носками в придачу. Позорище, в общем. Жалкий Беляев, который проигрывает сквозняку и как пес стоит у двери. Вуф, вуф.

Беляев проверяет смартфон. Клиент молчит, значит, время еще есть. Придется спуститься вниз.

Внизу то же самое. Дверь закрыта как плотно сжатые губы советского разведчика на допросе. Ни миллиметра движения. Намертво! Еще этаж вниз. Еще этаж вниз. Все. Остается только какой-то подземный ход, видимо, на стоянку.

Ну, отлично. Вот на стоянке с клиентом и поговорят. Зеленый пуховик, колпак. Этот кретин там, наверное, так и ездит по кругу, пытаясь припарковаться. Сюда втиснусь? Нет. А сюда? Эх, вон хорошее место, но уже занято. Ладно, сделаю еще кружок.

А второй кретин, заблокированный на лестнице, тут как тут. Здрастите, я Сережа Беляев. Работаю за еду. И будут по кругу ездить и разговаривать. Идиллия.

Ужасное чувство внутри. Все идет не так. Какая-то смесь жалости и ненависти к себе одновременно. До смешного нелепо, а потом понимаешь, что нелепое-то с тобой приключается, и вот так всегда! Ну вот всегда! Ей-богу.

Ну давайте посмотрим, что там у вас на стоянке.

Беляев подходит к другой, небольшой двери со знаком «вниз». Внизу, значит, что-то есть. Хорошо, лишь бы до лифта добраться.

Открывается. Свет слабый. Беляев на всякий случай дергает открытую дверь за ручку. А ты не захлопнешься? Да? Смотри, у меня к дверям все меньше доверия. За этот вечер двери в рейтинге доверия обвалились до уровня «Борис Николаевич в 1998 году». Бесполезная ты железка, только попробуй меня запереть еще и здесь!

Беляев опасливо проходит внутрь, на очередную лестницу, и медленно придерживает дверь, пока та не закрывается. Затем он проверяет ее и облегченно убеждается, что все в порядке. Теперь можно спускаться.

Бетонная лестница уходит фантастически глубоко. Просто колодец. Освещают его какие-то несерьезные лампы, еще и помаргивающие к тому же. Становится тихо-тихо, отчего начинает пугать звук собственных шагов. Где-то на минус пятом этаже, без единого вы-

хода и надежды выбраться, Беляев чувствует, как в груди становится пусто. Это страх.

Иррациональный животный ужас появляется не сразу, но потом накатывает валуном и буквально гонит Беляева наверх. Что-то неопознанное движется за ним и важно только одно: выжить. Беляев ничего не понимает, задыхается и бешено скачет по ступенькам вверх. Небытие и экзистенциальная угроза наступают на пятки. Ускорься! Быстрее, ну быстрее же! ТЕБЯ СЕЙЧАС НЕ СТАНЕТ.

Где-то на пятом, по ощущению, этаже, он приходит к выводу, что его замуровывают. Все! Нету Беляева. Через неделю искать начнут в лучше случае.

Не верите? Пжлста. Беляев с трудом отделывается от удушающего страха и поднимается наверх. И еще. И еще. И еще. Нету дверей!

А теперь вниз. И еще. И еще. И еще. Нету дверей!

Вот такие фокусы в нашем дурном цирке.

Беляев смеется и плачет одновременно. Ноги гудят от непривычного напряжения и усталости. Связи, конечно же нет, ничего не ловит. Во-первых, тут толстые перекрытия, бетон, кирпичи, арматур, поди разбери.

Во-вторых, он, вероятно, уже на каком-нибудь минус двадцатом этаже.

— Эгегегей! — вопит Беляев в пролет.

Пролет не отвечает даже эхом. Только слабенькие лампы непонимающе моргают.

— Ауууу! Помогите! Эй! — кричит Беляев.

Пустая затея. Тут никого нет.

Беляев, подчиняясь непонятному протесту внутри, продолжает спуск. Хорошо! Раз так, то я буду идти и идти, до самого низа. В ад. Получайте. Буду спускаться, пока вы от стыда не сгорите за свои шуточки. Пока не сжалитесь, наконец. Где-то же здесь есть «низ». «Конец». «Дно». Не бывает такого, что нет дна. Рано или поздно что-то появится. Какие-нибудь сталактиты, грибы, мокрицы, каменные чудища, гномы. Хоть что-то.

Беляев сбивается со счета и лезет посмотреть время. Судя по последней попытке дозвониться, он спускается уже минут пятнадцать. То есть он определенно ниже линии метро. Очень глубоко.

И очень одиноко.

И, конечно, страшно. Даже плакать не получается. В чуть ли не абсолютной тишине Беляев вдруг улавливает знакомый звук. Колокольчик! Здесь, в полутьме, на минус черт знает каком этаже, звенит колокольчик! Получается, что Беляев непостижимым образом нарушает законы физики и оказывается в исходной точке.

Это придает ему сил. А через три или четыре пролета мелькает белый дверной проем. Ну вот, наконец-то. Просто какое-то безумие. Лучше о таком никому не рассказывать.

Беляев молится всем богам на свете. Дверь должна быть открыта. Последняя надежда. Просто невозможно после такого развернуться и бесконечно подниматься. Пожалуйста!

Ласковый перезвон усиливается. Беляев оказывается на самом нижнем этаже, ниже которого, по его представлениям, должна начинаться лава и магма.

Магмы нет, убеждается Беляев. Температура приемлемая, немного теплее, чем в ТРЦ. Интересно, а этот колодец и вот все, что внизу, — это еще ТРЦ?

Беляев неправильно крестится и нажимает на ручку двери. Та послушно опускается, а дверь после легкого толчка открывается наружу.

Едва ли увиденное радует.

Бесконечно длинный коридор расходится по обе стороны от колодца. Покрытие пола напоминает заводское, из какого-то упругого, но видавшего вида материала. Стены оштукатурены, а через каждые пять метров из них торчат слабенькие люминесцентные лампы, какие обычно вороватые ЖКУ ставят жильцам.

Коридор пахнет чем-то одновременно уютным и незнакомым. Однако сам факт, что он находится на неопределенной глубине и протягивается на неопределенное расстояние, пугает до чертиков.

Священная тишина, священная пустота.

Беляев чувствует себя самым одиноким человеком на свете.

2. Место, где заканчиваются мечты

Подавленный местом и усталостью, Беляев садится на пол и упирается спиной в стену. За дверь можно не беспокоиться: та спокойно открывается, а наверх можно подниматься пол дня без всякой надежды.

Зачем-то проверив смартфон, Беляев встает и выбирает направление для самого необычного способа самоубийства — самоизгнание в пространственную аномалию под ТРЦ. Беляев будет идти и идти, пока силы окончательно не покинут его. Тогда он полежит, отдохнет и продолжит самоудаление из мира живых ползком. Червем, хехе. Очервевание. Очервление.

Про ТРЦ ходят слухи... Но на то они и слухи, что слушать их интересно, а пересказывать неловко!.. Говорят, что построен ТРЦ на месте кладбища. Говорят, что кинотеатр на четвертом этаже размещен против всяких правил и может рухнуть в любой момент. Там вообще по плану должен быть фитнес-зал, а потом на стадии строительства все меняют и запихивают на слабенькие опоры кинотеатр.

Все это почти интересно, но откуда здесь колодец и бесконечная шахта?

На всякий случай Беляев засекает время. Одного шагомера мало, да и тот может слукавить, раз это пространственная аномалия.

Слабый свет и полная тишина не сулят ничего хорошего. Наверняка где-то через N тысяч шагов или N минут сзади напрыгнет чужой и отгрызет голову. И тогда череп Беляева станет частью обширной коллекции слишком любопытных посетителей ТРЦ.

А может, это клиническая смерть? Околосмертный опыт? Сейчас врачи бьются над ним, вкалывают чего-нибудь, электричеством пытают. Мол, ау, Беляев,

вставай! Рано тебе еще помирать, тебе мучиться и мучиться. Ау!..

Беляев нервно смеется, а потом хохочет, уже не беспокоясь о чужом. Вот так! Отлично просто! Может, тогда лучше головой об стену шарахнуться? Что тогда? Это будет выходом из комы или наоборот? Надеюсь, поганый клиент с колпаком на голове все еще крутится по парковке, как овца, пораженная мозгоедом.

Не сразу Беляев замечает механический звук, все явственнее всплывающий из моря тишины. Работает явно что-то огромное, массивное и важное. Ну а что еще надо засовывать на такую глубину? Может, здесь лаборатория какая-то? Военный объект? Метро-2? Метро-3?

Но лучше, если его схватят и даже попугают на допросах. Лучше хоть так, чем блуждать до самой (и не очень далекой) смерти. Ну, случается. Нарушение режимного объекта. Никакого шпионажа, что вы. Я тля. Никто. СЕО-оптимизатор. Гнусь. Дрянь. Случайно здесь. Как, впрочем, и в этом земном мире.

Машинный гул усиливается. Уже почти некомфортно. Какой-то огромный цикличный механизм с маховиком. Типа коленвала размером с дачный домик. Уэхххххх.... ВУУУУУХ.... Уээхххх.... ВУУУУУХ....

Да, будет о чем рассказать. Если…

Беляев доходит до двери по левую руку. Дверь как дверь, точно такая же, как и та, внизу колодца. Нехорошие двери, надо заметить. Дрянные. Ни одна из них не приводит к чему-то нормальному. За этой конкретно, значит, вот это самое могучее «вуууух». Конечно, при других обстоятельствах подобные места лучше бы обходить стороной. Там что-то инженерное, высокомощное. Возможно — опасное. И очевидно, что еще и режимное. А Беляев тут вообще не нужен.

Беляев топчется у двери добрых пять минут. Страшно. А вдруг там еще и чужие взрослые люди? Враждебные? Ух как сейчас разозлятся на Беляева! Возможно, что даже немного изобьют.

Ну что поделаешь? Как отсюда выбраться?

Беляев медленно нажимает на ручку и отворяет дверь, ровно настолько, чтобы пролезть головой. Как говорится, мне только спросить.

Но от увиденного вопросов только больше.

Первое, что бросается в глаза — гигантский машинный зал, посредине которого высится метров шесть в высоту кристалл. Именно кристалл, потому что даже Беляев понимает, что это не декорация из стекляшек. Массивный кристалл странно и прекрасно подсвечивается изнутри пульсирующим фиолетовым цветом, немного освещая все вокруг. И сильно пахнет попкорном.

Завороженный увиденным, Беляев проходит внутрь. Кристалл прекрасен. Многочисленные острые грани покрывают его бока и наросты. Пульсирующий свет нежен и успокаивает, подчиняя зрителя собственному таинственному ритму.

Беляев, влекомый кристаллом, упирается животом в металлическую ограду. Очнувшись, он видит, что основание кристалла покоится в меньшей, чем зал, по размеру яме-углублению. Яма подсвечена каким-то электрическим светом, который странно перекликается с мерцанием кристалла. Приглядевшись, Беляев видит в основании кристалла огромное колесо с перекладинами-спицами.

К каждой из них прикован человек.

Беляев даже не сильно поражен этим зрелищем. Старый мир с мелкими страстишками остается настолько далеко, что вид рабов, вращающих колесо, скорее отвращает, чем удивляет.

Но с этим что-то надо делать. Потому что рабство — это плохо, однозначно. Особенно вот такое. Люди. Люди в цепях, вынужденные безостановочно гнать колесо по кругу ради... Ради чего, а? Ради чего можно превратить человека в скот, отобрать его жизнь и свободу? О, ну, может, от этого кристалла зависит судьба человечества, только ведь черт с ним тогда, с человечеством, а?

Беляева одолевают противоречивые чувства. Тут, внизу, происходит нечто дьявольски неправильное.

Обойдя ограждение по периметру, Беляев находит металлическую лестницу вниз. С непривычной уверенностью он сходит в яму с рабами, которые с безжизненными лицами смотрят на установленные в стены экраны. На экране какой-то наглый молодчик с зубочисткой дубасит врагов, не меняя выражения физиономии.

Беляев стоит как вкопанный. Вот как, значит, порабощены эти несчастные. Их не просто отлавливают, но и заставляют смотреть нечто мрачное. Лишенные рассудка и памяти, они вращают колесо, видимо, до самой смерти. Питаясь попкорном.

— Люди! — хриплым голосом зовет Беляев. — Людиии!

Люди не обращают на него никакого внимания. Под ногами у них валяются пластиковая и бумажная упаковка от еды, раздавленная миллионами шагов, а также какие-то тряпки. Происходящее на экране пока им явно интереснее, чем снисхождение неудачливого СЕО-специалиста.

— Люди! Люди!!!

Один из рабов вдруг отрывает взгляд от фильма и поворачивает голову в сторону Беляева. Теперь приходит его черед удивляться. Он жутковато мычит и мешает слаженно вращать колесо. Все рабы, сбитые с ритма, приходят в беспокойство, несут нечленораздельную абракадабру и пялятся на Беляева черными безумными глазами.

Наконец, кто-то из них, видимо, не утративший дара речи, вопит скрипучим голосом:

— Это он! Это он! Он пришел, чтобы спасти нас! Он пришел!

Колесо окончательно встает. Зал наполняется рёвом, мычаньем и воплями. Беляев к этому не готов, тем более что у него нет ни ножовки по металлу, ни ключа от кандалов, и даже неясно, как отсюда выбраться.

— Я скоро вернусь! — зачем-то кричит Беляев.

Возвращаться?

Странный морок спадает, и Беляев обнаруживает себя в непонятном безразмерном помещении с огромным гротескным фонарем и разбушевавшимися психами, бренчащими цепями.

Тут не их надо спасать. Тут себя надо спасать.

Беляев напоследок показывает рабам «виктори» и бежит по лестнице вверх, а затем — к двери. Та послушно открывается, однако в проеме Беляев натыкается на низкорослого горбуна с невероятно уродливым лицом. Беляев инстинктивно отталкивает его от себя, но цепляется карманом куртки за ручку и самым глупым образом падает вниз, больно ударяясь копчиком о пол.

Горбун, похоже, нисколько не смущен таким холодным приемом. Он склоняется над дрожащим Беляевым:

— Ты с ума сошел?! Нужно уходить!

Голос у карлика на удивление приятный, как у актера озвучки.

— Да-да, надо уходить, — трясется Беляев. — Я заблудился!

— Заблудился? Ты шутишь! Вставай!

Беляев послушано поднимается. Бледнокожий и отвратительный горбун указывает рукой:

— Меня зову Буба. Беги за мной, если хочешь жить!

Буба с нехарактерной для его комплекции скоростью устремляется вперед, отчего лохмотья, скрывающие тело, развеваются во все стороны. Под ними мелькают бледные кривоватые ноги, изуродованные как будто намеренно.

Беляев забывает об усталости и сожалеет о брошенных тренировках. Успевать за Бубой очень непросто, но тот явно хочет помочь. Да?

Из-за нагрузки Беляева хватает только на бег, говорить невозможно. Грудь разрывает от внезапного и интенсивного кардиоупражнения. Но останавливаться

— не вариант, уверен Беляев. Из-за бунта колесных невольников его присутствие теперь известно *кому надо*, а потому нужно делать ноги. Непонятно, кто конкретно угрожает ему, но угроза есть, и это наверняка.

Кажется, бежать можно бесконечно. Буба изредка обеспокоенно поглядывает на Беляева и приободряюще машет рукой, мол, не отставай.

Что ж, если *с таким лицом* не сдается даже Буба, то и Беляеву нельзя.

Снова одуряющая ватная тишина. Только топот ног и натужное дыхание. Беляев несется с открытым ртом, поражаясь бесконечности коридора. Сюда надо брать велосипед или электросамокат. Иначе в какой-то момент придется делать привалы и вообще спать. Да и указатели не помешают. Типа «до зала с рабами — 1 км».

К топоту ног вскоре добавляются новые звуки. Голоса и металлическое бряцание. Тоже мерное, как будто навстречу им несется бригада слесарей, а в руках у каждого чемодан с инструментами.

Буба вновь оборачивается, на этот раз рожа у него совсем скверная и тревожная. Внезапно он останавливается и показывает на дверь. Беляеву кажется, что дверь здесь появляется сама по себе, без всякой логики. Но, конечно, может то просто усталость и паника, в которой он так или иначе пребывает с самого колодца.

Буба срывает с шеи ключ и отпирает дверь. Затем он протягивает ключ Беляеву:

— Лучше не возвращайся! Ты ничего не изменишь, но если тебя схватят, то сам будешь колесо крутить.

— А ключ зачем?

— На пятом этаже не пропусти дверь, она приведет в жорный ряд. Быстрее!

Беляев взглядом благодарит Бубу и снова попадает в колодец с белыми стенами и моргающими лампами. Но уточнять или переспрашивать поздно — дверь закрывается с характерным щелчком. Незнакомые голо-

са и звон слышны все сильнее, и Беляев уверяется, что ничего хорошего при встрече с голосами не ждет ни его, ни Бубу.

Раз, два, три, четыре… пять. Действительно, дверь. И всего лишь на пятом этаже? Не сразу Беляев также замечает китайский колокольчик. В колодце, видимо, вообще никакого движения воздуха, поэтому колокольчик безжизненно висит. Беляев дергает за ручку. Замок. Так, вот затертый ключ, вот замочная скважина. Подходит.

Беляев открывает дверь и оказывается в коридоре рядом с мужским туалетом. Это как-то неправильно, тут что, дырки в пространстве? Но все равно возвращение приносит облегчение. Да?

3. Damsel in distress

Первым делом Беляев проверяет смартфон. От клиента нет никаких весточек. Может, так и кружит по парковке, позабыв о встрече. Может, он сейчас уже и не в ТРЦ. Беляев почти час тратит на свои приключения в подземелье. Ну а клиент… Видит, что пусто. И уходит. Мог бы позвонить, скотина! Из-за этого кретина в колпаке Беляев натыкается на что-то чудовищное!

Кстати, про чудовищ. Покончив с СЕО-оптимизацией и клиентом, Беляев решительно идет к охраннику в жорном ряду. Решительность — это вообще не про Беляева, поэтому он даже как-то настораживается от непонятной силы.

Рядом с какой-то пиццерией скучает мужичок в черном костюме. Короткая стрижка, бейджик и лицо человека, который где-то далеко. Бесцветные мутноватые глаза безучастно скользят по магазинам, посетителям, чахлым растеньицам в кадках, панелям с рекламой.

Из полудрёмы мужичка выдергивает вспотевший перевозбужденный человек:

— Слушайте, там внизу рабы!

Охранник моргает:

— Что?

— Внизу! Внизу рабы! Там кристалл огромный, и к нему прикованы рабы, и они вращают какое-то колесо! И все прикованы!

Охранник включает охранника:

— Так. В неадекватном состоянии в центре находиться нельзя. Давайте на выход.

— Я адекватный!

— Полиция разберется.

Беляев удивленно рассматривает охранника, словно видит его первый раз.

— Как это «полиция»?

— Ну так это. Пили, употребляли?

— Н-н-е-т…

— А что за рабы какие-то?

— Ничего…

Беляев сереет и медленно отходит от охранника. Тот сверлит его взглядом, решая, надо ли хватать теплого пассажира, или же тот сам испарится. Беляев выглядит миролюбиво, но явно как человек, употребивший нечто слишком сложное для ума. Аквавитой не пахнет, и то ладно.

Вдруг охранник теряет всякий интерес к Беляеву, окидывает его прощальным взглядом «сынок, я тебя записал», и уходит куда-то. Сразу после этого чьи-то пальцы бесцеремонно сжимают тощее предплечье Беляева и тянут куда-то вглубь.

А еще на него шипят.

— Тсссс! Тихо, тихо, отходите за мной!

Беляев разворачивается и видит женщину средних лет. На ней форменная одежда очередной пиццерии. Фартук, колпак, бейджик. На удачу, она сегодня одна. Товарка ее то ли болеет, то ли просто дрянь безответственная. Теперь сиди крути эти пиццы проклятые. Спасибо, что хоть покупать особо никто не хочет ничего. Получается, снова домой можно насобирать себе теста и салями.

Беляев вместе с женщиной проходят в подсобное помещение, спрятанное за пиццерией. Маленькая комната, отделанная белым кафелем. Столик с чаем, одежда, шкафчики и какое-то кулинарное оборудование.

— Не говорите с охранниками! — просит женщина.

Она неуловимо миловидна. Такую никогда не назовут красавицей в первую секунду, но со временем находиться рядом с ней будет все волнительнее. Впрочем, сейчас Беляеву не до этого. Он садится на стул, ибо ноги еле держат, и горячо отвечает:

— Я про охранника тоже подумал! Странное дело, разве может быть так, что под ТРЦ подземные ходы с кристаллом, а никто ничего не знает?!

— Не надо ничего никому рассказывать! Ни охранникам, ни знакомым, понимаете?

— Понимаю. Хотя подождите! Там же рабы!

— Ну да, — грустно соглашается женщина.

Она выдвигает из-за стола табуретку и тоже садится. У нее печальное лицо. Она смотрит куда-то за спину Беляева и поясняет:

— Лучше не говорите. Если что-то внизу случится, тут все остановится. Я… Я не хочу снова искать работу, у меня каждый рубль на счету…

Горько смеется.

— Рубль… А раньше говорили «каждая копейка на счету»… Что с ними делать? Дочка в садик ходит, надо к школе готовить. За квартиру заплати, за коммуналку заплати, за еду заплати, за одежду заплати… Сегодня — пиццерия, а завтра у меня тут же смена, только в бургерной на другом конце фудкорта.

Беляев молчит. Его поначалу трогает историю борьбы за свое существование. Но спустя некоторое время он догадывается, куда клонит женщина.

— Вот так и выживаю. Работаю с двумя выходными в месяц. Я знаю, что там внизу что-то плохое творится, но… Мне и до дома недалеко, и успеваю все сделать. А вот когда ТРЦ закроют, то что же делать?

— Получается, все знают про кристалл?

— Рассказывают… Разное… — неопределенно говорит женщина. — А вы-то как внизу оказались?

— Заблудился.

Женщина качает головой:

— Так все там и оказываются. Выходит, повезло вам. Слушайте, мне пора выходить уже. Вдруг кто-то заглянет. Идите спокойно, трогать вас не будут, сейчас людей полно, начинаются вечерние сеансы. Мало ли, почему вы выбрались на поверхность? Только лучше не приходите сюда и забудьте про все, что видели.

Это все как-то очень тяжело. Беляев не желает верить, что под громадой ТРЦ томятся заблудившиеся люди, которых принуждают толкать из последних сил колесо и смотреть плохой фильм. К физической усталости прибавляется и моральная усталость. Невозможно одному нести на себе груз осознания такого ужаса. Слишком много несвободы, принуждения и страданий.

Подавленный, Беляев послушно выходит из подсобки в потребительский праздный ТРЦ. Мир по-прежнему шумлив, прожорлив, суетлив и поглощен собой. Все так же слоняются посетители, и все так же улыбаются мигранты, по-деревенски сцепившись за плечи и талии. Им все равно. Всем.

Беляев отходит от пиццерии и садится на скамейку неподалеку. Ему уже совсем не хочется развиваться в сфере СЕО-оптимизации. Лучше как-то поскорее к смерти подготовиться, чтобы покинуть мир несправедливости. Можно в монастырь уйти, умереть для мира. Здесь-то он лбом бьется, чтобы к злату прорваться. А там лоб от молитв разобьет. И то лучше. Да. Остается только креститься, и что там еще делают. Это же не больно?

Религиозные терзания Беляева прерываются сдавленным криком. Охранники, включая прежнего знакомого, волокут пиццерийную женщину куда-то прочь. Делают это так, словно не боятся никого и ничего. Это уже слишком!

Беляев подбегает к ним и дергает за плечо ближнего к нему мужичка:

— Э! Это что такое! Вы с чего решили, что можете так обращаться с людьми?

Все трое останавливаются. Охранник с бесцветными глазами со всей силы толкает Беляева в грудь, отчего тот унизительно нелепо падает на пол и скользит по нему камнем для керлинга.

— Щас и тебя заберем, мудила, — предлагает охранник.

Беляев молчит.

— Ну вот и весь разговор! А понтов-то было… Вали отсюда, чтобы я тебя здесь больше не видел.

Женщина, безразлично повисшая на руках, с тоской смотрит на Беляева. Видно, что думает она точно так же.

Незачем тут ошиваться незнакомым людям, которые только и мечтают кого-то или что-то поправить, улучшить, а на деле — испортить ради своего самодовольного, звенящего от глупости, чувства справедливости.

Какой герой! Как ты всех освободишь! Медаль тебе дадут и халвы вкусной! Да, заведено тут так. Внизу колесо, а колесо крутят. Начни-ка с себя, господин с дегенеративным подбородочком — брось проклятую работу, стань святым, революционером, наконец, пострадай за идею. А, не нравится? Хочется, чтобы и красиво, и душеприятно, без натужных усилий? Ребенок! Давай, испорти все. Из-за тебя на твоих же глазах мать-одиночку забирают прямо туда, откуда ты думаешь восстание Спартака поднять. Доволен?

— Доволен? — беззвучно спрашивает женщина.

Но Беляев стесняется ее взгляда. Троица быстро исчезает, а Беляев с трудом поднимается на ноги. На глазах бьют родники немужественных слез. Тут все сразу, как будто одного колеса мало. Его толкают как школьника, унижают, даже больше словесно. А еще он косвенно виноват в том, что неуловимо миловидная

женщина в течение часа окажется прикованной к колесу. Колесу! С рабами!

Лицо скукоживается в намокший сухофрукт. Ыхыхыхы, тихо плачет и трясется Беляев. Жалко! И себя, и всех! Грусть смертная ест и грызет, душит и ломит изнутри!

Беляев доходит до какого-то закутка и там, упершись головой в стену, негромко подвывает. Проходящая мимо уборщица на минуту останавливается, смотрит и качает головой. Что за горе у человека! Утыкается головой в стену и рыдает! Никакого стыда. Стало быть, что-то совсем серьезное у него.

На всякий случай уборщица отходит подальше. Ей чужой грязи хватает с лихвой каждый день.

Успокоившийся Беляев отыскивает еще один туалет, без зазывных китайских колокольчиков. Выдавив из себя мокроту и слюни, он в который раз за сегодня наблюдает неприятное лицо в зеркале. И без того неприглядное, а теперь еще и изуродованное детским ревом. Это он, это его лицо, беляевское.

СЕО-оптимизатор, возможно, уже бывший, решает бросить все на свете уже точно. В монастыре-то придется ого-ого какие грехи замаливать. Отдаст все, лишь бы там оказаться. Микроволновку, авторскую методику продвижения аккаунта и сайта. Лыжи. Что там еще?

В поисках выхода Беляев волочится вдоль торговых галерей. Что-то уже не работает от коммерческой скудности, что-то вовсе в онлайн переползает. А вот что есть: шмотки, шмотки, парфюмерия, подарочный хлам, шмотки, инструменты и магазин электросамокатов.

Беляев останавливается как вкопанный.

4. Черепно-мозговые дела

План рождается сразу.

Все очень просто — это путешествие в один конец. Вместо позорной профессии и несложившихся дел, Бе-

ляев обретает спасение через спасение других. Денег на дерзкую операцию мало. Можно даже сказать, денег нет совсем, иначе зачем Беляев в ТРЦ является по зову какого-то кретина?

Но. В условиях крайней, критической нужды все можно. Только провернуть задумку, уверенно, и понимая, что переиграть не выйдет.

Первым делом все еще красный от рыданий Беляев закупает в супермаркете энергетики и какие-то сладкие батончики. *Там* пригодится. В аптеке компанию закуске составляют бинт, йод и болеутоляющее. Увы, и без этого вряд ли обойдется.

Покончив с этим, Беляев отыскивает строительный магазин, покупает холщовый мешок, ножовку по металлу и набор полотен. Большую часть времени он проводит за изучением молотков. Ему приглядывается большой, тяжелый, с гвоздодером и воронением. Рукоятка тоже металлическая — для баланса самое оно. Беляев несколько раз пробует молоток в воздухе, как будто забивает какой-то огромный и неприятный гвоздь.

На всякий случай приобретается еще фомка и компактная садовая мотыга.

За все это Беляев честно расплачивается последними деньгами, а затем идет добывать электросамокат.

Бить продавца молотком просто так, превентивно, Беляеву кажется чрезмерным. Даже если этот пухлый парень в красном поло тоже живет изнеможением рабов и через них кормится. Ладно уж, зачем калечить? Кредит брать тоже не дело, потому как…

Беляев на некоторое время замирает, вызывая у продавца беспокойство. Кредит… Это что-то безумное… Как будто просишь у дьявола помощи… Мотнув головой, Беляев отвергает идею с кредитом и просит консультанта показать, как ездить на самокате. Скучающий парень без колебаний демонстрирует основные фокусы, ловко делает полукруг возле павильона и предлагает сделать то же самое Беляеву. Тот встает на

проклятый аппарат, патетично вскрикивает «ну, буду жив — свидимся» и укатывает в сторону жорного ряда.

Озадаченный консультант чуть ли не минуту смотрит в спину удаляющемуся Беляеву, а затем бежит к охраннику.

Поздно, поздно! До жорного ряда всего ничего, а охранники, занятые порабощением пицца-дамы, все еще отсутствуют. Беляев лавирует между раздраженными посетителями и сворачивает в туалет, рядом с которым таится спуск в вавилонской колодец. А вместе с тем Беляев вспоминает, что ему в бездну низвергаться полчаса. Взвыв от предстоящих испытаний, он не останавливается, а даже ускоряется. Скорее бы уж отмучиться.

Колокольчики на месте. Ветра нет, оттого они и молчат. Стерженьки смирно висят, как будто намекая, что никакого приглашения не последует и вообще, следует развернуться и валить отсюда.

И ведь в который раз проскальзывает этот совет.

Беляев слезает с самоката, с кряхтеньем затаскивает его на плечи и спускается вниз. Затем он проходит к той самой бесконечной лестнице и начинает путешествие в лабиринт. Там его ждет Буба, невидимые и страшные охранники, несчастные рабы и пицца-дама, схваченная тварями. Столько дел!

Самокат совсем не предназначен для таких подвигов. Он давит на плечи и спину и, кажется, сгибает сами кости и продавливает плоть. На руках болтается сумка с инструментами, и Беляев уже сам точно не знает, что из этого пригодится и пригодится ли вообще. Мало ли как там эти кандалы у рабов снимаются? Может, нужен перфоратор или болгарка?.. Совсем непросто тащить это все после сегодняшних приключений, да и лестничные пролеты не очень-то располагают к такому.

Несколько раз Беляев делает перерывы. Погони он не страшится. Он уже как бы умер для мира СЕО-оптимизации, то есть немного и для себя, и для окру-

жающих. Над головой десятки метров земли, Беляев буквально сам себя хоронит.

Под рукой — острые штуковины, чтобы тяпнуть какого-нибудь охранника. Впервые в жизни Беляев готов кого-то ударить не в голове, а потому что иначе не может быть.

Минут через сорок пять Беляев достигает самого нижнего этажа. Дверь закрыта, но в кармане валяется ключик, выданный Бубой. Готово! Замок обыденно открывается, как будто там, среди запутанных шахт и коридоров нет ничего интересного. Так, технический ход.

Беляев осторожно выходит в бесконечный коридор. Оба его конца убегают так далеко, что все напоминает оптическую иллюзию.

Тихо. Беляев съедает батончик и запивает энергетиком. Сладкая смесь проваливается внутрь и немедленно заряжает бесоватой дешевой силой. Как раз хватит, чтобы прорваться к кристаллу.

Беляев встает на самокат и ускоряется. Оказывается, коридор идеально подходит для таких поездок. Мерно проносятся тусклые лампы, а мягкое заводское покрытие полностью крадет шум колес. Беляев понятия не имеет, когда должна появиться та самая дверь в зал с рабами. Однако вместо нее он видит маленькую фигуру, которая вываливается перед самокатом чуть ли не из стены. Видимо, весь коридор испещрен вентиляционными ходами или скрытыми нишами.

— Ты с ума сошел! — в очередной раз восклицает Буба.

— Это так, — соглашается Беляев. — Я хочу покончить с этим всем.

— Погибнешь, — тревожится Буба. — С прошлого раза господин Годо усилил охрану…

— Так и черт с ним! Освобожу рабов и все!

— Что ты! У них кандалы из злого железа — ничего не берет! Только ключом. А ключ у господина Годо. Он тут управляющий.

— Тогда к нему!

— Ты с ум… Тьфу! Мы оба помрем, ты понимаешь?

— Не помрем, смотри!

Беляев слезает с самоката и вываливает на дорожку инструменты.

— Давай прорвемся прямо на моем скакуне к этому Годо! Веди машину, а я буду ломать головы проклятым свиньям! Мне нужно спасти женщину из пиццерии!

Буба скорчил грустное лицо и кивнул:

— Я видел, ее волокли к Годо. Теперь она до самой смерти будет питать кристалл.

— Нет! — воскликнул Беляев. — Давай тут всех перебьем! Доберемся до Годо, заберем ключи и освободим пленников!

Буба уперся:

— Их много! А ты… Ну нас двое. Полтора, я бы сказал.

Беляев вздохнул. Выходит, это его священная миссия. Буба просто вежливо и завуалированно отказывает, намекая на то. Нельзя никого привлекать, нужно сделать все самому. Беляев даже улыбается.

— Не вижу ничего хорошего, — не понимая, говорит Буба. — Лучше бы развернулся и домой ушел. Ключ я тебе дал не для того, чтобы ты сюда развлекаться ходил.

— Конечно, — уверенно говорит Беляев. — Ключ ты мне дал с загадом. Чтобы я обратно тут возник, да еще и вооруженный. Только ружья у меня нет, а то бы и с ружьем взялся освободить всех!..

Буба не дослушивает, его внимание что-то привлекает.

— Идут! Скорее, беги!

— Давай вместе! Вставай передо мной и веди!

— Куда?

— К господину Годо!

От Беляева исходит такая решительность, что Буба делает, как велено. Руки еле дотягивают до руля, но так даже удобнее — ничто не мешает Беляеву свободно размахивать молотком над головой Бубы.

Одной рукой СЕО-оптимизатор нежно обхватывает Бубу за грудь, а вторую нагружает увесистым металлом китайского молотка.

— Нажимай! — командует Беляев!

Экипаж трогается. Бубе как будто даже нравится тихое, но упрямое движение электросамоката. Пока, впрочем, не видно никаких врагов. Беляев скучнеет.

— Слушай, а где этот господин Годо-то?

— Так в конце коридора.

— Это сколько ехать-то?

— Вот так? Вот так недолго, пешком-то я иной раз иду час и дольше.

— А в другом конце коридора что?

— Тоже господин Годо.

Беляев трясет головой. Ерунда какая-то. Да и некогда думать.

Лампа, свет, полутьма, лампа, свет, полутьма. Самокат гипнотически нанизывает кольца света словно спица. Впереди что-то виднеется, но из-за каких-то безумных подземных расстояний и сумрака это может быть что угодно.

Зрение Бубы явно лучше. Видимо, бедняга привык здесь к каждому шороху прислушиваться, да к каждой букашке приглядываться. Маленький, уродливый, весь поломанный. Не услышишь чужой шаг раньше, чем спрячешься — помрешь. Не разглядишь издалека охранника — помрешь. По-крысиному жить — не прихоть, а нужда. Дух тут как бы засыпает, а все, кто не с господином Годо, существуют одной беспокойной плотью.

Беляев жалеет Бубу, а потом сердится. Незачем жалеть без спросу.

— Охрана, — бесстрастно констатирует Буба.

Молоток в руке подвывает от желания. Эти ублюдки и подумать не могут, что кто-то догадается спустить вниз самокат. Вот уж неожиданность!

Теперь уже и Беляев замечает охранника. Здесь они выглядят иначе, потому как наверху им одни воры угрожают, да и не им самим, а торгашам. А под

землей — самая суть ТРЦ, здесь и сердце, и господин Годо. На охраннике серая форма с кожаными наплечниками и наколенниками, вокруг талии — цепь, а на цепи шестопер. Таким получишь — и сразу покалечишься.

Охранник ошарашен видом самоходного экипажа и вытягивает руку, чтобы схватить Беляева. Тот уклоняется, едва не свалив на землю себя и Бубу, и с удовольствием бьет молотком куда-то по голове. Охранник хватается за темя, шатается и грузно оседает на пол. Если и не убит, то поранен. Встанет — а все в крови, и лицо, и глаза. Никакой он больше не воин.

Буба приободряется. Он гонит самокат вперед, и Беляев чувствует легкий ветерок на лице. Только воздух неживой, технический, его выдувают механические легкие. Засасывают откуда-то сверху и выдыхают сюда и для господина Годо, и для стражи, и для пленников.

Дальше тяжелее идет дело. Выбегают уже несколько охранников. Если они так же, как мигранты, сцепятся друг за друга, то остановят самокат. Остановят самокат — всех разом перебьют шестоперами.

Буба, не спрашивая, направляет самокат на вставшего по центру. Сбить, может, и собьют с самоката, только ведь с такой скоростью и человека сомнет всего. А уж с двумя другими как-то Беляев управится. Он первый, кто сюда с молотком приходит.

Беляев разгадывает маневр Бубы и готовится к схватке. Однако стражник по центру не выдерживает и бросается в сторону, освобождая путь. Этого хватает — его напарник, тоже пугаясь, получает удар молотком и с изуродованным лицом сползает по стене. Третий охранник, не успев ничего сделать, бросает от бессилия вдогонку шестопер. Мимо.

Сколько еще стражничьих черепов положено раскроть, чтобы остановить бесчеловечный круг с рабами? И сколько нужно проехать, чтобы добраться до управляющего? И того ведь тоже нужно бить молотком, израсходовать без остатка, потому как его волей

под землей разросся кристалл и питает проклятый ТРЦ.

Охранники появляются неожиданно, выходя из стен как призраки. Беляеву некогда гадать, как так получается. Может, они как Буба выползают откуда-то? А может, это сам кристалл рождает их через коридор? Выталкивает их из матки ТРЦ? Тогда, получается, Беляев никого не убивает, а борется с фантомами.

Это как-то странно успокаивает его, поэтому новых стражников, встающих на пути, он разит с чувством удовлетворения. За спиной растягивается вереница побитых, покалеченных людей, словно рассеянный грибник рассыпал из кузова мятые грибы. Кровь поверженных липко пристает к мягкому покрытию, вдруг странно и органично оживляя бесконечный и однообразный коридор. Теперь все в крови. Ее частицы смешиваются с воздухом механических легких ТРЦ. Умирающие красные клетки подхватываются вихрем, оставленным всадниками.

Буба совсем осваивается с самокатом. Выходящие из стен охранники в большинстве случаев без всякого результата машут руками или дубинками, и многие из них падают. Беляев, сросшийся с молотком, уверенно справляется с инструментом, словно его прошлая профессия — не CEO-оптимизатор, а плотник. И как будто здесь молоток делает по-настоящему правильную работу.

5. Главный секрет капитализма

— Годо совсем рядом, — с беспокойством кричит Буба сквозь ветер и бой.

— Да?

Беляев чувствует усталость. Они едут уже минут двадцать, только охранников становится все больше. Выходит, ТРЦ настроен теперь серьезно, понимает, что это не случайная инфекция в нутро проникает. Это убийца мчится.

Во время очередной заставы один из стражников ловко бьет каким-то колом Бубу в бок. Самокат немедленно врезается в стену, а Беляев отлетает вперед на несколько метров. Чудом молоток остается в руке, только все инструменты рассыпаются, а Буба лежит, раненый, за надвигающейся толпой охранников.

Беляев, не размышляя, двигается им навстречу. Первый, самый смелый, пытается достать его колом, но Беляев удачно отбивает железку ногой и угощает охранника молотком. Тот немедленно, как на ватных ногах, падает на пол. На остальных это производит впечатление. Они уже не так уверенно продвигаются и пытаются достать Беляева издалека такими же кольями прямо в лицо. Так даже лучше: Беляев хватается за кол во время очередного выпада и вытягивает охранника к себя. На короткой дистанции преимущества у молотка, который безошибочно отыскивает гвоздь на макушке охранника и со всей силы ударяется о него.

С двумя другими Беляев расправляется без проблем. Его мысли с Бубой, который сейчас лежит и медленно истекает кровью. Сколько он тут, в коридорах? Месяцы, годы пряток и страха, а вот же, выходит, тоже может биться.

Беляев с механической эффективностью забивает стражников и заглядывает молотком им в мозг. Так надежнее. Теперь он один на один с ТРЦ.

Буба совсем плох. Беляев находит свою сумку и достает из нее бинт. Только тряпка рану сверху прикроет и все, а что там внутри колом раскурочено? Внутренности все побиты, ведь ударяют-то его на скорости.

И все же Беляев прижимает намотанный в несколько слоев бинт к ране. Подумав, он достает банку энергетика.

— Выпей, — приказывает Беляев.

Буба слабеет. Кровь быстро пропитывает бинт, на котором распускается красный бутон и превращается в темную колючую розу. Сколько бинтов не накладывай, все одно.

Беляев прислоняет банку с энергетиком к губам Бубы. Вдруг придаст ему сил? А кровь ведь загустеет когда-нибудь, не может же она отсюда течь бесконечно? Надо только поскорее этого Годо успокоить, освободить пленников и увезти Бубу в больницу. Ох, как некстати он кончается здесь! Лучше бы самому погибнуть, чтобы не видеть этого…

Буба делает небольшой глоток и кривится.

— Сильно меня приложили, — шепчет он.

— Вижу, дружище.

— Мы почти доехали.

Беляев поворачивается и с удивлением обнаруживает, что всего в ста метрах от места последней схватки белеет еще одна дверь.

— Там этот господин Годо?

— Там. У него ключи.

— Легко его положить?

— Легко. Только он…

Буба судорожно дышит и сам отпивает из банки.

— …только он сладко поет. Нашепчет тебе, наобещает, наговорит. Будешь слушать его, развесив уши, — скоро и сам за колесом окажешься. Умеет договориться со всеми… Даже со мной.

— А с тобой-то он о чем договорился? — восклицает Беляев.

Буба жутковато и слабо растягивает рот в умирающей улыбке:

— Колпак, зеленая куртка…

— Как…

Буба смотрит куда-то вдаль. Жизнь выбегает безобразной розой через скомканные бинты, глаза стекленеют. Значит, видят глаза что-то уже за пределами жизни, куда душа сманивается и бросает маленькое тельце в пещерах ТРЦ.

Беляев, ничего не понимая, некоторое время стоит у тела Бубы. Зачем же он все это устраивает и заманивает его сюда? Беляев ведь практически добирается до Годо, а от Годо смерть всему ТРЦ пойдет, и это оче-

видно. Кристалл не просто так питается от усилий рабов.

Беляев допивает энергетик и с сомнением идет к двери, за которой прячется управляющий господин Годо, повинный во всемирной несправедливости. Когда богатые и здоровые существуют жизнями нищих и жалких, то нет ничего божественного в мире. Тут все ад и неправда, одного Годо убить недостаточно. Лучше извести всех на свете, и тогда души разлетятся туда, куда и положено — неправедные растворятся, а обиженные вознесутся к богу с выколотыми глазами, который в своей всевышней слепоте поддерживает мир изъяна.

С такими мыслями Беляев подходит к двери. Что там? Старик, сосущий жизнь из рабов? Огромный суперчеловек, парящий над землей от нечистой силы?

Беляев усмехается сам себе. Нечего гадать! Молоток просох от крови, просится снова в голову.

Замок отперт. То ли ждут, то ли нет привычки запираться. Беляев тут ведь первый, кто решает свои порядки завести.

Именно таким и должен быть кабинет управляющего.

От самого потолка вниз спускается паутина из мониторов, которые глядят в нутро ТРЦ в самых разных местах. Есть и мониторы с жорным рядом, и с магазином, откуда Беляев заимствует электрического Буцефала.

Стены нейтрального бежевого цвета, из мебели лишь пустой канцелярский шкаф, а в центре комнаты — массивный стол, не такой, какой обычно клеркам выставляют в опенспейсе. Под таким столом несложно спрятать и гранатомет, и автомат, и меч. За столом — господин Годо.

— Здравствуйте! — бодро приветствует Годо.

Беляев с опаской разглядывает управляющего. Значит, вот этот вот прилизанный, даже лощёный мужчинка и есть Годо? Типичный директор чего-то большого с уверенными повадками и привычкой к

публичным выступлениям. Пошитый костюм, небольшая залысина. Сейчас толкнет речугу.

— Вижу, вы молчаливы, — продолжает Годо. — Тогда давайте кое-что расскажу я сам.

Зубы белые, ровные. Беляев таким не доверяет. У самого зубы кривые и желтые от кофе, чая, сигарет и такого же больного желтоватого неба Москвы. Пора их на свалку! Только, может, в этих зубах больше личного, чем во всех записках, разговорах и делах. Зубы Беляева помнят вкус еды из детства, кровь драк, первый алкоголь и вкус смазки, металлический адреналин и безумный страх, боль и смех. Они пахнут, они старые, они кривые, но они помнят.

А что расскажут керамические камушки во рту?

— Долгий путь вы проделали! Признаюсь, довольно впечатляющий. Вижу, за жизнь вы и гроша не дадите, но я все же поторгуюсь.

— Рабы, — хрипит Беляев. — Отпусти всех. Посмотри на меня. Посмотри на мои руки. Они в крови — это кровь твоих холуев и кровь моя, потому что рука устала бить. Не должно быть такого, что люди прикованы и по кругу ходят. Отпусти!

Годо откинулся на спинку кресла.

— Да как же я отпущу! От них кристалл запитан! Кристалл погаснет — тут все обрушится! С раб…отниками, между прочим.

— Как так вышло?!

— Что? — не понимает Годо.

— Все! Почему тут какой-то кристалл с рабами?

— А-а! Прошу не называть их так. Оттого, что они колесо крутят, рабами их называть нельзя. Думаете, отпустите их, и они начнут счастливо жить? Нет, тут же и останутся, только без всякого проку. Так и продолжат смотреть кино и жрать попкорн.

— Неправильно это, — твердо говорит Беляев. — Не нужен такой капитализм.

— О боже, — сокрушается Годо. — Причем здесь капитализм? Капитализм — это когда вы себе на триста процентов в прибыль торгуете и живете, а осталь-

ные — как получится. Только так и выходит — всегда капитализм. При любом раскладе.

— Не при любом, — не очень уверенно возражает Беляев.

— При любом, дорогой мой, при любом. При советах номенклатура пировала, пока обычные трудяги в очередях стояли за какой-нибудь ерундой. А при демократах все то же самое, только что рулетка поинтереснее стала. Вот вы кем работаете?

Беляев на мгновение запинается и четко выговаривает:

— Я сам от себя.

— Самозанятый?.. Или вы о чем? Ладно. Вижу, что не с личного острова залетели к нам на огонек. Спину гнете, а хотите как? Хотите сами не гнуть, а чтобы другие гнули, так…

— Никак я не хочу. Хочу всех в расход пустить. Раз одно и то же получается.

— Это как? — смеется Годо. — Всех убить?

— Лучше всех убить, тогда праведные в парадиз уйдут, а вот такие как вы поскорее кончатся.

Годо как-то внимательно смотрит на Беляева. По лицу управляющего пробегает странная жутковатая дрожь, а взгляд из лукового становится тупым и жестоким, как у охранников. Мимика деревенеет и упрощается, будто в Годо утверждается рука неопытного кукловода. Меняется даже голос.

— Ладно, чего лясы тогда точить. Бабу я твою убью, вот и все дела.

Беляев в свою очередь изучает Годо и приближается к нему.

— Это ты через него со мной говоришь?

— Через него.

Беляев с откровенным любопытством разглядывает Годо. Разумная тварь, получается. Не только охрану себе отращивает, но и такой вот гриб мозговитый. Значит, надо резать под корень, нечего тут рассуждать. А пиццерийная женщина поди уже давно не жи-

ва, а если и жива, то убьют точно. Ребенка надо только забрать ее, а то без матери расти будет. Нехорошо.

Беляев привычным движением направляет молоток в голову. Тот податливо следует за рукой и страстно впивается в череп, раскраивая его, как страусиное яйцо. Вот и все, ТРЦ теперь сам без всего. Мицелий сейчас только подрезать как следует…

Годо валяется на полу, его лицо дергается от агонии. Однако глаза оживают.

— Ключ от кандалов в ящике. Левый, сверху.

Беляев не торопится и следит за тем, как управляющий отходит.

— Спасибо, что пришел.

— Вот оно как. А я уж подумал, что ты ненастоящий, — признается Беляев. — Что тебя ТРЦ из себя пустил.

— Не пустил, я врос, — пояснил Годо и смотрит куда-то в потолок. — Голова-то как болит… Добей что ли.

Беляев пристыженно размахивается и острой частью молотка еще раз вскрывает голову управляющего. Гадко так ждать заставлять. Не ради болтовни же он молотком орудует.

Ключ на месте. Теперь у Беляева их два. Один из ТРЦ наверх, один от оков рабов. А что там со зданием будет — дело десятое. Если все погибнут под завалами, то так даже лучше. Пусть все прекратится.

Ничего интересного в кабинете не обнаруживается. Мониторы на стене по-прежнему горят и показывают жизнь внутри. По чреву ТРЦ бредут толпы людей — начинается кино. Скоро на экранах покажут веселые и занимательные картинки, и лица зрителей обратятся к яркому полотну. А потом пройдет время, будет «выкл», и все разбредутся по зимним норам. Поганое дело — вот так вот громоздиться на земле ради карнавальных представлений, торговли побрякушками и жратвой. Плотная масса ТРЦ вдавливается в грунт, теснит землю как булыжник, брошенный на цветы. Борщевик!

Беляев качает головой и выходит в коридор. Буба и охранники все так же спят в неудобных позах, залив кровью пол. Подняв самокат, Беляев медленно движется в сторону кристалла, где рабы наматывают последние круги. Они смотрят один и тот же фильм, а в это время Шива-разрушитель, объезжая трупы, мчится спасать души.

6. И радость никак не запрятать

Ритмичный шум скрытого маховика нарастает. Скоро по левую руку появится дверь. По пути обратно Беляеву не попадается ни одного живого охранника. Только тела, которые мешают ехать на полной скорости.

Хотя стена тянется бесконечно и безнадежно, Беляев не унывает. Никакой логики в планировке коридора нет. Это уже понятно со слов Бубы. Нелинейное пространство. Значит, дверь нарисуется тогда, когда будет нужно. А тогда уж и неважно, как и куда ехать.

Беляев притормаживает и настраивается на решительный бой. Внутри, где спрятан кристалл, наверняка последние силы ТРЦ. Там все закончится, и, может, погибнут разом и он, и здание, и оставшиеся стражники, и рабы, и пиццерийная женщина.

ТРЦ словно угадывает мысли Беляева и прекращает свои уловки. Чуть дальше, впереди, материализуется ручка, а затем и сама дверь. Как раз так, чтобы Беляев мог разглядеть ее и вовремя остановиться.

Что делать перед последним боем? Молиться бесполезно, ведь тогда придется обратиться к тому, кто отвечает за неправедный мир. Плакать расточительно — все стоящее отплакано. Тогда Беляев выуживает из кармана маленький флакон йода и наносит на лицо боевую раскраску. Так как зеркала нет, а смартфон валяется где-то среди трупов, Беляев может лишь воображать, каким получается рисунок. В мыслях рисунок устрашающий и отрешенный. Последний бой.

Умирая, надо видеть умирающих врагов. То есть сражаться отчаянно и жестоко.

Глубокий вдох. Выдох.

Беляев входит в машинный зал, готовый к немедленной атаке. Но никого внутри нет, кроме рабов. Он слышит их нечленораздельное бормотание, слышит звон цепей и скрип колеса. Огромный кристалл, подпирающий потолок, мерцает, не подозревая о скорой судьбе. Под ногами хрустит попкорн.

Беляев спускается в яму и ключом отпирает кандалы ничего не понимающих заключенных. Даже после того как падают цепи они по инерции продолжают толкать колесо, упершись взглядом в экраны. Но когда в поле зрения попадет Беляев с молотком, что-то происходит. Они как в прошлый раз бросают свое унылое занятие и возбужденно орут околесицу.

— Драйвер! Драйвер!

Беляев стоит, как вкопанный. Пиццерийной женщины нигде не видно. Вероятнее всего, она действительно мертва. Спятившие рабы носятся по залу, орут «драйвер» и хватаются за немытые головы. Ничего им больше не нужно в этой жизни. Даже нельзя наверняка сказать, что сильнее их так тревожит — отсутствие цепей или Беляев, сжимающий молоток.

А Годо не врет, получается. И кристалл тухнет. Гаснут экраны с фильмом, зал погружается в полумрак. Бывшие рабы беспокойными обезьянами носятся по залу, иногда натыкаясь на Беляева. Но тому все равно — он ждет, когда ненавистный ТРЦ обрушится на него всеми десятью, двадцатью или сколько там этажами.

Сначала наступает промышленная тишина. От нее мурашки бегут по коже, ведь крики и животные вопли рабов больше не глушит маховик. Что-то происходит важное, что-то замирает и завершает бег нервного тока по мицелию ТРЦ. В сумраке Беляев с отрешенным взглядом наблюдает за обезьяньим бегом освобожденных пленников. Потряхивает.

Нет, не кажется. ТРЦ трясется, и тряска усиливается с каждой минутой. Это даже не толчки, а пред-

смертные судороги, как у зверя, подстреленного охотником. Разбит позвоночник: тело изгибается в нелепой позе, зверь мочится и обделывается, потряхивая лапами поломанного механизма. Наверняка все туалеты ТРЦ забили фекальными фонтанами, свет то гаснет, то разгорается, звучит какофония, и толпы людей бросаются к спасательно-губительным лестницам. Там их ждет давка, сплющенные грудные клетки, хруст ребер, удушье.

Беляев опускается на колени и смотрит куда-то вверх, где в тенях прячется потолок. Тряска такова, что даже сидеть ровно невозможно. На голову прилетает первый кусок штукатурки и смешно и небольно ломается о голову. Тогда Беляев ложится животом вниз, чтобы обезьяны не раздавили раньше времени, и слушает смерть ТРЦ.

Сверху продолжает сыпаться, и скоро к легковесной штукатурке прибавится плоть здания. Полетят куски бетона и арматуры, какие-нибудь технические кишки, трубы. Вены оголенных проводов вырвутся из стен и разожгут погребальный огонь.

Беляев, однако, никак не умирает. Более того, сумасшедшие рабы чудом избегают осколков и все так же скачут по помещению. Искать пицца-даму бессмысленно, да и Беляеву к тому же все равно. Его наполняет удивительное и новое чувство завершения всего. Словно он отыскивает секретный ход к концу жизни, минуя все ждавшие его испытания и страдания, и ловко проскальзывает к самому важному и последнему.

Где-то в темноте валяется верный китайский молоток. Скоро и друга погребет под завалом, а когда начнут выуживать тела, то никто внимания и не обратит на инструмент. А ведь сколько на его счету жизней!

Беляев проводит рукой по воздуху, будто гладит молоток. Сейчас из-под потолка сорвется тот самый финальный обломок и привет.

ТРЦ трясется и гудит. Воет от тоски, наверное. И особенно тоскливо от того, что ни одним обломком не

удается ему достать проклятого Беляева, который смиренно разлегся в машинном зале.

Вокруг Беляева нарастают сугробы из кусков стен, перекрытий, каких-то кресел, плитки, столиков и еще черт знает чего. Невидимый щит отводит все опасности, словно Беляев ценен и теперь, когда ТРЦ повержен и издыхает. Временами сквозь чудовищный шум нарастающего разрушения слышатся дикарские вскрики рабов.

Резко становится холодно, а симфония обвала сменяется привычными городскими звуками, гудками и сиренами.

Беляев медленно поднимает голову. Всего в пятнадцати метрах над его головой, под чернильным безоблачным небом, висит одинокое полотно экрана. Оно цепляется чем-то за часть опоры, развернувшись вертикально, и напоминает парус в штиль.

Больше от ТРЦ ничего не остается. Только обломанные стены, сточенные как зубы наркомана, провалившиеся внутрь крыша и перекрытия. Где-то среди этого невозможного лабиринта покоятся сотни людей, которых Беляев приговаривает к немедленному переходу из мира куда-то прочь. Где-то там спит пиццадама, Буба и вся его компания мучителей. Там же, разбитый вдребезги на осколки, похоронен и кристалл.

Нет, ничего не отдавлено и не болит. Только все в белесой пыли, напоминающей нежный легкий снег. Беляев, бесконечно усталый, встает и озирается. Вместе с ним поднимаются и рабы с измученными, но теперь осмысленными лицами. Беляев подходит к одному из них и берет за руку.

— Все кончилось, — уверенно сообщает он рабу.

Тот откликается ответным пожатием. Беляев, не отпуская его, подходит к следующему рабу, пока все они не сцепляются в один хоровод. Один по сезону одетый Беляев и с дюжину полуголых людей, взявшись за руки, стоят посреди развалин и медленно, но согласованно раскачиваются. Вокруг уже вся Москва — с зеваками, бесчисленными и мертвыми глазами камер

смартфонов, экстренными службами, бесстрастными фонарями и холодным небом. Где-то там, ослепленный московским светом и татарской роскошью, радуется бог. Один из изъянов его мира руинами искупает свое надругательство над землей.

В голове… Или не в голове?.. Играет музыка. Очень знакомая песня. Беляев знает ее и задает всему хороводу ритм. Из горла, набитого строительной пылью, разливается аденоидное блеяние, которое подхватывают нестройным хором рабы:

Не спи, вставай, кудрявая!
В цехах звеня,
Страна встаёт со славою
На встречу дня!

И радость поёт, не скончая,
И песня навстречу идёт,
И люди смеются, встречая,
И встречное солнце встаёт.

мертвый текст

Сальвадора Дали

О ПИКАССО И ОБО МНЕ...

О Пикассо и обо мне —
К вашим услугам!

Пикассо испанец.
Я тоже.

Пикассо гений.
Я тоже.

Пикассо 72 года, мне — 48.

Пикассо знают во всем мире.
Меня тоже.

Пикассо коммунист.
Я — нет. Нет же!

Флэнн О'Брайен

ТЕАТР — МАССАМ БИБЛИОТЕКА

Театр — массам

Мое предложение вывесить текст пьесы на балконе второго яруса, чтобы актеры во время премьеры могли с ним сверяться, вызвало бурный восторг в секции актерского исполнительского мастерства. Дело в том, что актеры вынуждены порой разыгрывать на редкость скверные пьесы, а нет пытки изощренней, чем насиловать девственную лицедейскую память. Одна весьма высокопоставленная особа заметила вчера вечером, что «возражений не предвидится». Это, разумеется, меня вдохновило. Ведь прореагируй она иначе, и я вынужден был бы «пересмотреть» свое предложение.

Да, план мой и впрямь неплох. Ведь теперь отпадает необходимость заранее вводить актеров в курс дела. Пусть они как ни в чем не бывало выходят на сцену, лупят глаза в зрительный зал и разражаются пространственными монологами от лица старого Джона и его благоверной Бригитты.

Моя идея хороша еще и тем, что теперь вы не рискуете опоздать на последний автобус, Предположим, перед вами выбор: что хуже — не досмотреть спектакль или не успеть на автобус? Как существо в высшей степени разумное, вы, естественно, жертвуете спектаклем — вы ведь никогда не простите себе, что пошли пешком. Теперь же вам не придется, возвращаясь из театра, гадать, чем закончилась пьеса. Вы попросту поворачиваетесь в кресле и сморите на балкон второго яруса. Зрительный зал в этом случае будет

являть собою весьма странное зрелище: ближе к концу пьесы добрая половина зрителей сидит спиной к сцене и бормочет себе под нос то, что предстояло продекламировать актерам при лучшем стечении обстоятельств. Что тут поделаешь, не тащиться же домой под проливным дождем!

Может случиться и так, что весь зрительный зал, ознакомившись с текстом пьесы, дружно очистит помещение в середине последнего действия и тем самым освободит измученных актеров от постылого труда, дав им возможность благополучно добраться домой. Не следует забывать, что актеры тоже люди. У каждого из них была мать.

Библиотека

Визит, который я на днях нанес своему только что женившемуся приятелю, заставил меня призадуматься.

Мой приятель — человек богатый. Когда он занимался покупкой мебели, ему пришло в голову обзавестись заодно и библиотекой. Не знаю, грамотен он или нет, но, уж верно, дьявольски наблюдателен, ибо из общения с наиболее почтенными людьми города он вынес, что полагается иметь дома библиотеку. Вот он и купил себе несколько книжных шкафов, после чего какой-то проходимец за приличное вознаграждение набил самыми разнообразными изданиями, в том числе весьма пухлыми фолиантами о французской пейзажной живописи.

Зайдя к нему домой, я заметил, что книги на полках свеженькие и совершенно нетронутые, и обратил на это его внимание. «Сначала я расставлю их как следует, — ответил мой недоумок, — а уж потом возьмусь за чтение».

Вот тут-то я и призадумался. Зачем состоятельному человеку утруждать себя, делая вид, что он прочел целую библиотеку? Почему бы не вызвать профессионала — книжных дел мастера, который истреплет его кол-

лекцию по твердой цене за полку? Такой человек при определенной сноровке мог бы нажить состояние.

Позовите мастера

Позвольте мне объяснить, что я имею в виду. Товар, приобретенный в книжном магазине, отличается девственной новизной. Напротив, школьный словарь латыни истерзан до неузнаваемости. Известно, что словарь открывают, листают чуть ли не миллион раз, так что может создаться — ложное, впрочем, — впечатление, будто школьники обожают латынь и не могут и часа без нее прожить. То же и с нашим интеллектуалом, который хочет, чтобы гости, окинув взглядом его квартиру, сразу же угадали в нем тонкого ценителя изящной словесности.

Предположим теперь, что наш интеллектуал приобретает невероятных размеров монографию о русском балете с текстом, увы, на языке этой далекой, но прекрасной страны. Возникает проблема, как в кратчайшие сроки истрепать эту достойную книгу до такой степени, чтобы всякому, кто хоть мельком взглянет на нее, стало ясно, что владелец книги на протяжении многих месяцев не расставался с нею ни в постели, ни за обеденным столом, ни в часы досуга? Вы, естественно, можете предложить специально для этой цели сконструировать компактную, но весьма эффективную машинку, которая несколько раз пролистает любую книгу за пять минут, в то время как на чтение «вручную» ушло бы не меньше восьми-десяти лет. Однако это был слишком простой, я бы даже сказал, «бездуховный» способ, столь характерный для нашего механического века. Никакая машина не способна заменить живое прикосновение теплых и подвижных человеческих пальцев. Только опытный и дерзновенный мастер книжного дела в состоянии успешно справиться с этой весьма злободневной социальной проблемой. Что ему для этого понадобится? Во сколько он оценивает свои труд? Какими способами библиотечно-

го книговредительства располагает? Таких способов существует по крайней мере четыре. Любой книжный мастер владеет четырьмя видами обработки книжной полки длиной в четыре фута.

«Общедоступная обработка» предполагает следующие процедуры: обработка общего характера; в каждом томе загибаются уголки на четырех страницах; в каждый том между страниц вкладываются использованный трамвайный билет, просроченная квитанция, засушенный листик или что-нибудь в этом роде — неопровержимое свидетельство рассеянности владельца. Цена, предположим, 1 фунт 7 шиллингов 6 пенсов. Пятипроцентная скидка для государственных служащих.

«Первичная обработка» — самая тщательная обработка общего характера каждого тома; в каждом томе загибаются уголки на восьми страницах, не менее чем в 25 томах подчеркивается красным карандашом абзац неслучайного содержания; в каждый том вкладывается брошюрка на французском языке, посвященная общим аспектам творчества Виктора Гюго. Цена, ну, скажем, 2 фунта 7 шиллингов 6 пенсов. Пятипроцентная скидка для студентов гуманитарных вузов, государственных служащих и страховых агентов.

Обработка типа «Люкс». Каждый том подвергается жесточайшей трепке; корешки томов меньшего формата либо срываются вовсе, либо надламываются, чтобы создалось впечатление, будто их неделями таскали в кармане, отрывок текста в каждом томе подчеркивается красным карандашом, при этом на поля выносится восклицательный или вопросительный знак строго против подчеркнутого места; старая театральная программка вкладывается в каждый том (как бы по забывчивости); не менее тридцати томов заливаются кофейной гущей, спитым чаем, портером или виски. Как минимум в пяти томах имеется подделанная подпись автора книги.

Пять процентов скидки директорам банков, таможенным чиновникам и предпринимателям, в подчи-

нении у которых находится не менее тридцати пяти человек. Цена каждого лишнего загнутого уголка страницы в соответствии с тарифом — из расчета 2 пенса за полдюжины уголков на одну книжную единицу. В наличии имеются также парижские театральные программки.

Обработка типа «люкс» доступна лишь в течение самого непродолжительного периода времени. Цена — 7 фунтов 18 шиллингов 3 пенса.

Последний тип обработки — «безупречный», часто именующийся также «энциклопедическим». Этот тип, безусловно, самый дорогой, но даже и он обойдется вам гораздо дешевле того позора, которого никоим образом не избежать, если вы постараетесь сэкономить. Итак:

«Безупречная обработка»: каждый том подвергается тщательнейшей отделке сначала у рядового профессионала, а затем у высококвалифицированного мастера, аса книжных дел, располагающего не менее 550 часами на одну библиотеку. Цитаты неслучайного содержания подчеркиваются красными чернилами самого высокого качества в половине библиотечных книг; строго против подчеркнутого места на полях пишется одно из нижеприведенных высказываний в полном соответствии с характером подчеркнутого отрывка:

Бред! Верно! Sic!

Не согласен. К чему все это!

Да, но см. Гомер Од. III, 151.

Не знаю, не знаю...

Пожалуй, но еще у Боссюэ в его «Discours sur l`history universalle» высказывалась та же мысль, при этом более аргументировано.

Чушь, какая чушь!

Неглупо!

Как же так?

Помню, еще бедный Джойс говорил мне то же самое. (Разумеется, можно обратиться в отдел «Сверхгромких фраз» за необходимой цитатой».

Право же, это не так дорого.)

Читайте дальше. Дарственные надписи, автографы, подделанные посвящения владельцу библиотеки с неизменными выражениями преданности и уважения как минимум в шести томах, например:

«Моему старому другу и соратнику по перу А.Б. в знак глубочайшей признательности

Джордж Мур».

«С благодарностью за все доброе, что Вы для меня сделали, посылаю Вам свой «Кувшин с золотом». Преданный Вам

Джеймс Стивенс».

«Итак, А.Б., мы с Вами в полном порядке. Сейчас я, кажется, считаюсь хорошим писателем, но я еще не настолько стар, чтобы забыть то поистине бесконечное терпение, которое Вы в свое время проявили, пытаясь утвердить меня в литературе. Примите мое очередное, пусть далекое от совершенства, сочинение и, пожалуйста, помните, что Бернард Шоу навсегда останется пылким поклонником Вашего таланта и преданным другом».

«От вашего друга и последователя

Карла Маркса».

«Дорогой А.Б., своими бесценными указаниями и поддержкой (я уж не говорю о том, что Вы взяли на себя каторжный труд полностью переписать третью главу) Вы, безусловно, заслужили первый экземпляр «Тэсс». Ваш старый товарищ

Т. Гарди».

«Не имея, увы, возможности видеть Вас лично, посылаю Вам, дорогой А.Б., своего «Негра». Если бы Вы знали, как мне Вас не хватает...

(подпись неразборчива).

Под последним автографом счастливый обладатель книги может нацарапать собственной рукой: «Если разобраться, бедняга Конрад совсем не так уж плох».

И все это за какие-то жалкие 32 фунта 7 шиллингов 6 пенсов. В эту цену входят также старые, пожелтевшие письма, забытые по крайней мере в десяти томах вашей библиотеки. Каждое письмо будет подписано каким-нибудь знаменитым мошенником, имя которого ассоциируется с балетом, стихоплетством, народными танцами, спортивными играми — иными словами, со всем тем, во что любит играть ваш интеллектуал. Каждое письмо будет подделано по всем правилам, с непременной благодарностью владельцу книги А.Б. за «неподдельный интерес к нашему делу», причем его (А.Б.) советы будут «бесценными», опыт «огромным», а терпение, натурально, «ангельским».

Конструктивная критика

Иногда мы сами издаем и рассылаем литературу, созданную специально для Клуба любителей книги силами членов творческого союза. Начинаем мы с того, что заблаговременно высылаем новые книги известным критикам, вкладывая в конверт ровно столько, чтобы у критика сложилось благоприятное впечатление от прочитанного. Однажды мы послали критику 10 фунтов вместе с романом и попросили его написать в рецензии, что от книги невозможно оторваться.

Самоуверенный хам вернул нам бандероль, вложив в нее записку, из которой следовало, что он стоит не 10 фунтов, а все 12 и 6 шиллингов. Наш ответ не заставил себя ждать. Вновь пустилась в путь наша книга плюс 12 фунтов и заверения в том, что его условия приняты.

Рецензия получилась в высшей степени положительная. И тут нам пришла в голову идея проверить, не расходится ли у нашего критика слово с делом.

Обложку очередной книги, которую ему предстояло отрецензировать. Мы покрыли слоем невидимого клея, который действует только при прикосновении потных рук. Когда испытуемый закончил весьма поверхностное знакомство с текстом и собрался было, по обыкновению, швырнуть книгу в угол, он вдруг понял, что сделать это не в состоянии, — книга стала частью его самого. Положить книгу на стол можно было, разве что ампутировав руки по локоть. Целую неделю бедняга не расставался с нашей книгой, и прислуга вынуждена была кормить его с ложечки, как ребенка. «Оторвался» он от нашего шедевра лишь после того, как его несколько раз выкупали в крутом кипятке, что здоровья ему, разумеется, не прибавило.

Издержки

Нам продолжают поступать письма читатели, которых живо интересует предложенная мною идея обработки библиотек. Мой план явно удался. Наши опытные мастера книжного дела ходят по домам самых состоятельных и самых непросвещенных ирландцев и зверски расправляются с целыми шкафами ни в чем не повинных, немых жертв. Наша частная типография печатает театральные программки сотнями тысяч экземпляров, а также памфлеты на французском, липовые письма, подписанные Джорджем Муром (почерк аутентичен), средневековые игральные карты и прочий реквизит, достойный жуликов самого высокого пошиба.

К сожалению, и в нашей семье не без урода. Некоторых наших мастеров заставали за тем, что они топчут книги ногами; другие отделывали миниатюрные поэтические сборники кнутами, цепами и дубинками. На книги набрасывались с ножами, кинжалами, кастетами, топорами, тесаками, вилами и прочим инструментом. Как выяснилось, наши подмастерья, не отдавая себе отчет в том, что следы зубов на обложке вовсе не обязательно свидетельствуют о прочтении

книги, воспитывали домашних собак в ярой ненависти к полиграфическому чуду. Один такой горе-работник (приказал долго жить, бедный), посланный нами отделывать частную книжную коллекцию в Килмейнхеме, был вскоре после этого обнаружен в зоопарке: он стоял у клетки с шимпанзе и просовывал обезьяне ценнейшие антикварные издания. Еще один, родом из деревни, разложил книги на лужайке перед домом нашего заказчика, запряг лошадку в плуг, пару раз прошелся по книжному полю, и только после того, как от прочитанных книг не осталось и следа, до него дошло, что он, пожалуй, немного переборщил. Да, умеренность нам, ирландцам, порой изменяет.

Пьер Дриё Ла Рошель
ЗАМЕШАТЕЛЬСТВО В НОЧИ[1]

Предисловие переводчика

Я рад представить библиографическую редкость, которая впервые появляется на русском языке — статью французского писателя Пьера Дриё Ла Рошеля «Замешательство в ночи». Обычно «ла» в фамилии этого писателя пишется с маленькой, но как-то получив экземпляр книги «Досье Рёбате», — бестселлер эпохи Оккупации, книгу «Развалины» Люсьена Рёбате с неизбежными комментариями (в противном случае книга бы не вышла) — увидел, что автор предисловия, специалист по литературе эпохи, Паскаль Ори, пишет частицу «ла» в фамилии нормандца всегда Ла (с большой «Л»). Что мне кажется более подходящим и что я и намерен впредь делать. Но вернемся к статье. Это репортаж, который Ла Рошель вёл из Парижа 6 февраля 1934 года, в тот день, когда в столице Франции должен был состояться, и уже начался, «правый» путч. Написанный в весьма экспрессивной, присущей Ла Рошелю в прозе, но не дневниках, манере — надеюсь, мне удалось передать хотя бы намек на красоту и легкость стиля Пьера Дриё при том, что я постарался сделать перевод буквально дословным — этот репортаж повествует нам неофициальную, версию событий, случившихся у Елисейского дворца. Согласно государственной французской мифологии, 6 февраля 1934 года «фашисты чуть было не захватили власть во Франции». Читатель, откроющий для себя это свидетельство очевидца, увидит, что все было, как минимум, не так просто и однозначно, как пытаются преподнести сейчас (например, в «путче» активно участвовали коммунисты и молодежь). Статья была напечатана в издании «Je suis partout» в 1934 году и второй раз была опубликована во Франции лишь в

[1] Перевод с французского Владимира Лорченкова.

2012 году. Короткая справка об авторе — после самой статьи.

Приятного чтения!

*****

… К семи часам я делаю круг на левом берегу (*Сены* — В. Л.). Ничего: баррикады между зданиями и неподвижные агенты полиции на опустевших улицах. Я сажусь в отбывающий автобус, который привозит меня в Медёлейн. Я вхожу на улицу Рояль, толпа плотная, но подвижная, полицейские на углах. Появляясь на углу Морского министерства, я попадаю в толпу яростную: человек лежит на крыше машины, окровавленным животом вверх, скрестив на груди руки.

Вхожу на площадь: огромные водовороты. Группы появляются, перенося четверых, пятерых раненых. Раны на груди, в животе. В центре пылает автобус. Я продолжаю продвигаться. «Не идите туда, они стреляют, ублюдки!» Ни одного выстрела. Толпа молодых парней, в которой смешались буржуа всех мастей, служащие, рабочие, образует трепещущий, изможденный, разъяренный полукруг вокруг плацдарма. Он, этот плацдарм, массивен. Ряды автомобилей, продублированные рядами конных караулов, продублированных рядами пеших отрядов. Толпа продвигается, перекатывается по краям двух-трех конных взводов, которые служат ширмой перед плацдармом. Между буйной, но слабой толпой и встревоженной полицией остается пустое и мрачное пространство. Иногда оно становится шире, иногда сужается.

Большие сборища в самом низу Елисейских полей, между двумя лошадьми Марли *(скульптуры коней авторства Кусту, установленные у входа в замок Марли* — В. Л.*)*. Баррикада поперек авеню. «Ветераны — в Рон Пойнт». Со стороны улицы Клемансо волнуются большие группы людей. У флагов кричат и сетуют зрелые мужчины. Вокруг ждут молодые люди. Мещанин и буржуа. «У нас нет приказов, нет лидеров». Никакой

полиции на всем проспекте. Кажется, там были коммунисты чуть выше по движению...

Внезапно я понимаю, что процессия сформировалась и спускается по Елисейским полям. Группа флагов во главе, за двумя транспарантами: «Мы хотим чистой и процветающей Франции». Большие группы, в которых я циркулировал, превратились в текущий поток. Разлив с пеной. Есть середина, тесная, где мужчины держат друг друга за руки, а на тротуарах — густая пенная бахрома из любопытных и робких. Я вижу некоторых, кто два или три раза подряд переходит от застенчивости к смелости, с тротуара на мостовую.

Огромная масса — несколько тысяч человек — поющая «Марсельезу», и поющая, между прочим, хорошо, устремляется на улицу Рояль и поворачивает на улицу Сент-Оноре. Полицейские не двигаются. Идем по Елисейским полям. Толпа успокаивается и сжимается на узкой улочке. Дело становится серьезным.

Взвод конных гвардейцев прибывает с саблями и бросается прямо в гущу. Открывается проход, затем закрывается. Спешенный всадник на углу улицы Буасси-д'Англа. Злая толпа набрасывается на него. Парень хватает свою лошадь, забирается на нее и продвигается в первые ряды.

Елисейский дворец приближается, толпа густеет. Я обнаруживаю себя в пятнадцатом ряду. Я думаю, это невероятный момент, когда Елисейский дворец едва избежал худшего. В то время на углу улицы Елисейской стоял только конный взвод и три или четыре ряда пешего оцепления. Если бы толпа окрепла, она бы затопила эти три-четыре ряда и подошла к Елисейским воротам. Но, несомненно, где-то находились скрытые резервы (*сил правопорядка* — В. Л.).

В любом случае, когда толпа, выталкивающая вверх свои флаги, приближается к зданию Énergie industrielle четыре шеренги пеших с дубинками, в сопровождении всадников, устремляются к протестующим. Старые бойцы облажались. Толпа отступает. Пе-

шие полицейские идут, как сквозь масло, и припечатывают дубинками без перерыва.

Мне очень страшно. Нас вытесняют, сталкивая друг с другом, на улицу д'Агессо, куда я спешу с другими. Несколько охранников медленно, не нанося больше ударов, следуют за нами до улицы де Соссе. Беглецы приходят в себя, кричат, ругаются, окружают своих раненых. Флаги сорваны. Древки сломаны. Здесь много людей, идущих в сторону Сен-Огюстена, выкрикивающих оскорбления перед Генеральной службой безопасности, молчаливой и анонимной.

Возвращаюсь на улицу Маделейн. Новые нервные толпы возвращаются, а потом опять стремятся рискнуть, по-прежнему, сталкиваясь с всадниками, скоплениями полицейских, которые стоят вдоль стен с повязками бордового цвета, блестящими, как тыквы или бытовые горелки.

Полиция и толпа ищут друг друга, избегают друг друга, пугают друг друга.

Мужчины приходят прокричать: «Убийца» под носом у полицейских.

Размахивают окровавленным платком. Продают газеты. Большинство из 360 голосов — за Даладье. Кричат: «Не говорят количество погибших».

Толпы приходят и уходят. Но внезапно огромная масса снова направляется к Опере. Появляются новые элементы. Все классы перемешаны. Разные партии. Группы коммунистов фланкируют колонну и кричат: «Советы везде!» Долой Чиаппе!» *(французский политик Jean Chiappe, 1878—1940, с 1924 по 1927 гг. возглавлял «Сюрете женераль», потом стал префектом полиции Парижа, подавлял выступления коммунистов, дружил с «правыми», в 1930 годах из-за давления «левых лишился поста, но сделал выборную карьеру в муниципальном совете Парижа, чьим президентом стал. Не поддержал Петена. Погиб в крушении самолета над Средиземным морем* — прим. В. Л.*)*. Мне это нравится.

Мы прибываем на площадь Согласия. Но происходит то, что было ожидаемо. Эти двадцать тысяч человек тонут в абстрактных пространствах самой красивой геометрии в мире.

Изможденный, дрожащий, нервный круг восстановился вокруг плацдарма. Но мое впечатление гораздо трагичнее, чем в первый раз. Толпа еще больше запуталась, пролитая кровь заквашивается. Толпа, ведомая своей страстью, только лишь лижет своими волнами глыбу плацдарма, которую хотела бы укусить.

В углу, в сторону Оранжереи: жаровня, в которой образуется что-то вроде народной кузницы; здесь готовят угли, огонь, и греческий огонь *(так в тексте, но, вероятно, речь о своего рода «коктейле Молотова», который еще не получил своего названия в те годы* — В. Л.*)*. Безоружная толпа царапает асфальт и извлекает из него снаряды.

«Завтра мы будем вооружены» — кричат со всех сторон.

Перед блок-постом у моста гарцует мощный эскадрон. Он буквально взлетает и начинается яростный галоп по площади. Тысячи молодых людей прыгают во все стороны.

Я помню первое мая перед войной *(Первой Мировой, в которой Ла Рошель сражался, заслужив награды* — В. Л.*)* на площади Республики. Я свободен, как ветер. Я хожу, замаскированный лазурью, среди этих комитетов шлемов, сабель, башмаков... Это становится похоже на цирк, кавалькады сменяют друг друга. У копыт последней лошади кувыркающиеся беглецы превращаются в воющих преследователей, бросают в конников камни. Лошади, лишившиеся всадников, скачут в ночи.

Потом настал момент, когда вокруг плацдарма все сжалось. Полукруг становится угрожающим, осаждающим. Приносим скамейки, лестницы, мусор из садов. Формируется баррикада... Эта баррикада становится опасной и тревожной. Плацдарм сжимается, взрывается и внезапно лопается.

Огромный черный поток, переливающийся бордовыми оттенками, который на время собрался немного правее моста, окутан легким облаком ... Револьверы уходят ... Черный поток несется, трескаясь сотней петард, и неистово мчится вперед, направляя все на Елисейские поля; сдвигаясь в ряду, я вижу, как взмывает над собой сабли отряд.

Это стонущая гонка по лужайкам и зарослям. Полицейские бегут повсюду, стреляют.

Они стреляют по ногам: вижу только двух раненых и две-три пули, попавших в асфальт вокруг меня. Я в переулках, я верю, что лошади между деревьями не пройдут. Я задыхаюсь. Но к Буасси-д'Англа прибывает отряд лошадей. Я прячусь за деревом, на коленях. Справа и слева ко мне подходят всадники и бросаются на меня с саблями. Я получаю легкий удар по плечу. Парень в каске воет в меня своим криком.

Я возвращаюсь в Ронд-Пойнт. За нами следуют массы полицейских. На Ронд-Пойнте разъяренные беглецы сжигают автобус.

Ночью безлюдные пространства постепенно пожирают уходящую толпу, ненавидящую и мстительную.

7 февраля 1934 года
«Je suis partout»

Об авторе: Пьер Дриё Ла Рошель (1893-1945), выдающийся писатель, публицист, журналист. Известен как автор нескольких романов — «Жиль», «Блеш», «Простофили», «Заметки на полях романа о сексуальном воспитании» — и коллаборационист. Наибольшую известность (посмертно) писателю принес «Военный дневник», который велся в 1939-1945 годы. Покончил с собой в 1945 году, отказавшись от возможности уехать в Швейцарию. Пользовался популярностью у женщин, одна из возлюбленных Ла Рошеля — жена магната Рено, выведенная в некоторых произведениях как «Белукия».

школа трупов

Александр Бренер

ПОПЛАВСКИЙ И ЛАКАН: НОЧНАЯ БЕСЕДА

Было два часа тёмной августовской ночи, когда Борис Поплавский постучал в стеклянное окошко консьержа:

— Как мне найти доктора Лакана?

Тихое бешенство разбуженного консьержа не знало предела.

Он направил Поповского на седьмой этаж вместо шестого.

Лифт не работал.

Поплавский поднимался по неопрятным ступенькам, насилу овладевая каждой.

Он не знал, что Лакан живёт в такой трущобе.

Да ещё на самой верхотуре.

На лестничной клетке шестого этажа его постигло видение старухи.

Она сидела на нижней ступеньке.

Нагишом, без единой одёжки.

Седые локоны падали на лицо, полностью его затмевая.

Поплавского осенило: „Да ведь это Афродита!“

Он бережно обошёл старуху.

Её голые восхитительные ступни.

Её гладкие страшные колени.

Она не пошевелилась.

Поплавский поднялся на седьмой этаж, но там была лишь одна дверка — без имени, без звонка, пере-

крытая крест-накрест двумя металлическими жердями.

Поплавский пережил минуту величайшего убожества и разора.

Затем он очутился этажом ниже.

Старуха исчезла.

На двери слева мерцала медная табличка с выгравированным именем месье Жака Лакана, психиатра.

Поплавский надавил пипку звонка — не пальцем, а всей ладонью.

Он был без дыхания и в ознобе.

Дверь не замедлила открыться.

На пороге стоял сам доктор, одетый в длиннополую ночную рубашку, но с галстуком-бабочкой под выбритым подбородком.

Его лицо было разрисовано как у шмары: резкие румяна на скулах, синеватые тени над подведёнными глазами, ярко-красная губная помада.

— Проходите, — сказал он с кривой кулуарной улыбкой, широко раскрывая дверь и кокетливым жестом приглашая ночного гостя.

Поплавский глянул внутрь квартиры и заколебался.

Он, голопятый эмигрант и поэт-оборванец, вволю насмотрелся на кавардак и хаос, но такого бардака ещё не видел.

За спиной Лакана маячила комнатёнка величиной с кладовку, набитая книгами и бутылками под завязку.

— Да входите же, месье русский, — голос Лакана звучал весело и бодро, но несколько пьяно.

— Откуда вы знаете, что я русский?

— Да просто догадался, — психиатр рассмеялся булькающим смехом водопроводного крана, когда воду в нём перекрывает сантехник.

Поплавский вошёл в комнатушку, чтобы убедиться, что книги — в винных пятнах и плотных покровах пыли — валяются в беспорядке повсюду, устилая пол и громоздясь к потолочным балкам.

С одной из них свисала лампочка в полусгоревшем абажуре.

Винные и коньячные бутылки стояли и лежали во всех четырёх углах каморки.

Маленькое оконце было подёрнуто пылью, по которой кто-то водил пальцем, изобразив пещерную голую бабу.

Единственной мебелью в комнате оказалась кровать наподобие клине — греко-римского пиршественного ложа.

Оно было покрыто позолоченным покрывалом, запятнанным чем-то фиолетовым и белым.

— Садитесь, — сказал Лакан, указав на стопку книг перед лежанкой.

Сам он тут же разлёгся на ложе, показав гостю крупные бледные ступни с накрашенными ногтями.

Сев и взглянув под ноги, Поплавский обнаружил на полу распахнутый чемоданчик, содержащий сломанный скальпель, здоровенную клизму, катетер, пузырек с духами и рваный женский чулок с запиханным в него ружейным обрезом.

В комнатушке стоял металлический палёный запах, словно тут занимались сваркой.

— Я предпочитаю не знать ваше имя, — промурлыкал Лакан, обнажив мелкие редкие зубы, запачканные помадой. — Но хотел бы знать, зачем вы явились, сударь.

— Доктор, — голос Поплавского ломался, — я пришёл к вам, чтобы вы рассказали мне все, что знаете о ночи.

— Вы можете спрашивать о чём угодно, — задушевно уверил его Лакан, и Поплавский сразу ему поверил.

— И не удивляйтесь моему наряду, — продолжал доктор. — Ночная рубашка весьма подходит для разговора о ночи. Какой народец, какая вера, какой век, какой возраст, какой призрак и какое сновидение не носило ночную рубашку? Дети, ангелы, приговорённые к казни, смертельно больные, священники, идиоты,

лунатики, окоченевшие трупы — ночная рубашка всем впору. Так почему её не носить доктору Лакану?

Он уставился на Поплавского с потешным вопрошанием во взоре, и поэт кивнул, соглашаясь.

— Итак, приступим… — Лакан поднял указательный палец. — Кстати, а вы сами уже думали о ночи?

— Думал, — сказал Поплавский. — Но думать о ночи ещё не значит думать о ночи ночные мысли, соответствующие ночи.

— Ах вот в чём дело! — вскричал доктор. — Ну, что ж, я помогу вам. Я, доктор Лакан-ночная-рубашка, раскрою смурному русскому пришельцу всю каверзу присносущной ночи, всю её подноготную от сумерек до рассвета, и покажу, как день и ночь соотносятся друг с другом в своей бифуркации и перегонке друг в друга. Начнём с простого: день зачинается с петухами и оприходован часами, но ночь не предусмотрена никаким расчётом. Она бессменно присутствует как в сердце, так и в печёнках мира. Библия лежит на освещённом пюпитре, но ночная рубаха скрывает в своих складках непроглядную тайну. День приглашает к предательству и прелюбодейству, но вечная ночь вещает: „Не оступись на моём пороге, недоносок!“

Поплавский слушал, нашаривая в нише штанов пачку „Житана“ и шевеля ушами.

Он закурил, чиркнув спичкой, и молвил:

— Когда-то я полагал, что люди просто отходят ко сну или не смыкают глаз в постели, при этом оставаясь собою, но теперь вижу: ночь превращает в развалины самость человека.

— Ну да! — возгласил доктор. — Дайте какому-то „я“ лечь на Великое Ночное Ложе и это „я“ тут же испарится, его воля истлеет, а его мумия обретёт крылья летучей мыши. Это разрушение неудержимо и безымянно. Засыпая, человек попадает в сверхвысокую Башню Ночи и становится членом тайного братства безбашенных и бесшабашных. Он больше не знает ни себя, ни своих собратьев, развеществляясь на мириад анонимных неяек.

— Да, именно неяек! — восторженно воскликнул Поплавский. — Я тоже неяйка, доктор!

— Ну конечно! — отозвался Лакан, повышая градус беседы. — Ты, мой милый, — русский ночной неяйка, заблудившийся в кишечной системе Парижа! А ночь мартышки-Парижа — это отнюдь не ночь суки-Москвы и не ночь кобеля-Санкт-Петербурга! В Москве ночь погружает людьё в летаргию Лобного места, в Петербурге — в агонию Шинели. Ну а в Париже-блядёхе ночь укрывает зловонным мраком совокупление двух гаргулий, пожелавших породить Горгону Медузу. Но у них ни черта не выходит, и они проливают свою сперму и смазку в Сену, потому-то в неё и прыгают отчаявшиеся поэты. Ты хорошо сделал, что пришёл к доктору Лакану — он знает, как оказаться не ко времени и не к месту, а ведь именно этого хочет вечная ночь Парижа, как и вечная ночь человеческой жизни, осквернённая солнцем развратного, но немощного рассудка.

— Но… — сигарета в губах Пополавского задрожала. — Неужели вы хотите сказать, что ночь тождественна жизни?

— Разумеется, — ответствовал доктор. — Ночь и день — вовсе не два круиза, а одна тесная тёмная каюта третьего класса на корабле под названием „Летучий Титаник“, потерявшем курс в водах Гипербореи. Слово „Титаник“ вызывает в уме ощущение тяжкого, неподъёмного веса, а слово „летучий“ — лёгкости и скорости ласточки или мухи. Но ночь соединяет эти качества воедино: она совокупно легковесна и непосильна, как жизнь раненого кашалота или царя Эдипа.

— Но для чего тогда существует день на белом свете? — поинтересовался Поплавский, ёрзая на книгах.

— День — это всего лишь пропуск в ночь, мой милый. Свет — всего лишь зыбкая тропа в темноту ночи, дабы заранее не сломать себе шею во мраке жизни. День суть похабная суматоха перед вступлением в благословенное и безвозвратное Ночное Царство, где существует только то, что не существует. Лучше спроси

меня: „Для чего я оказался сегодня ночью в ночи доктора Лакана?“

— Так для чего же? — каким-то пустым голосом отозвался Поплавский, словно он уже стал ночным эхом.

— А для того, чтобы познать настоящую щедрость ночи, — торжественно произнёс доктор, поглаживая свои чресла под вздыбившейся ночной рубашкой. — Граждане Парижа жадны настолько, что они не подарят тебе даже свои прошлогодние экскременты. Французы каждую ночь кладут франк в кубышку, надеясь утром извлечь из неё полтора франка. Но ты не таков, ты ведь русский и не копишь свои козюльки в порожних коньячных бутылках. Идентичность французов навязана им механизмами вроде гильотины и институциями вроде Дома инвалидов. А русские до сих пор ищут свою самость в философской ночи, освещая бескрайнюю тьму озорным фонарём Диогена.

Тут доктор рассмеялся — совсем как неугомонный подросток, довольный своей залихватской речью.

Они сидели напротив друг друга: два китайских болванчика, две марионетки, сотворённые непонятно зачем неизвестным ночным демиургом.

Поплавский помалкивал, то ли витая в облаках, то ли что-то соображая.

Его молчание было по вкусу Лакану, с шаловливой гримасой наблюдавшему сосредоточенное лицо ночного гостя.

Внезапно доктор вскочил со своего позолоченного ложа и посмотрел в тёмное окошко.

Секунду он стоял неподвижно в ниспадающей ночной рубахе, а затем выхватил из-под груды книг чёрную трость с эбеновым набалдашником в виде головы сатира.

— Пошли, друг мой, — сказал он просто. — Скоро утро.

Они опрометью сбежали по ступенькам и выскочили вон из подъезда, не потревожив сон консьержа.

И пустились бегом по Парижу — в предрассветных потёмках.

Под тёмными купами деревьев, рука в руку.

Лакан — босиком, Поплавский — в рваных теннисных туфлях.

Перед рассветом платаны выглядели лучше — как пляшущие василиски.

И пустые улицы были лучше — как каньоны на Венере.

И трава на газонах смотрелась лучше — как шерсть Химеры.

И ожившие птицы пели лучше — как искуситель-ные сирены.

Всё, о чём Поплавский и Лакан могли в эти мгновения думать, — а они ни о чём не думали, а только бежали — тоже было намного лучше, чем обычно, ибо они позабыли себя и своё бессилие перед убийственным веком, свидетелями которого они невольно оказались.

Не сговариваясь, они бежали к Сене.

И тот, и другой обожали смотреть на Сену, подобно паре влюблённых сомнамбул.

Они завершили свою стремительную прогулку на мосту Мирабо, откуда Сена кажется шире и круче.

Они облокотились на ажурные перила моста и уставились на воду, как два отъявленных наркомана.

Сперва они смотрели на Сену глазами Рафаэля де Валентена.

Потом — глазами Жерара де Нерваля.

А потом очами той анонимной девы, чьё тело выловили накануне полицейской сетью, но так никогда и не опознали.

Таких дев было много, но о них никто не помнил, поэтому они были счастливы там, где оказались.

А потом Лакан и Поплавский посмотрели на Сену глазами двух дельфинов, случайно заплывших в эту вонючую речку из мирового Океана.

И тогда над городом забрезжил первый луч рассвета.

— Эй, русский, суши портянки! — крикнул Лакан голосом святой куртизанки и, перелезши через перила, ласточкой сиганул в воду.

Поплавский ждать себя не заставил.

Они ушли под горбатую, чёрную, маслянистую, игривую воду.

А вынырнуть уже не пожелали.

Река сомкнулась над ними, как врата небесного царства.

И конец всем разговорам.

Они плыли внутри Сены как два ликующих ихтиандра.

Они плыли и плыли, пока не оказались в водах Ла-Манша.

А потом — в глубинах Атлантического океана.

Их целью была Вечная Ночь Океана.

Его Склон и его Ложе.

Они хотели стать друзьями тех чудо-тварей, что живут в придонных глубинах вечного мрака.

В его тёмной, сладостной утробе.

И они стали их друзьями.

Ныне и присно.

Григорий Гаврилов

НЕИЗВЕСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ЖУКОВА И СТАЛИНА

Письмо Жукова Сталину
14.10.1941

Дорогой Иосиф! Мне кажется, что наше сознание умеет перемещаться во времени мгновенно. И не только во времени. Я подобрал не то слово… Тут вернее сказать: сообщаться. Хотя какие-то уровни для сознания закрыты, невидимы. А видимы только для души. Т.е. есть у нас душевное зрение, которое может видеть невидимое, но сознание этого не видит.

Мир значительно шире, Иосиф, он квантов, многоуровнев. И эти уровни друг с другом сообщаются. И из этой связи получается что-то вообще невыразимое. Представь себе, вот едет тепловоз, и поют лягушки, в окно течёт ветерок, пискнула, видимо, летучая мышь. А на стене отражается тень цветка-дерева, стоящего на окне. И есть ощущение, что всё, по отдельности перечисленное, тоже сознательно, и с ним всем, как и с целым, можно сообщаться. Иосиф, скажи, может, это и есть Бог?

Проспал весь день и видел долгий сон.

Там был и сонный паралич с переходами в разные уровни, и какие-то запредельные вещи. Были и превращения. Была там какая-то сила, которой все боялись, и за ней бегал, хотел с ней столкнуться лицом к лицу. Но она только показывалась. Защищался от тревоги с помощью «Отче наш», хотя что-то мешало её читать (это во снах всегда так). Не было страха. Не пытался спрятаться, а защищал своих.

С нетерпеньем жду твоего письма.
Пиши, как погода, почём хлеб.
Жму руку. Жуков.

Письмо Сталина Жукову
16.10.1941

Дорогой Жора. Полагаю, в своём письме ты говоришь о времени. И вечности. Скажу одно: есть атомы времени. Но вечность не состоит из этих атомов. Берия мне не верит. По-моему, он глуп.

В Москве пока тепло, но будут сильные морозы, это я всегда чую. Немец помёрзнет, обтрясём его опосля, как облепиху, да выжмем из него масло.

Хлеб подорожал, но незначительно. Запасов хватает. Пью чай с сахаром вприкуску, потому что запломбировал зубы. Бесплатно, Жора.

Спрашиваешь, Бог ли то, что ты описываешь. Скажу тебе так: Бог с тобой. А дальше сам думай.

Расскажу ещё один случай тебе, а ты его мне объясни. Хотел попить чаю, а вместо этого пошёл дождь. Ошибка ли это? Или же закон? Али чудо?

Передавай привет солдатам. Кури меньше.
Жму руку.
Тов. Сталин.

Письмо Жукова Сталину
18.10.1941

Дорогой Иосиф, спасибо за твоё умное письмо. Извини, что буду краток — мало времени: пишу одной рукой и мыслю вполсилы, другой рукой бью фашистскую гадину и мыслю во вторую полсилы об ей. На твой важнейший вопрос отвечу позднее, ибо к ему с полумыслями не подступишься.

Передал привет солдатам. Сражаются ещё более геройс… прости, не знаю, как пишется слово, а солдаты — герои. Тебе от них тоже привет.

Один солдат просил тебе передать его слова: «Здесь, на фронте, я кое-что понял: чувство Родины — это то же, что любовь».

Пиши, Иосиф. Меньше читай Пастернака, больше налегай на крупную прозу. Пододевай тёплые носки, уже подмораживает. Немец стынет.

Жму руку.

Жуков.

Письмо Сталина Жукову
20.10.1941

Дорогой Жора! Передай благодарность тому солдату от тов. Сталина. Знаешь, он потрясающе прав. Я никого никогда не любил, но теперь знаю: я всегда чувствовал Родину, но не знал этого. Тот солдат открыл мне понимание этого чувства: чувства Родины. Конечно, наша жизнь не есть сумма ощущений и их плод, ибо ощущения могут быть обманчивы, она также не есть результат нашего опыта, Жора, ибо опыт ограничен, а жизнь не имеет границ, но и то и другое ценно.

Последовал твоему совету: бросил читать Пастернака, взялся за Толстого.

Берия жалуется на судьбу. Говорит, что «так» не должно быть. Я ему отвечаю: «Кто сказал, что так не должно быть?! Ты? Именно так и должно быть. Ты — точка в этом временном узоре, Лаврентий».

Он грызёт ногти, молчит и смотрит воспалёнными глазами, потом выхватывает из кармана карадаш и начинает его ломать трясущимися руками. По-моему, он не только глуп, но ещё и параноик.

Пиши, как там немец, уже увяз в соплях или ещё держится? Пей чай с мёдом.

Тов. Сталин.

Письмо Жукова Сталину
22.10.1941

Дорогой Иосиф! Ты спрашивал меня о чуде, о законе. Полагаю, что Чудо есть закон мира, но Чудо непостигаемо. Хилыми силами нашего разума мы можем что-то объяснить, да и то путано. И приблизит ли нас это объяснение к пониманию истины? Как ты считаешь, Иосиф? И тут же должен тебе рассказать об одном видении. Вчера я увидел, что в моей душе идёт битва. С одной стороны — воин с копьём на коне, с другой стороны — кто-то неясный, он похож на Локи или на кого-то ещё, он всегда ускользает. Битва ещё не совершилась, но я уже знаю, что тот, с копьём, уже победил. Знает это и другой. Значит ли это видение, что мы победим немца?

Немец вязнет. Не то у него сердце, да и одежонка дрянная.

Молодец, что взялся за чтение Толстого.

О Берии я всегда думал с сомнением: он не советский человек: нервы слабоваты.

Как твои зубы?

Жму руку. Жуков.

Письмо Сталина Жукову
24.10.1941

Дорогой Жора! Ты замечательно сказал о Чуде. Твои слова пробудили во мне забытые картины детства. На мгновение меня охватило какое-то немыслимое счастье. Знаешь, бывают моменты абсолютной душевной чистоты. Тогда открывается божественная красота мира. Тайный, но интуитивно постигаемый замысел Творца становится как бы ясен. Жора, в молодости я писал стихи, но ведь этого никто не знает…

Ты пишешь о видении. Тот всадник с копьём — это ведь Георгий Победоносец. Это добрый знак.

Расскажу тебе о видениях, которые случились в моём детстве.

Когда умирал мой дед, я видел, как в окно улетают ка-кие-то светлые тени. Когда все они вылетели, одна влетела. Так я понял, что это смерть деда. Позднее, когда я ночевал у друзей, я бредил: выйдя из комнаты, я стал пытаться остановить часы, которые висели на стене, но они были так высоко, что мне не удалось до них дотянуться. Я говорил: «Часы слишком быстро идут». Пытался отвести стрелки назад, но не дотянулся. Утром, с немыслимым грохотом ударившись о пол, часы разбились. Тем утром умерла моя бабка.

Есть ещё, что можно рассказать тебе в этом письме, но нужно работать.

Зубы в порядке, Жора. Пью чай с вареньем. Страсть как люблю клубничное варенье.

Немца мы скоро оглушим.

Как ты там питаешься? И пьёшь ли спирт? Могу прислать тебе вина, я его разбавляю, а ты будешь пить неразбавленным. Говорят, хорошо для пищеварения.

Пиши. Тов. Сталин.

Письмо Жукова Сталину
26.10.1941

Дорогой Иосиф! Выдалась свободная минутка — пишу тебе письмо. Сейчас мне пришла такая мысль: а что если наше сознание — это тоже волна или, точнее, рябь, которая проходит по телу вселенной? А наша душа и дух в нас, который мы назвали словом «огонь», есть нечто ещё более… сверхпространственное? Тогда наша жизнь, которая во времени имеет вид судьбы, и есть божественное творчество. Творчество — это рябь, проходящая по телу вселенной. Я немного путано говорю, Иосиф, недодумываю… Война не позволяет подумать в полную силу.

Один солдат, кажется, поэт, говорил про рождение, жизнь, смерть и воскрешение, слитые в одно. Похожее состояние бытия охватило меня в один из дней. Кажется, я говорил тебе об этом. Если соединить в одно все озарения и невероятные подарки, то получится

именно это. Может, это и называют той любовью? Как ты считаешь, Иосиф?

Ты как-то писал мне об атомах времени, а вот сегодня я почему-то повторял всё утро слово «сверхпространство». Не могу сказать тебе, что это, но, кажется, начинаю понимать.

Спасибо за предложение прислать вина, но я солдат этой войны, Иосиф. Обхожусь спиртом.

Мы выбили из немца наглую уверенность. Кажется, сама Россия посмотрела немцу в глаза, и немец вздрогнул. Наши солдаты каждый день, каждый час совершают подвиг. Советский солдат — гений боя.

Пиши, Иосиф. Не забывай про завтрак. Разбавленное вино и трубка — это не завтрак, Иосиф.

Жму руку. Жуков.

Письмо Сталина Жукову
28.10.1941

Дорогой Жора! Спасибо за твоё интересное письмо, прочитал его с любопытством. Ты говоришь о сверхпространстве. Я понимаю, что ты имеешь в виду, но объяснить это тоже не умею, тут нужен особый поэтический дар. Знаешь, вчера перед сном читал стихи и потом долго думал о поэзии. Жора, мне кажется, что настоящая поэзия преодолевает границы слова.

Ты спрашиваешь меня о той любви. Да, это она, Жора. И прав тот солдат, блестяще прав. Я много думаю о жизни, не о своей, а о жизни вообще. Жизнь есть сила, побеждающая время, а не наоборот. На полотне времени Творец создал чудо — Жизнь. Мы, советский народ, сейчас защищаем это чудо. И мы его защитим, Жора.

Должен рассказать тебе ещё вот что. Вчера, во втором часу ночи, в кабинет ввалился пьяный и плачущий Берия. И стал спрашивать меня о счастье:

— Товарищ Сталин, где счастье? Я страдаю!

— Ты не страдаешь, Лаврентий. Ты сволочь. Если ты не сделаешь бомбу, будешь рыть реки в Средней Азии.

Он выбежал, пригибаясь и поправляя трясущимися руками то и дело спадающие очки. Потом я стал думать о нём. И, кажется, я его понял, Жора. Его представление о счастье довольно глупо и ошибочно: он считает, что счастье находится где-то вне его жизни, так сказать, вне поля его жизни, т. е. оно почти недостижимо, потому что как бы посторонне его судьбе. Разве он не сволочь, Жора? Разве это советский человек? Он позорит партию и весь наш народ, когда каждый рабочий и крестьянин каждый день совершает подвиг великой борьбы.

Как у вас со снабжением, Жора? Передавай привет солдатам от товарища Сталина. Носи шапку, скоро будут холода, чую.

Пиши. Тов. Сталин.

Письмо Жукова Сталину
30.10.1941

Дорогой Иосиф! Пошёл снег, первый снег! Это добрый знак, потому что немец коченеет. И я уже слышу, как начинает скрипеть и стонать эта адская механическая машина Вермахта.

Иосиф, ты пишешь об очень умных вещах: говоришь о преодолении поэзией границ слова. Здесь мне не всегда удаётся об этом подумать. Прости, что не могу тебе ничего по этому поводу ответить.

Но был у нас интересный разговор с солдатами на днях. Спешу им с тобой поделиться. Снова тот солдат, который передавал тебе слова о чувстве Родины, разыскал меня и привёл к своим товарищам. А компания у них удивительная, Иосиф. Это бывший монах, воин, пьяница и поэт. В редкие минуты отдыха они говорят совсем не о войне. И вот что я услышал, Иосиф.

Поэт начал рассуждать о мышлении:

— В минуту блестящего мышления о себе и мире нам кажется, что мы постигаем себя и мир в некой полноте. В эту минуту, пускай час, мы можем помыслить, что постигаем мир или себя полностью, насколько это для нас возможно. Радуемся этому и бьём в ладоши.

Мы можем описать и сам процесс мышления, и мыслимое нами (и здесь нас ожидает подвох). Описать это неким языком. Сделать слепок. Своеобразную зарисовку.

И вот проходит час. Мы снова начинаем мыслить о мире и о себе и видим, что у нашего мышления была своя временная точка, свой язык, своё состояние. Что это мышление было не полным, оно охватывало не полноту. Да и вообще, оказывается вдруг, что там, час назад, в той временной точке, способ мышления и сам процесс были чем-то обусловлены. И полнота снова ускользает. Ускользает с наглостью, друзья. Нам остаётся только слепок, почти кожура этого великолепного мгновения мышления.

— Не стоит полагаться только на мышление, — возразил ему пьяница. — Я вот вообще не мыслю, но понимаю. Мысль — довольно медленная кляча, которую следует стегать и стегать, чтобы доехать хоть до какой-то истины. Мой рецепт постижения довольно прост и безотказен. Я беру стакан спирта, разбавляю его водой, чтобы получилось два стакана, выпиваю один и перестаю о чём-либо думать. Только смотрю. Смотрю и вижу. Постигаю. Второй стакан я растягиваю на несколько глотков, добавляя, когда нужно, ясности своему взору. Наутро я ничего не помню, но много знаю.

— Это бесовское, — спокойно заметил бывший монах. — Нужно жить праведной жизнью, молиться, смирять свою гордость и любить Бога. И Бог откроет тебе то, до чего не сумеет добраться ни один мыслитель. Есть благодать и радость. Без них нельзя увидеть Божий мир.

В это мгновение воин, который сидел молча и курил самокрутку, встал, взял свой ППШ и густым плотным голосом обрубил беседу:

— Дело говорите. Но пора воевать идти.

Вот так, Иосиф. Надо ставить точку. Отдых закончился.

Напиши, как твои пломбы. Завтракаешь ли. Что там с Берией?

Жму руку. Жуков

Письмо Сталина Жукову
01.11.1941

Дорогой Жора! Спасибо за твоё письмо. Написанное в нём довольно ценно и нуждается в обдумывании, но пока, сам знаешь, некогда.

Ты спрашиваешь, завтракаю ли я. Да, по твоему совету стал есть кашу на воде, но с маслом. Пломбы мои исправны.

Сейчас, Жора, важнейший момент в истории. Судьба всего человечества может зависеть от одного единственного боя двух солдат. Если в этом незаметном для сводок поединке победит советский воин, мир будет спасён. Это Священная война, Жора. Мне часто представляется этот поединок: когда всё на весах. Знаешь, Жора, вся наша жизнь — тоже такой поединок.

Расскажу тебе один случай. Вчера мне пришла телеграмма от Рузвельта. Он предлагает помощь по ленд-лизу. Советский Союз с благодарностью примет её. Это я обдумал ещё заранее. Но одно происшествие…

Я набивал трубку, как вдруг вбежал Берия с криком: «Кругом монастыри! Кругом монастыри!» Я выронил трубку, хотя к выходкам этой тряпки давно привык. И вот, когда я поднимал трубку, увидел несколько жизней, заканчивающихся и начинающихся снова. Сначала я увидел Гори. Я был юношей, меня зарезал один из трёх хулиганов ударом в левый бок. Потом я ходил по Гори и спрашивал своих товарищей, сидев-

ших под навесом, о том, где найти тех троих, чтобы отомстить им. Не помню, расквитался ли я с ними…

Было много жизней, все они как будто начинались с одного места, с Гори, а продолжались и заканчивались в разных местах. Был ещё какой-то коридор, где я всегда оказывался перед новой жизнью, кажется, коридор этот университетский, по нему ходила красивая девушка, видимо, пришедшая поступать, но мы с ней не могли встретиться, потому что моя новая жизнь начиналась чуть позже, чем она проходила то место, где я появлялся. Как это объяснить ясно, не знаю, Жора. Там не было нашего времени, там было другое. Последняя моя жизнь не закончилась смертью. Я бежал со своим сыном 10-ти лет по берегу какой-то реки в Южной Америке, нас преследовал странный самолёт в виде стрекозы, и из него стреляли по нам. Я был связан с какими-то службами, а за мной охотился НКВД. Оказавшись на рынке, я слился с толпой. Но слежка продолжалась, это я чувствовал всей своей кожей. И вдруг напротив себя я увидел того, кого должен убить…

Потом был снова тот коридор в том университете, мы столкнулись с той девушкой и обнялись.

Всё это происходило, пока я поднимал трубку с пола, какую-то секунду. Жора, я думаю, связано ли это с ленд-лизом, с будущей политикой?

Ты спрашиваешь, как Берия. Ввалившись в кабинет, он повторял одну и ту же фразу, потом поднял на меня глаза и исступлённо крикнул: «Кто-то другой везде, товарищ Сталин!»

«Выйди, Лаврентий. Грех на тебе, вот ты и мучаешься», — ответил я ему и указал на дверь.

Жора, через 2-3 дня похолодает. Надевай тёплые носки. Немец пойдёт, готовьтесь. Передавай привет солдатам.

Тов. Сталин.

Письмо Жукова Сталину
03.11.1941

Дорогой Иосиф! Солдатская радость играет во мне на гармони. Мы бьём немца! Бьём! И немец ошеломлён. Приморозим мы его скоро к земельке нашей.

Помнишь, я тебе писал о четырёх солдатах? Они снова говорили обо всяком умном, мне многого в их речах не понять, не тот во мне ум, чтобы быть в отвлечении от жизни и идеи видеть, я больше вижу движение войны. Говорили они жарко, даже спорили. И тот, который воин, снова их обрубил: «Да ежли всегда про свою жизнь думать, это ж удавиться можно! Так за своей жизнью главного не увидите, загородит же! Дайте мне две гранаты!»

Ему не дали. Он взял сам. И пошёл один на немца. Говорит, мол, кто остановить попробует, убью на месте.

Через полтора часа он вернулся. Невредимый. А только вся шинель у него пулями побита. А на нём ни одной царапины. И говорит: «Я немцам ужаса нагнал. Теперь дыра у них в уме размером с Москву». И смеётся. Я отдал приказ выдать ему двойную спирта и выходной. А он отказался: «Мне передыху не надо, я не на работе, а землю свою защищаю».

Вот так.

Иосиф, сообщать ли об этом газетам? Ты тут лучше поймёшь, как быть.

Ставлю точку, нет времени, чтоб расписаться да обдумать всё, прости.

Мороз идёт, надо готовить оборону, немец сейчас снова дёрнется.

Иосиф, не болей, ешь чеснок. Жму руку. Жуков.

Письмо Сталина Жукову
05.11.1941

Дорогой Жора! Я счастлив, что у нас есть такие солдаты, такие воины. Я верю в то, что такие люди

носят в себе какую-то коренную правду, которую нельзя понять ловким умом, потому что она проста и честна. Она досталась народу от самой земли и от самого солнца. Она не может быть вытащена на свет и рассмотрена отдельно, потому что слита с судьбой народа, неотделима от него.

Знаешь, Жора, я полагаю, что смекалка — это именно что русский способ думать, народный способ. Смекалка есть подобие суммы логики и интуиции, но более суммы. У немца нет смекалки. И поэтому мы его одолеем.

Жора, я читаю немецких поэтов и философов, чтобы понять их дух. Кажется, их дух — умирающий. И мне становится скучно узнавать их культуру дальше.

А твои письма я читаю с большим интересом. И над ними размышляю больше. Жора, ты знаешь, я понял, что бытие и есть запредельность. Жизнь запредельна смерти, Жора. Говорили ли тебе об этом солдаты?

Знаешь, хочу уметь во сне проживать жизни разных существ: цветка, солнца, воробья, Берии, наших славных воинов.

Ещё вот что хотел тебе сказать. Вчера я понял кое-что. Время — это одна из форм вечности, одна из её сторон. Ты спросишь, какие иные её формы? Красота, которую умеет назвать искусство. Чудо, которое открыто верующему сердцу. Победа, Жора, — это главное для нас чудо.

Будь здоров. Тов. Сталин.

сцена

Жан-Мишель Риб и Ролан Топор

СРАЖЕНИЕ В ИВЕЛИН[2]

Дача с садом в Ивелин. Подстриженные розы, немного газона, статуя в античном стиле, изображающая бегущую очень молодую гречанку. Садовый белый стол, три стула вокруг. Франк в рубашке с засученными рукавами за столом. Он пишет. Перед ним несколько пухлых папок, серьёзные книги и пачка белой бумаги, на которой лежит коротенькая ручка. Погода хорошая. Он останавливается на минутку и перечитывает то, что только что написал.

Франк *(неразборчивое бормотанье, затем слышно несколько различимых слов).* На всех землях, находящихся на расстоянии трёх километров от городской зоны *(он исправляет, зачёркивая),* на расстоянииии двух километров... полторы мили... этого вполне достаточно, не надо преувеличивать... или — и это важно... за оградой всех общественных парков, насчитывающих более пяти тысяч деревьев с опадающей листвой, или тысячу с неопадающей листвой... учитавая, конечно, что предельный возраст раздетого человека не превысет восемьдесяти пяти лет... *(он исправляет),* скажем, восемьдесяти... если только есть исключительное разрешение мэра или персон, имеющих право... все мужчины и женщины со здоровым телом могут снимать... *(Неразборчивое бормотанье над очевидным пассажем.)* Это не так просто... *(Он переворачивает страницу и пишет номер в правом верхнем углу.)* Страница 87...

---

[2] Перевод с французского Нины Севестр.

большое «5». Проблема обнажённых ягодиц в Мецца-жёрно и деликатный аспект волос и лобка в северной части Зюрдерзее *(исправляет),* в северной...

Вдруг его взгляд останавливается на Непо, который только что вошёл в сад: Непо одет в хлопчатобумажную куртку с короткими рукавами и множеством карманов (стиль пустыни Сахара), шорты и шляпу африканского проводника, которая висит у него на спине и удерживается кожаным ремешком на шее. Двое смотрят друг на друга. У Франка более удивленное выражение лица. После паузы.

Непо?.. Это ты?

Непо. Да.

Франк. Ты вернулся?

Непо. Я был уверен, что ты печатаешь... Если бы кто-то меня спросил, я бы дал руку на отсечение...

Франк. Нет... Я никогда не умел печатать на машинке...

Непо *(оглядывая сад).* Ничего не изменилось... Всё на том же самом месте... Ты удивлен меня видеть?..

Франк. Да, я не ожидал... вообще-то, я хочу сказать, что я думал...

Непо. Что я уехал навсегда?

Франк. В некотором роде, да... *(Франк поднимается и предлагает стул.)* Садись, Непо.

Непо закрывает глаза, вздыхает и, кажется, испытывает большое удовольствие...

Непо. Розы... то, чего мне больше всего не хватало в Африке... розы...

Франк. А там нет роз?

Непо. Нет... там много зонтичных растений, зигоморфных с пестиками, разноцветных дымящихся, но это не то же самое.

Франк. Я думал, что остались штокрозы на горе Хокотика...

Непо *(улыбается).* Это не так... это чтобы привлечь туристов, штокрозы Хокотики были полностью истреблены ревущими обезъянами...

Франк. Надо же?!

Непо. Да, район полностью опустошён. Ревущие обезъяны очень любят тычинки и особенно покрытосеменные, которые необходимы для воспроизведения штокроз... Заметь, что розы мстят, так как их покрытосеменные сильно обжигают рот ревущих обезъян... Обезъяны ревут!

Франк. Бедные животные... это ужасно...

Непо. Закон природы! Ты знаешь как племени Кубитис удается утихомирить ревущих обезъян?..

Франк. Нет.

Непо. Все молодые девушки деревни, достигшие брачного возраста в течение трех ночей обмазываются жиром туко...

Франк. Туко?

Непо. Да, это маленький зверёк... как тебе объяснить... что-то между крысой и курицей...

Франк. А, да, понимаю о чём речь...

Непо. И в это время «трочи», скажем... наиболее близкий перевод был бы таким: «молодые парни в возрасте, когда они могут воевать», округляя губы, издают звук, близкий к нашему О, но более гортанный

Он издаёт крик.

Франк. Непо... почему ты вернулся?

Непо. Чтобы поговорить с тобой об Ирэн.

Франк. Ирэн?.. Минуточку... Если ты позволишь... *(Он быстро пишет на листе.)* В случае экземы или герпеса, вид которого может раздражать других, поражённые поверхности кожи должны быть покрыты лёгкой тканью, которая однако оставит открытыми здоровые части тела... *(Он кладёт ручку.)* Извини, но потом у меня вылетит из головы... да, ты говорил Ирэн?

Непо. Я тебе мешаю?

Франк. Совсем нет. Но я обязан всё записать сразу же, иначе у меня вылетает из головы... это, наверное, возрастное... ты всё помнишь, не записывая?

Непо. Да. *(Он указывает на один из стульев около стола.)* Она была здесь... Я был здесь... Ворси лаял не переставая, как будто чувствовал раньше тебя...

Франк. Ворси? Он был ещё жив?

Непо. Ирэн встала, подошла к тебе и поцеловала, ты не предал значения... и потом она тебе сказала «это наш последний поцелуй»... ты улыбнулся, думая, что она шутит и сказал...

Франк. Перед тем, как перейдём к столу? *(Взволнованно.)* Ирэн, наш последний поцелуй, прежде, чем сядем обедать?

Непо. Нет, Франк, самый самый последний.

Франк. Что с тобой, моя дорогая... ты устала...

Непо. Устала? Наоборот... Я никогда не чувствовала себя такой лёгкой... Я тебя больше не люблю, Франк.

Франк. Ирэн, солнышко, это не игра, я не пойму... Что происходит?

Непо. Я ухожу, Франк...

Франк *(не выдерживая).* Ирэн, любовь моя... это невозможно, ты любишь другого?

Непо. Да.

Франк. Кого?

Непо. Его! *(Он указывает пальцем на третий свободный стул. Он встаёт и садится на этот третий стул.)* И он: это был я... и мы уехали этим же вечером, оба, очень далеко... в Африку... вот уже десять лет.

Франк берётся руками за голову. Пауза. Вдруг он приходит в себя.

Франк. Извини меня. *(Он берёт ручку и пишет.)* Принимая во внимание, что сосок это состовная часть груди, или в общем случае грудь и сосок неразделимы, ношение бюстгальтера в Ганновере и Померании это гротеск, недопустимо и противоречит правам человека! *(Обращаясь к Непо.)* Бюстгальтер? *стг* или *сг?*

Непо. Подожди... *(Он думает...)* Я не могу тебе сказать так сразу... я должен написать.

Он пишет несколько раз слово, колеблется, кажется, недоволен, злится, начинает снова, очевидно, не найдя правильной орфографии. В это время Франк встаёт и делает несколько шагов по саду, потягиваясь.

Франк. Ты представляешь, нужно, чтобы я закончил эти исправления до вечера, а не сделал ещё и третьей части!!! Если бы я знал, что это всё равно что самопожертвование, быть депутатом Европейского парламента, я думаю, что я сказал бы нет! Нет, у меня тоже есть право дышать, жить, заниматься моей коллекцией жесткокрылых насекомых, если бы ты видел в каком состоянии находятся надкрылья у жуков! Я бы сказал нет, потому что я тоже имею право на воскресенье!! Ну и «бюстгальтер» *стг* или *ст*?

Непо *(уставший, бросает ручку).* Я не знаю... Ну не знаю я!.. *(Вдруг он пристально смотрит на Франка.)* Франк, забери Ирэн!

Франк *(изумлённый, не верящий).* Ты пришёл ко мне, чтобы вернуть Ирэн? Вернуть мне Ирэн?

Непо *(почти взволнованно).* Ты знаешь, подаренные тобой серёжки, она всё ещё их носит.

Франк. Правда?

Непо. Она... которая всё теряет... Франк, вот уже десят лет, что я кружу по Верхней Вольте с Ирэн, поверь, она ничего не видела.

Франк. Ничего?

Непо. Ничего! И хотя я её брал повсюду с собой, я ей всё показал, кожные болезни племени Цомба, гигантских Пигмеев в национальном парке, менуэт крокодильих птиц в сумерки, мягкие папоротники, из которых африканские женщины, которым вырезали клитор, делают прокладки, музей в Уагадугу... Ничего её не интересовало... и ты знаешь почему? *(Франк отрицательно качает головой.)* Потому что ты был здесь.

(Жестом показывает — в голове.) Внутри и впереди тоже.

Жестом показывает — перед глазами.

Франк *(не осмеливаясь поверить этому, с вытаращенными глазами).* Что ты сказал?

Непо. Она никогда не переставала быть твоей женой, Франк... Впрочем, колдуньи в этом не ошибались, они всегда ей дарили кусок собачьего мяса...

Франк. Почки?

Непо. Почему почки?

Франк. Потому что, когда едят собачьи почки... подожди, я знал... один тип один раз в Страсбурге мне сказал... Мы были в кабинете репортёра по финансам... А, вот: тот, кто ест собачьи почки, различает добро и зло...

Непо. У европейцев... но не у африканцев, Франк.

Франк. А, может быть...

Непо. В Верхней Вольте, собак дают одержимым, чтобы изгонять бесов... Она съела целую стаю за десять лет... но это ничего не изменило... Ты всегда у неё в подкорке, Франк...

Франк *(после паузы).* Она сохранила свою детскую фигуру?

Непо. Да.

Франк *(с неуловимой улыбкой).* Она... Она всё так же потягивается *(изображает жестом)* в постели?

Непо. Да.

Франк. А пудинг с канелью она больше, конечно, не умеет делать?

Непо *(держась за жировые складки над ремнём).* Смотри!

Франк. Ты думаешь,что она могла бы ещё танцевать?

Он напевает Change partner *и начинает танцевать, сладострастно обнимая воображаемую женщину.*

Непо. Она напевала это днём и ночью... *(Он наливает себе стакан и выпивает до дна, в то время как Франк продолжает танцевать с нереальной Ирэн. Непо смотрит на него.)* Какая красивая пара... знаешь, мне было нелегко прийти сказать тебе всё это, но когда я вас вижу вдвоём, вы «сделаны друг для друга»... я не жалею, что проткнул нарыв... так честнее... чище... надо уметь терять.

Он поднимается и направляется в глубину сада. Франк перестаёт танцевать.

Франк. Куда ты?

Непо. За ней...

Франк. Потому что ты серьёзно думал, что можешь мне сбагрить эту шлюшку, которая была способна сбежать десять лет назад с таким экскрементом как ты?! И ты мне её приводишь сегодня, полную мух цеце и с гнилыми зубами от маниоки...

Непо. Я забыл!.. Совсем забыл. В течение пятишести минут я думал, что говорю с нормальным человеком, цивилизованным, гуманным... Уверяю тебя, я забыл, что ты падаль... редкая гниль... чудовище, не способное чуствовать что-либо по отношению к жене! СВОЛОЧЬ!

Франк. Спасибо.

Непо. Потому что, всё-таки, ты не будешь говорить, что если Ирэн тебя бросила, это из-за меня... Первый раз, когда я пришёл сюда... кто мне её представил? Ты! «Ты знаешь МОЮ жену, МОЯ жена» и кто меня сюда посадил? Рядом с ней для аперитива? Ты меня толкнул в её объятья! Сволочь!

Франк. Спасибо!

Непо. И не рассказывай мне, что на следующий день после обеда, когда мы тебя закрыли в подвале и уехали, ты не мог бы выбить дверь плечом... Ты даже не кричал! Сволочь!

Франк. Нет, правда, извини...

Непо. Очень легко! Вот, ты не спорь, ты её берёшь и точка!

Франк. Непо, успокойся, здесь Европа... в Европе говорят, стараются контактировать, я знаю, это не всегда легко, но надо стараться... Непо, даже если бы я хотел, я не мог бы взять Ирэн.

Непо. Чистосердечно?

Франк. Абсолютно. У меня слишком много работы, я никак не могу закончить и четвёртую часть того, что я должен сделать... комиссии, подкомиссии, выступления, отчеты по сессиям, не считая счетов за отели и затраты на перемещение... потому что с тем, что нам платят, ты в этом не сомневаешься, невозможно нанять секретаршу!..

Непо. А, парламентский режим в странах умеренного климата! Я всегда был против.

Франк. И к тому же всё это в Страсбурге... будто нет места поближе... в Пуасси, в Худа... в Рамбуйе... потому что не надо насмехаться над Европой, Европа это тоже Ивелин, не правда ли?

Непо. Да.

Франк *(спеша к своим папкам).* Посмотри сам эти исправления, которые мне надо завтра сдать...

Непо. Это текст о?..

Франк. О нудистах.

Непо. О нудистах.

Франк. Да... потому что надо думать о других, обо всех других... и я стараюсь по мере моих возможностей улучшить основной закон, чтобы от Осло и Бриндиси до Калабрии все европейцы могли бы, как им кажется, жить немного голыми!.. Вот, я задаю тебе вопрос, где место для Ирэн во всём этом?

Непо *(смотрит какое-то мгновение на статую гречанки).* Чем больше я смотрю на эту скульптуру, тем она мне кажется более красивой... Я не помню, она у тебя давно?

Франк. Три года. Бывший президент социалистической греческой группы подарил мне её на день рож-

дения. Вначале она меня почти смущала, а теперь я не могу пройти мимо... и я думаю, я понял почему...

Непо. Чьё-то присутствие...

Франк. Не только... Это прошлое. Я люблю этот район, но нужно признать, что здесь в Ивелин сильно не хватает прошлого... И вот, эта незначительная греческая крестьянка привносит немного истории в этот регион...

Непо. И она в то же время и античная и очень современная.

Франк. Ты находишь?

Непо. Мне она напоминает Жозетт.

Франк. Жозетт?

Непо. Её звали Жозетт, малышку в красном коротком пальто с капюшоном?

Франк. Я не улавливаю...

Непо. Да, ту, мама которой написала жалобу... ты помнишь?.. ты в то время был членом нудистской группы, но нелегально, скрываясь... под пальто... у тебя всё ещё есть твой большой плащ?

Он делает жест, будто распахивает его.

Франк *(с трудом справляясь с неловкостью).* Ты путаешь...

Непо *(доставая из кармана фото).* Нет, нет, я не думаю... это ты около ограды... и малышка, немного расплывчатая... это Жозетт, не так ли?

Франк. Сколько ты хочешь?

Непо. Ничего. Забери Ирэн, а я забуду Жозетт. *(Франк пытается незаметно схватить фото. Непо это замечает и просто отдаёт ему фото.)* Бери, бери... У меня есть другие. *(Достаёт второе.)* Журналы их так часто теряют.

Франк. Хорошая игра! *(Он направляется к античной скульптуре, открывает дверцу, в бюсте размещён бар. Он достаёт бутылку и бокал.)* Ты заслужил один бокал! *(Он протягивает бутылку Непо, который бледнеет.)* Что такое? Этикетка так тебя напугала?

Тем не менее тебя больше не зовут «Кушар»! Ты поменял фамилию... Ты теперь Непо «Чучалли»? «Чучарди»?

Непо. Откуда она у тебя? Я думал, что я все уничтожил...

Франк. Мелкий торговец в районе Либурна, его тётушка умерла от одного бокала... Он сохранил бутылку на память... Она мне стоила дороже, чем вино лучшего виноградника. *(Он подносит бутылку к Непо.)* Оно наверняка улучшилось за десять лет. Ты попробуешь его.

Непо *(отступает, в ужасе).* Не валяй дурака.

Франк. Ты знаешь, «Кушар»'а всё ещё не нашли, типа, который отравил девятьсот любителей бордо, добавив сернистую медь в своё скверное вино, чтобы оно хорошо доехало... Кажется, полиция ищет следы в Африке... но, ты знаешь, полицейские... без наводки...

Непо. Сколько ты хочешь?

Франк. То же, что и ты, оставь у себя Ирэн, а я забуду про убийства... Было бы жаль, чтобы Верхняя Вольта страдала и от этого потеряла бы такого ценного этнолога...

Непо *(со слезами на глазах).* Значит, нет? Что со мной будет?

Франк. Непо, не будь ребёнком. Это так просто. Ты больше не любишь Ирэн и хочешь от неё избавиться. Но зачем из-за этого чернить десятилетнюю дружбу... То, что с тобой происходит, это обычная вещь в Европе и, поверь мне, я занимаю хорошее положение, чтобы быть в курсе...

Непо. Ты глупый, Франк... Я её слишком люблю, я её обожаю...

Франк. Это она тебя больше не любит, это то же самое...

Непо. Она меня любит ещё больше, чем я её.

Франк. В чём же дело?!!

Непо. Дело в том, что это невыносимо. *(Он распахивает свою хлопчатобумажную куртку, ужасные шрамы испещрили его тело, он показывает их один за*

другим.) Зубы, ногти... её браслет от часов... и это не всё, ты знаешь, какая она беспокойная.

Франк. Да, я это знаю!

Непо. Она боится, что наша любовь угасает и постоянно её испытывает... Вот, ещё позавчера, только вышли из самолёта, прогуливались в Тюильри и вдруг около большого фонтана говорит мне: «Если ты меня любишь, съешь этот камень...»

Франк. Что ты сделал?

Непо. Я его съел... Он не проходит... Франк, я больше не могу, забери её... Ты намного крепче меня... Ты сможешь вынести...

Франк. Правда, я в форме, я не стесняюсь моего тела, я снова занимаюсь натуризмом, только с этого года, Неро! Мне нужно было десять лет, чтобы восстановить нехватку сна с Ирэн... потому что со мной она тоже была беспокойной, она бепрестанно думала, что смерть разрушит нашу любовь, вот она и хотела, чтобы мы использовали любой момент... Жить! Жить! Жить! Жить каждую минуту! Только я засыпал ночью, она меня будила и кричала: «Ты не живёшь! Живи! Живи!» Это изнуряло... Мне оставалась только сиеста, но как бы далеко я не уходил, чтобы соснуть, она меня всегда находила. «Просыпайся, ты расточаешь ценнейшее время нашей любви! Живи!» Я даже пробовал спать стоя, но она замечала и щипала меня до крови... живи... живи, семь лет женитьбы без возможности сомкнуть глаза!.. К счастью, я занимался спортом, иначе меня бы больше здесь не было, чтобы говорить с тобой... Я чуть не сдох от этого. И ты знаешь, почему я не выбил дверь подвала, где вы меня закрыли, прежде чем сбежать?

Непо. Нет.

Франк. Потому что я заснул, Непо! Заснул!.. Как это было хорошо...

Непо. Ну, и ничего нельзя сделать?

Франк. Может быть, найти ей кого-нибудь другого...

Непо *(охая).* Но ты знаешь, что только мы двое во всём мире были похожи на её отца.

Франк. Она его уморила.

Непо *(его глаз зажигается).* Франк.

Франк. Да, Непо.

Непо. А если бы мы её убили?

Франк. Это решение, единственное.

Входит Ирэн, красивая женщина в летнем платье, кажется беспокойной.

Ирэн. Здравствуй, Франк.

Франк *(не узнавая её)* Ирэн... это ты?

Ирэн. Я так изменилась за десять лет?

Франк *(терроризирован).* Нет, совсем нет, но меня удивило, что ты блондинка...

Ирэн. Ты совсем не изменился... А, да, твоя бородка...

Франк. Я её сбрил, когда ты ушла...

Ирэн *(поворачиваясь к Непо).* У меня не хватило сил оставаться в машине, ожидая тебя... деревня, дом, сад, розы, всё здесь мне так напоминает... Я была счастлива в Ивелин... а ты, Франк, твоя жизнь?

Франк. Работа, работа, работа и время от времени уикенд... когда я работаю.

Ирэн. Ну, Непо, ты говорил с ним?

Непо. Да.

Ирэн. Всё прошло хорошо?

Непо. Очень хорошо.

Ирэн. У него было дурное предчувствие, он вообразил, что ты сердишься на него...

Франк. Никогда в жизни...

Ирэн. Какое счастье... Я была уверена, что Франк поймёт... видишь, Непо, я хорошо сделала, что настояла... Спасибо, Франк. *(Она целует его.)* Для нас это было очень важно, Непо умирал от желания...

Франк. Но он умирал от желания чего?

Непо *(поспешно).* От Парижского Университета.

Франк. От Парижского Университета?

Непо. Моё назначение.

Ирэн. Полагаю, что твоё положение в парламенте, тебе это не составит труда?

Франк. Парижский Университет? Никакого труда!

Непо. Я должен это сказать, я искренне рассказал о моей ситуации, он был великолепен, он решил проблему за сколько? За двадцать минут.

Ирэн. Как только мы вернулись из Африки, я ему сказала, пойди к Франку, это такая удача иметь друга в политике... знаешь, Непо не хотел, ему было неловко...

Франк. Это смешно.

Ирэн. И вот, видишь... у тебя твоя должность в Университете, о которой ты мечтал...

Франк. Я, конечно, не Бог-отец, но сделаю максимально возможное...

Ирэн копается в своей сумке. Непо смотрит на Франка, Франк схватил бутылку, Непо стул, будто они собираются её убить. Ирэн встаёт.

Ирэн *(вставая).* У тебя нет огоньку, дорогой?

Непо *(смущённо).* Есть... *(Доставая зажигалку.)* Это Ирэн мне подарила... был шторм...

Франк. Ты хочешь что-нибудь выпить, Ирэн?

Ирэн. Нет. В следующий раз. Нужно бежать, чтобы посмотреть дом.

Франк. Дом?!

Ирэн. У нас свидание с хозяином в шесть часов, с домовладельцем, мы нашли прелестный домик в двух километрах отсюда... Непо тебе не сказал...

Непо. Я забыл.

Ирэн. Это Непо!

Франк. Да.

Ирэн. Ну, спасибо, Франк! *(Она целует его.)* До субботы.

Франк *(паникует).* До субботы?

Ирэн *(она идёт к выходу и вдруг останавливается, смотря на землю).* О, красивый камень... *(Непо в плохом состоянии.)* Непо, ты идёшь?

Она уходит, Непо следует за ней, жестом показывая Франку свою беспомощность. После того, как они ушли, Франк принимается снова за работу. Пишет.

Франк. Маленькое с. Преимущество нудизма: после того как исчезли романтические иллюзии, которые дает одежда, нудизм ясно показывает мужчину и женщину такими, какие они есть. *(Он яростно пишет.)* Раздражённая слизистая оболочка инфецируется и воспаляется с единственной целью испортить мне уикенд!!

Конец

Федерико Гарсиа Лорка

ЧАРЫ БАБОЧКИ[3]

КОМЕДИЯ В 2-Х ДЕЙСТВИЯХ С ПРОЛОГОМ

От переводчика

Это первая пьеса Федерико Гарсиа Лорки (родился 5.VI.1898, Фуэнтевакерос — расстрелян 19.VIII.1936 близ Гранады), которую он написал совсем молодым по просьбе Григорио Мартинеса Сьерры, директора театра «Эслава». «Можете мне поверить — моя первая пьеса «Колдовство бабочки» — на музыку Дебюсси, с декорациями Баррадоса — провалилась с треском, да с каким!» (из интервью 18 февраля 1935 г).

Обычно название пьесы переводят как «Колдовство бабочки». Но колдовство — это активный процесс, а Бабочка на протяжении всей пьесы практически не подает признаков жизни, поэтому слово «чары», по-моему, подходит больше.

Курианы — тараканы. Не смогла определить, какие именно, поэтому оставляю без перевода, Великий Таракан, который упоминается по тексту, — это Кукарачо — большой черный таракан.

Аларканито — Скорпиончик — тоже оставляю без перевода, как имя собственное.

Кампесины — жительницы деревни, села, тоже оставляю без перевода.

---

[3] El maleficio de la mariposa (1919). Перевод с испанского Яны Дичун по изданию Federico Garcia Lorca «Obras completas. Recopilation y notas de Arturo del Hoyo» (Valencia: Aguilar, 1965).

Я старалась соблюдать ритм, размер, рифмованность (не вся пьеса зарифмована) и слова оригинала, хотя не всюду это удалось. Местами не удалось вовсе.

Действующие лица:

Донья Куриана (Тараканиха)
Куриана Нигромантика (Тараканиха Колдунья)
Курианита (молодая Тараканчиха) Сильвия
Донья Оргуйос (высокомерие), мать Курианиты Сильвии
Бабочка
Курианито (Тараканчик), Малыш, сын Доньи Курианы
Алакранито (Скорпиончик), Дровосек
Гусеница 1
Гусеница 2
Гусеница 3
Курианита Санта
Курианита Кампесина 1
Курианита Кампесина 2
Другие Курианы Кампесины
Курианы Хранительницы

Пролог

Сеньоры! Комедия, которую вы услышите, скромна и волнующа, как комичный промах того, кто хотел поймать в сеть луну, а поймал своё сердце. Та же любовь, которая с насмешками и неудачами проходит по жизни человека, в нашем случае проходит по населённому насекомыми затаённому лугу, на котором долгое время текла жизнь приветливая и веселая. Насекомые были довольны, занимали себя только тем, что спокойно пили капли росы и обучали деток святому страху перед своими богами. Они любили по привычке и без забот. Любовь переходила от отцов к детям, как изы-

сканное старинное украшение, которое первое насекомое приняло из рук Бога. С тем же спокойствием и уверенностью, с какой цветочная пыльца отдаётся ветру, они наслаждались любовью под тенистой травой. Но однажды… появилось насекомое, которое захотело пойти в любви дальше. Оно ухватилось за призрачную мечту, очень далекую от его жизни… Может быть, оно совсем неправильно прочитало какую-нибудь книгу стихов, оставленную на мху поэтом, одним из немногих приходящих в поле, и было отравлено изяществом «я люблю тебя, невозможная женщина». Поэтому я умоляю всех никогда не забывать книги стихов в лугах, ведь это может послужить причиной многих несчастий для насекомых. Поэзия, которая спрашивает, для кого светят звёзды, очень вредна для непросвещённых душ… Бесполезно вам говорить, что влюблённое создание умирает. И что Смерть всегда надевает маску Любви! Сколько раз изображённый в молитвенниках огромный скелет с косой принимал об-

личье женщины, чтобы обмануть нас и открыть нам двери в свою тень! Кажется, что дитя Купидон частенько спит в пустых полостях её черепа. В скольких старинных историях цветок, поцелуй или взгляд выполняли ужасную обязанность кинжала! Старый лесной сильф из пьесы великого Шекспира пришёл на луг, поддерживаемый костылями своих увядших крыльев, и рассказал поэту эту тёмную историю в осенних сумерках, когда уходят стада, а теперь поэт повторяет её вам, завернув в собственную меланхолию. Но прежде чем начать, хочу высказать то же, что высказал ему старый сильф в тех осенних сумерках, когда уходят стада. Почему у вас вызывают отвращение чистые и блестящие насекомые, которые грациозно движутся в траве? И почему у вас, людей, полных грехов и неизлечимых пороков, вызывают тошноту добрые гусеницы, которые спокойно прогуливаются по лугу, принимая солнечные ванны теплым утром? Какие у вас причины презирать это низшее в Природе? По вашему, как нельзя поклоняться камню, так и гусеница не относит-

ся к царству Божьему. А ещё старый сильф сказал поэту: «Очень скоро придёт царство насекомых и растений; человек забывается своим Создателем, а животное и растение — очень близки к его свету; скажи, поэт, людям, что любовь рождается с одинаковой частотой во всех плоскостях жизни; что тот же ритм, в котором колышется лист на ветру, имеет далёкая звезда; и что те же слова, которые говорит источник в тенистом месте, повторяет в той же тональности море; скажи людям, и пусть они будут унижены, что всё в Природе равно!» И больше ничего не сказал старый сильф. Теперь слушайте комедию. Может быть, вы засмеётесь, услышав, что эти насекомые разговаривают как человечки, как юноши. А если извлечёте из нее какой-нибудь глубокий урок, пойдите в лес, чтобы отблагодарить старого сильфа на костылях, в спокойные сумерки, когда уходят стада.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена представляет зелёный луг, раскинувшийся в плотной тени большого кипариса. Почти невидимая тропинка выписывает в траве наивные арабески. Неподалёку от лужка — маленький водоём, окружённый великолепными белыми лилиями и голубыми камнями… Предрассветный час. И весь луг покрыт росой. Вдоль дороги видны норки насекомых — причудливое и фантастическое пещерное селение. Из своего дома выходит Донья Куриана с пучком травы, связанным в веник. Это старая тараканиха без одной лапки, которую она потеряла в то время, когда была еще молодой и сияющей. Огромные молоты зари раскаляют докрасна холодную полосу горизонта.

Сцена 1

Донья Куриана и Куриана Нигромантика.

Донья Куриана (*показывая на луг*).

....Как ясно и спокойно утро!
....Уже пробился первый луч!
Куриана Нигромантика (*в колпаке со звездами и плаще из сухого мха).*
....Храни тебя Господь, о, добрая соседка!
Донья Куриана.
....Куда идёшь, сеньора, в росе, как в сетке?
Куриана Нигромантика.
...Закутанным в траву — мечтала наяву —
....была цветком.
Донья Куриана.
.....И что же далее?
Куриана Нигромантика.
....Мне грезилось, как будто капли рос
....губами нежными любви меня поцеловали,
....и платье тёмное моё залилось светом звёзд.
Донья Куриана (*ворчливо*).
....Больше не о чем думать, как только о поэзии...
Куриана Нигромантика (*грустно*).
....Ах, что вы говорите, Донья Куриана!
Донья Куриана.
....Ты можешь подхватить воспаление лёгких,
....которое развеет твою учёность с легкостью.
....Всегда найдётся повод для грусти при желании.
Куриана Нигромантика.
....Соседка, ах, душа моя в такой печали!
....Мне вечером недавно ласточка сказала:
....»Звёздам всем погаснуть вскоре суждено».
....Бог уснул. Над рощей видела в окно
....я красную звезду, с которой облетали в дрожи
....лучи, как лепестки с огромной розы.
....Она погибала,
....и я узнала,
....как это — в сердце
....кинжалом.
....»Подруги цикады, вы видели звёзды?», — я закричала.
....»Фея умерла», — они мне отвечали.
....В старой дубраве играли, прыгая по стволам,

....и фею полей и моря увидели мёртвой там.
Донья Куриана.
....Кто её убил?
Куриана Нигромантика.
.....Любовь её убила.
Донья Куриана.
....Смотрите, как бледностью зарю залило.
Куриана Нигромантика.
....А ваш добрый сын, как он?
Донья Куриана.
.....Хорошо, но…
Куриана Нигромантика.
....Вчера его видела грустным.
Донья Куриана.
.....Это немудрено:
....ходит влюбленным.
Куриана Нигромантика.
.....В Сильвию, наверное.
Донья Куриана.
....По его словам, в нечто, которым никогда не овладеешь.

Куриана Нигромантика.
....Он будет поэтом, и ничего в этом странного,
....отец его тоже был им.
Донья Куриана.
.....Огромное разочарование
....ждало меня с ним.
Куриана Нигромантика.
.....Вот это была величина!
Донья Куриана.
....Ай, бедная моя спина!
Куриана Нигромантика.
....Но сохранял всегда дом полной чашей.
Донья Куриана.
....То, что был очень хорошим, это не значит.
Куриана Нигромантика.
....Замолчим, наконец, я очень его любила.
....А ваша хромая нога?
Донья Куриана.

.....Ночью спать
....не дала боль вчера, довела до тоски.
Куриана Нигромантика.
...Приложите от маргаритки лепестки,
....вымыв их росой, и полежите; возьмите
....этот святой прах черепа муравья,
....примите его на ночь с дикой мятой.
Донья Куриана.
.....Подруга моя,
....пусть Великий Таракан отплатит вам за любовь,
....чтобы в ваших мечтах вы в цветок превратились вновь.
(*Нежно.*)
....Отбросьте грусть и уныние пока;
....жизнь приятна, но так коротка,
....и наслаждаться ей секунды лишь дано.
Куриана Нигромантика (*как во сне*).
....Звёздам всем погаснуть вскоре суждено.
Донья Куриана.
....Не думай об этом, соседка, зря,
....радуйся тому, что нам приносит заря.
Куриана Нигромантика.
....Ай, то, что я видела вблизи дубравы!
Донья Куриана.
....Не думай об этом, идем спать, право...
Куриана Нигромантика (*резко возвращаясь в реальность*).
....Луг молчалив.
....С безразличных небес уже выпала роса,
....ветер шумливый
....доносит её аромат до нас.
Донья Куриана.
....Ты тоже поэт, доктор соседка?
....Нам же, бедным наседкам,
....своей кухни хватает.
Куриана Нигромантика.
.....Так вульгарна не будь.
Донья Куриана (*немного рассерженно*).
....Меня с детства учили, куда хоботок воткнуть,

....чтоб высасывать нектар из цветов. Для того они созданы уж!

Куриана Нигромантика.

....Поделом бил тебя муж;
....кухня и поэзия могут объединиться.
....Пока, подруга, пойду я ложиться.
(*Уходит.*)

Донья Куриана.

....Да будет с вами свет.
.....Пока же вход в свой дом
....я подмету рассвета ветерком.
(*Принимается подметать, напевая.*)
....Один гусеничка вчера мне
....сказал о своей любви;
....не полюблю, пока у него не будет
....два крыла и четыре ноги.

Сцена 2

Донья Куриана и Курианита Сильвия.

С левой стороны сцены выходит Курианита Сильвия, бодрая и привыкшая рано вставать. Сильвия очаровательна для своего вида отвратительных насекомых; сияет как агат, а ножки у неё ловкие и изящные. Она дочь Доньи Оргуйос, тараканихи старше года и элиты селения. На ней шляпкой надета крошечная маргаритка, с которой она грациозно играет.

Донья Куриана.

....Приближающаяся заря,
....очаровательный и красивый ребёнок.

Курианита Сильвия.

....Ребёнком меня называете? Давно
....выросла я из пелёнок.

Донья Куриана.

....Вас беспокоит, почему вас назвала
....ребёнком? Тогда скажу я «девушка»
....иль «девочка».

Курианита Сильвия (*кокетливо*).
.....Не в этом дело.
Донья Куриана.
....Что же тогда с вами?
Курианита Сильвия.
.....Грустно.
....Грустно, что я живу,
....а никому нет до этого дела.
Донья Куриана.
....Так молода и так грустна.
....Добро бы это была старуха
....Нигроманта! Вы
....ещё слишком молоды,
....и всё у вас есть в этом мире.
Курианита Сильвия (*наивно*).
....Я не видела ничего, кроме этой земли.
Донья Куриана (*задумчиво*).
....Разве вам сказала доктор,
....что погаснут вскоре звёзды,

....потому что умерла фея,
....или не знаю, что… что рассказала?
Курианита Сильвия.
....Ничего она мне не говорила.
Донья Куриана.
.....Тогда
....почему же грусть
....вас так изнуряет?
....Отчего вы страдаете?
Курианита Сильвия.
.....Ах, бабушка!
....У вас не было сердца
....в молодости? Если скажу я,
....что вся — одно сердце сплошное…
Донья Куриана (*в порыве негодования*).
....Здесь все поэты,
....а пока думают об этом,
....небрежно относясь к делам домашним,
....в ваших домах грязь,
....а в голове непристойности,

....такие, как спать вне дома,
....Бог знает с кем.
Курианита Сильвия.
.....Терпение
....нужно, чтобы это слушать.
....Вы меня оскорбляете.
Донья Куриана.
.....Оскорбить — это не то,
....что я хотела, дитя Сильвия.
....Очень мне больно
....видеть тебя грустной и такой
....огорченной без причины.
Курианита Сильвия.
.....Известная причина
....у моих огорчений.
Донья Куриана (*ласково.*)
....Могу ли утешить тебя, детка?
Курианита Сильвия.
....Мои огорченья глубоки,
....как этот пруд.
(*С тоской.*)
....Где та вода,
....спокойная и прохладная,
....что успокоит
....мою беспокойную жажду?
Донья Куриана (*испуганно*).
....Сильвия, замолчите, пожалуйста;
....имейте рассудок и ясность.
Курианита Сильвия (*бросая маргаритку на пол*).
....Почему бы тропинке
....на луговинке
....не привести меня в другой мир,
....к моей половинке?
Донья Куриана (*энергично*).
....Это невозможно, Сильвия.
....Вы сходите с ума.
Курианита Сильвия.
.....Мне остаётся
....только долго плакать.

....Иль заживо похоронить себя и ждать,
....когда придёт любимый откопать,
....своей любовью мне вернув все чувства.
Донья Куриана.
....Ты очень влюблена,
....я это знаю. Но в моё время
....девушки не просили
....женихов в полный голос
....и не использовали сравнений,
....какими говоришь ты. Стыдливость
....была более распространена,
....чем сейчас. Рассказывают
....об одной тараканихе, очень святой,
....которая осталась одинокой,
....но прожила шесть лет. Мне же
....два месяца, а я старуха.
....И все из-за замужества! Ай!
(*Плачет.*)
Курианита Сильвия (*очень романтично*).
....Любовь, кто тебя не знал!
....Говорят, что ты нежная и чёрная,
....черны твои маленькие крылышки,
....черна твоя спинка,
....как ночь без звёзд;
....твои глаза — изумруды,
....твои лапки — фиалки.
Донья Куриана.
....Ты ещё более безумна, чем сверчок,
....которого я знавала когда-то.
....Он входил в список
....великих магов и пророков,
....а был несчастным бедняком.
....Он дал мне рецепт,
....чтобы лечить любовь.
Курианита Сильвия (*заинтересованная*).
....И что за рецепт?
Донья Куриана.
....Дай влюблённым
....пару раз по голове

....и никогда не позволяй им
....валяться в траве.
Курианита Сильвия.
....Вы смеётесь, сеньора.
Донья Куриана.
....Сильвия, кто же не засмеётся,
....увидев юную красавицу,
....делающую столько глупостей?
Курианита Сильвия (*в сторону*).
....Она забывает, что её сын —
....тот, кого я люблю.
Донья Куриана.
.....Благоразумно
....поступаете, не говоря
....о причине печали.
....И где ваша любовь?
....Очень далеко?
Курианита Сильвия.
.....Она так близко,
....что ветер доносит её дыхание.
Донья Куриана.
....Это молодой человек из деревни!
....Хорошо вы его скрываете.
....А он вас любит?
Курианита Сильвия.
.....Ненавидит меня.
Донья Куриана.
....Велико дело, вы богаты!
....В моё время…
Курианита Сильвия.
.....Принцесса,
....которую он ждёт, не придёт.
Донья Куриана.
....Кто он таков?
Курианита Сильвия.
.....Меня восхищают
....его юношеское тело и глаза
....мечтательные поэта.
....У него жёлтая родинка

....на правой лапке,
....и чудесные жёлтые точки
....на усиках.
Донья Куриана.
....Погоди! Это мой сын.
Курианита Сильвия.
....Я люблю его до безумия.
Донья Куриана (*как во сне*).
....Она же богата. Представлю
....с трудом его глупость!
....Я его полюбить заставлю!
(*Сокрушаясь и изображая то, что не чувствует.*)
....Ах, как ты должно быть страдаешь!
(*В сторону.*)
....У тебя замечательные доходы!
....Бедняжка моей плоти!
....Кровинушка моих вен,
....тебя поженю на сыне!
Курианита Сильвия (*покраснев*).
....Вы об этом догадывались.
Донья Куриана (*обнимая с нежностью*).
.....Думаю,
....что уже много дней,
....как я твою заботу угадала.
Курианита Сильвия.
....Ах, что вы говорите! Какая радость!
Донья Куриана (*внешне ласково*).
....Утри свое заплаканное лицо
....и брось свои слёзы
....к подножию этих лилий.
....Пойду, позову сына,
....чтобы тебя увидел.
Курианита Сильвия.
.....Королевой
....стану этого зелёного луга,
....потому что у меня есть любовь и богатство.

Сцена 3

Курианито Малыш, Донья Куриана и Сильвия.

Курианито Малыш — красивый и изящный юноша, оригинальность которого в том, чтобы пыльцой от лилий рисовать точки на усиках и правой лапке. Поэт и мечтатель, привязанный к Куриане Нигромантике, и её последователь, он ожидает большого чуда, которое должно определить его жизнь… Он носит в одной из своих лапок-рук кусочек коры дерева, на которой записывает поэму… Донья Куриана идет в его сторону, восхваляя капиталы Сильвии. Последняя начинает кокетливо водить маргариткой из стороны в сторону и, поднося лапку к лицу, очаровательно вздыхает. Солнце уже припекает.

Курианито (*в сторону*).
....Не женюсь я, мать!
....Вам тысячу раз говорил,
....что не хочу жениться.
Донья Куриана (*плача*).
....Одна у тебя забота —
....мучить меня и злиться.
Курианито.
....Я не хочу этого, мама.
Донья Куриана.
....Случайно выходит едва ль…
Курианито.
....Без любви не женюсь.
Донья Куриана.
....У неё есть хрусталь
....чудесный, который однажды
....нашел её дедушка,
....очень синий; можно и вправду
....в нём увидеть кусочек неба.
....У неё дом на опушке —
....просторный, полный всего.
....Посмотри, разве она дурнушка!

....Поухаживай за ней с умом!
....Скажи, что влюблен в такую,
....личиком звёзд ясней;
....что часы напролёт, тоскуя,
....проводишь в думах о ней.
....Ты должен на ней жениться!
(*В полный голос.*)
....Хотя б для меня это сделай.
....Теперь мне пора удалиться,
....вас оставив в уединении.
(*Уходит.*)

Сцена 4

Сильвия и Курианито Малыш.

Сильвия прикрывается от солнца маргариткой и страстно вздыхает. Курианито садится на белый камешек и лениво шевелит усиками.

Курианито (*читая кору, которую носит в своей лапке-руке*).
....Ты царишь над лугом, красный мак прекрасный,
....Как бы мне хотелось хоть часть твоей красы!
....Красками рассвета твой наряд украшен
....И омыт слезами утренней росы.

....Для деревни нашей ты звезда, всех выше,
....Солнце для встающих рано гусениц.
....Пусть ослепну прежде, чем твои увижу
....Лепестки поблекшие, спадающие ниц!

....Муравьём быть нужно, чтобы обнимая
....Не сломать случайно талии твоей!
....Я всегда хотел бы быть с тобою рядом
....и дарить, целуя, медовый апрель.

....В этих поцелуях кроется вся сила
....Страсть мою рождающего нежного огня;

....И пока меня не заберёт могила,
....Бьется моё сердце только для тебя …
Курианита Сильвия (*мечтательно, в сторону*).
....Какой душевный мадригал,
....он будто пел!
(*Возвращается к Курианито.*)
.....Добрейший день, как дела!
Курианито.
....Хорошо, а у тебя?
Курианита Сильвия.
.....У меня…
....Кое-что ищу я без конца.
Курианито.
....Что?
Курианита Сильвия.
.....Любовь.
Курианито.
....Очень трудно её повстречать.
Курианита Сильвия.
....Моё сердце ищет поцелуев.
Курианито.
....Ты их получишь.
Курианита Сильвия.
.....Думаю, что нет.
....Когда ты женишься?
Курианито.
....Моя мечта
....захвачена звездой,
....похожей на цветок.
Курианита Сильвия.
....А не засохнет ли она
....от солнечных лучей?
Курианито.
....Есть у меня вода,
....чтоб остудить поток.
Курианита Сильвия.
....И где твоя звезда?
Курианито.
....В моём воображении.

Курианита Сильвия (*с грустью*).
....Ты увидишь её однажды.
Курианито.
....Я стану её певцом,
....ей посвящу мадригалы,
....звучащие ветром нежным.
Курианита Сильвия.
....Ты помнишь тот вечер,
....когда на тропинке в цветах
....мне сказал: «Я люблю тебя»?
Курианито.
....Это уже прошло!
....Сегодня я не люблю тебя, Сильвия.
Курианита Сильвия (*плача*).
....Это я уже поняла.
Курианито.
.....Пожалуйста,
....умоляю, не плачь.
Курианита Сильвия.
....Сердце болит моё.
.... Бедная я, он меня не любит.
Курианито (*подходит утешить её*).
....Не плачь больше, Бога ради!

(*Пока они очень близко друг к другу, по улице проходят две Курианиты, молодые и дерзкие. Одна из них на поводке из сухой травы ведёт мушку.*)

Курианиты (*громко*).
....Жених и невеста,
....Эо, эо, о…
Курианита Сильвия.
....Пусть было бы так,
....как говорит этот голос.
Курианито.
....Не плачь, дитя Сильвия!
Курианита Сильвия.
....Сердце болит моё.
Курианиты (*проходя*).

....Жених и невеста,
....эо! эо! о!
Курианита Сильвия.
....Горе мне, бедной!
Курианито.
....Как это грустно всё!

Сцена 5

Алакранито Дровосек, Курианито Малыш, Донья Куриана, потом Донья Оргуйос.

Увидев подходящего Алакранито Дровосека, Курианито поспешно отходит от Курианиты Сильвии. Алакранито — старый дровосек, который живёт в лесу и часто спускается в селение напиться. Он ненасытный обжора и дурной человек. Говорит пьяным голосом.

Курианито.
....Утри слезы.
Курианита Сильвия.
.....Сейчас.
Алакранито (*идет пьяный, поёт и покачивается*).
....Как же в настое нежны
....дикой мяты листочки.
....Татара́, татара́, татара́.
(*Чешет голову ужасными клешнями.*)
....Целый рой в голове.
(*Поет.*)
....Татара́, татара́, татара́.
(Направляясь к *Курианито.*)
....Привет, сынок!
(*Сильвии, комично двигая клешнями.*)
.....О, высочество!
....Святой Таракан вам в помощь!
(*Оба персонажа в замешательстве.*)
....Быть может, мешаю сеньорам
....На этом лугу цветущем?

....Разводите вы аморы
....И обсуждаете будущее?
....Если я помешал, удалюсь,
(*лукаво подмигивает и дает Курианито клешней в живот*)
....чтобы вам дать целоваться.
Курианито (*очень раздраженно*).
....Можете остаться.
Алакранито.
.....Я остаюсь.
Курианита Сильвия.
....Какая наглость!
Алакранито.
.....Наслаждаться,
....наслаждаться любовью весной.
....Ты — поэт, вскоре сам увидишь,
....каково время посевной.
Курианито (*возмущенно*).
....Замолчи же.

Алакранито.
.....Чтоб я шептать не мог!..
....Чтоб ни слова не знал вообще!
....Я был воспитан роднёй
....среди оливковой рощи…
Курианита Сильвия (*очень грустно*).
....Ай!
Алакранито.
.....Что с вами, чёрная красавица?
Курианита Сильвия.
....Ничего.
Алакранито.
.....Ничего? Имейте милость!
....Вам мешает ваша тёща?
Курианита Сильвия.
....Глупец!
Алакранито (*очень серьезно*).
.....У дворовых
....тоже есть свои огорчения.
....И я рассуждать научился,

....потому что полной мучений
....мне эта жизнь открылась.
....И хоть я беден, но благороден.
....Я напиваюсь? Но хорошо —
....другие не напиваются, вроде?
....Я стар и безвреден по природе.

Курианито (*в сторону*).

....Каналья.

Курианита Сильвия.

.....Обжора.

Алакранито.

.....Кто
....свои недостатки порочит?
....Люблю я сытно поесть,
....но человек я хороший.

Курианито.

....Замолчи и иди в свой лес.

Курианита Сильвия.

.....Оставь нас уже, дружище.

Алакранито (*неустрашимо и облизываясь от удовольствия*).

....Я только что съел червяка, роскошная пища!
....Она была нежной, мягкой и сладкой, оближешь пальчики!
....У неё был детёныш, дитя мальчик,

(*Сильвия и Курианито ужаснулись.*)

....которого не захотел съесть, он вызвал тошноты ком.

Курианита Сильвия.

....Святой Таракан мой!

Курианито.

.....Почему поступил ты так дико до отвращения?

Алакранито (*с энтузиазмом и не слушая*).

....Не ем я детёнышей, которые питаются молоком.
....Мне нравятся взрослые, чтоб вы знали!

Курианито.

.....Преступление!
....Несчастный, не знаешь, что мог ты пожар раздуть,
....убив червяка, чтобы брюхо своё набить.
Алакранито.
....Если хочешь, я настучу себе в грудь,
....чтоб Святой Таракан простил.
Курианито.
.....Убить —
....это тяжёлый грех, которого он не прощает.
Курианита Сильвия.
....Ах, бедный червячок без мамы!
Аларканито (*иронично*).
.....Ах, поэты!
....Всей сладостью кожи насладиться кто вам запрещает!
Курианито.
....Я возмущён!
Курианита Сильвия (*с силой*).
.....Какой каналья!
Аларканито (*облизываясь*).
.....Держите языки в узде-то,
....чтобы быть более съедобными, вы оба.
Курианита (*бежит скрыться в доме Доньи Курианы*).
.....Какой ужас!
Курианито (*очень боязливо, скрываясь за камнем, на котором сидел*). ....Алакранито!
Алакранито.
.....Съем
....вашу плоть и останусь
....таким же пустым, как был.
....Но не бойтесь, я уважаю
....старинных своих
....друзей.

(*Из пещерки выходят Донья Куриана, хромая и в ярости, и Сильвия, напуганная и плача.*)

Донья Куриана (*громко*).
.....Бездельник огромный!
....Бесчувственный пьяница!
....Как ты их ужаснуться заставил!
Алакранито (*с улыбкой кролика*).
....Чистая шутка, сеньора.
Донья Куриана (*направляясь к Курианито*).
....Ай, как я тебя оставила,
....сын мой! Каналья!
....Бедная Сильвия!
Аларканито (*в сторону*).
.....Охотно
....съел бы ножки её.
Донья Куриана.
....Позор!
Алакранито.
.....Клянусь своим возрастом,
....вас уважаю, сеньора...
(*Направляясь к Курианито.*)
....Курианито, не бойся.
Курианито (*очень подозрительно*).
....Не боюсь.
Донья Куриана (*в ярости. В сторону, о Сильвии*).
.....Невозможно.
Курианита Сильвия.
....Не любит меня он больше.
....Он мне сказал, что цветок
....полюбил.
Донья Куриана.
.....Идиот!
....Но тебя полюбит, добьюсь.
Алакранито (*каждый раз всё более пьяный, обращаясь к Курианито*).
....У неё была сломана лапка,
....и я её съел.
....Она была красивым паучком.
(*Смеется раскатисто.*)
....Она была такой вкусной!..

(*Курианито, оцепеневший, говорит голосом, дрожащим от ужаса, который он чувствует от возможности быть съеденным пантерой в форме скорпиона.*)

Курианито.
....Как тебе её схватить
....удалось?
Алакранито (*Бросаясь на Курианито*).
.....Так.
Курианито (*крича*).
....Ай, мама, он меня убьёт!
(*Отделывается от скорпиона и бежит к матери.*)
Донья Куриана (*останавливая*).
....Уйди, оголтелый бандит!
Алакранито (*покачиваясь*).
....Не будь таким пугливым, идиот.

(Во время этой сцены появляется Курианита Девочка, которая прогуливается с мушкой на привязи. Алакранито видит её, подходит к ней, вырывает мушку и глотает её.)

Курианита (*плача с криком*).
....Ай, моя мушка! Моя мушка!
Алакранито.
....О, какая сытная еда!
Курианита Сильвия (*обнимая Донью Куриану*).
....Спасите! Он нас съест!
Алакранито (*чтобы напугать ее, глухим голосом*).
....Я вас сожру, господа!
Курианита (*убегает в ужасе*).
....Ай, мама, боюсь!..
(*За сценой слышны шум голосов и крики сострадания.*)
Курианита Сильвия.
....Что это?
Донья Куриана.
....Что происходит!

(*На сцену входит группа Куриан Кампесин, которые несут в руках белую Бабочку с повреждённым крылом. Они идут очень уныло. Некоторые Курианы несут в руках мотыги. С ними идёт Куриана Нигромантика. Все приближаются. Алакранито Дровосек падает на землю, уже в высшей степени опьянения.*)

Куриана Нигромантика.
....Бедная Бабочка без крыла!
Куриана Кампесина.
....Она умрёт.
Куриана Нигромантика.
....Жизнь её краткой была,
....но душу спасёт.
Куриана Кампесина.
....Она упала с верхушки огромного кипариса,
....и разбилась.
Куриана Нигромантика.
.....Мечтательный призрак бедный,
....цветов и воды все секреты ты знала!
....А теперь на этой заре твою смерть
....оплакивать нежным соловьям осталось!
Куриана Кампесина.
....Сострадание вызвала у меня она, распластанная на тропинке!
Куриана Кампесина.
....Что за судьба у нас тяжёлая и грустная без толка!
....Лелеять твои крылья тоньше паутинки
....и вдыхать аромат одеянья из белейшего шёлка!

(*Донья Куриана приносит из своего дома длинные и тончайшие травинки, которыми Куриана Нигромантика прочищает раны Бабочки.*)

....Со спящего кипариса, нежная звездочка, ты упала,
....горечь какой зари ослепила твой взор в падении?

Курианито.
....О, какое глубокое горе я в душе ощущаю!
Курианита Сильвия (*своей матери, Донье Оргуйос, которая торопливо подходит. Плачет*).
....Меня он не любит, мама.
Донья Оргуйос (*очень сухо*).
....Ох, что мы с ним сделаем!..
Курианита Сильвия.
....Он уже любит звезду.
Донья Оргуйос.
....Чтоб ей оказаться акулой!
....Пёстрой и безобразной!
(*Уходит, вызывающе поворачивая голову.*)
Курианы.
....Смотрите, она вздохнула!
Курианы.
....Открыла глаза!
Бабочка (*растерянно и мечтательно*).
.....Хочу
....летать, хочу летать, нить длинна!
Куриана Нигромантика (*Донье Куриане*).
....Отнесем её в твой дом.
....Выйдет из своего сна.
Бабочка.
....Нить приведёт к звезде,
....на которой моё сокровище;
....мои крылья из серебра,
....моё сердце из золота;
....дрожащим своим звуком
....нить навевает грёзы…

Куриана Нигромантика.
....Отнесем её осторожно,
....чтобы ещё не поранить.

(*Курианы несут Бабочку в дом Доньи Курианы. Направляясь к Донье Куриане.*)

....Дам ей выдержанной росы

....и заверну её в теплую ткань
....с крапивным пластырем
....и пыльцой лилий.
Донья Куриана.
....Ты её вылечишь, доктор?
Куриана Нигромантика.
....Скоро поправится, милая.
....Кроме того, пропишу купание в лунном свете
....и отдых, там, под сенью старого леса.
....Пойдем, на неё посмотрим! Она прелестна!
Донья Куриана.
.....Прелестна!

Сцена 6

Курианито Малыш, Алакранито Дровосек и Куриана Нигромантика.

Курианито (*обращаясь к своему маку*).
....Мак, я увидел свою таинственную звезду.
Алакранито (*падает на луг брюхом вверх и раскачивается*).
....Я съел девять мушек,
....ящерку и в улей,
....влетающую пчелу.
Курианито.
....Сердце моё тоскует
....от любви, которую я не пойму!
Куриана Нигромантика (*выходит из пещерки и очень серьезная подходит к Курианито. Кладет руку ему на плечо*).
....Курианито, от крыльев
....этой великой бабочки зависит судьба твоя.
....Вожделение к ней приведёт тебя к гибели.
....Старый и мудрый твой друг, так говорю тебе я.
(*Чертит на земле круг палочкой.*)
....Этот магический круг нас о том же предупреждает.
....Если её ты полюбишь, ай, горе тебе! — умрёшь.

....Упадёт на её лицо ночь сплошная.
....Ночь без звёзд, в которой её ты уже не найдёшь.
....Подумай до вечера.
(*Уходит.*)

Курианито (*декламирует донжуанисто*).
.....Что в моей голове?
....Какими любовными нитями ветер меня окружает?
....Почему увядает цветок моей чистоты,
....когда мысли другой цветок порождают?
....Кто будет та, кто моё счастье похитит
....дрожащими крыльями, белыми, как мех горностая?
....Вернётся тёмной ночью грусть восхитительная
....и, как ребенок, закричу я, маму призывая.
....Ты царишь над лугом, о, красный мак прекрасный!
....Как бы мне хотелось хоть часть твоей красы.
....Успокой печали влюблённого несчастного,
....омыв его слезами утренней росы.

(Садится на камень и плачет, обхватив руками голову. Алакранито Дровосек с трудом поднимается и, шатаясь, поёт глухим голосом.)

Алакранито.
....Как же в настое нежны
....дикой мяты листочки.
....Татара́, татара́, татара́.

(*Сцена наполняется светом.*)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сад. В глубине сцены большой каскад из плюща, а вся земля засажена огромными маргаритками. Это настоящий лес из цветов. Слева от места действия,

как часть фона, спрятавшись в траве, блестит вода родника… Все растения залиты мягким светом сгустившихся сумерек.

Сцена 1

Курианита Кампесина 1-я, Курианита Кампесина 2-я.

Справа выходят две Курианиты Кампесины, которые живут у подножия грибов. Они очень старые. У одной из них в округе репутация святой.

Курианита Санта.

....Какое огорчение я пережила, кума, какое огорчение!

....Ты видела Курианито, декламировавшего на лугу?

Курианита 1-я.

....Я видела его, качающимся на нити паутины.

....Пел он грустно, грустно. И был в мечтах.

....Он не думает заслужить уважение и почёт.

Курианита Санта.

....Он очень хороший и очень нежный. Великий поэт!

Курианита 1-я.

.....Бездельник!

....На нити паутины никто не живёт.

Курианита Санта.

.....Кума,

....не критикуй никого, сказал Великий Таракан!

(*Другая Куриана наклоняет усики.*)

....»Размышляй о траве, которая ваши жизни рождает,

....и страдай от пороков и дефектов ужасных.

....В моём царстве больше ценятся те, кто поют и играют,

....чем те, кто свою жизнь проводят в постоянной работе…

....Все вы станете землёй и станете водой,

....лепестком на розовом кусте и древесной корой».

Курианита 1-я.

....А Великий Таракан не нуждается в пище, кума? (*Медлительно.*)

....Скажите-ка это голодному.

Курианита Санта.

.....Замолчите!

....Голод — это демон с усиками из огня,

....которого нужно избегать…

Курианита 1-я.

.....Поев, да?

Курианита Санта.

.....Молясь.

Курианита 1-я.

....Оставь меня в покое, кума. Ты — святая и очень мудрая,

....но в этой жизни я не говорила с Великим Тараканом…

....Если Малыш Курианито и не пытается работать,

....умрёт от голода, такой красивый и такой умный.

....Будь я его матерью, я бы его поставила на место!..

Курианита Санта.

.....Подруга,

....О невозможной любви была его последняя песня,

....и говорил он о крыльях раненой бабочки,

....на росу больше похожих, чем на жасмина плоть.

Курианита 1-я.

....Ужасна эта мука ленивых людей!

Курианита Санта.

....Будь милостива к прекрасному влюблённому!..

....»Переживайте в себе душевные раны и

....боли других», — говорит Великий Таракан.

Курианита 1-я.

....Но мне-то что за дело до глупости такой!

....И в бабочку — с чего бы он влюбился?

....Не знает, что на ней не сможет он жениться?
Курианита Санта.
....Зачем называть чёрной грязью снег,
....когда он идёт таким белым, неизвестно откуда!
Курианита 1-я (*энергично*).
....Падает из белых лилий.
Курианита Санта (*строго*).
.....Кума, не утверждай этого.
Курианита 1-я.
....Наконец, Курианито сумасшедший.
Курианита Санта.
.....Прекрасно!
....Прекратим эти речи, потому что я устала.
....Его песня мне напоминает о моей любви в юности.
Курианита 1-я (*очень ворчливо*).
....Идём по домам, ночь уже на дворе!
Курианита Санта (*очень грустно*).
.....Идём!

(*Обе идут налево, проходя между ветвями плюща, под которым у них норки. Уже окончательная ночь, и первый луч луны падает на лес из маргариток. Вода родника дрожит с тихой нежностью.*)

Сцена 2

Бабочка, Куриана Нигромантика, Донья Куриана и четыре Курианы Кампесины.

Слева выходят Куриана Нигромантика и Донья Куриана, мама Курианито. Разговаривают возбужденно.

Донья Куриана.
....Для лунной ванны для бабочки нашей
....этот луг так хорош.
Куриана Нигромантика.
.....Крылья её восковые

....снова станут, как в то утро, если не краше,
....когда искупалась она в лучах солнца впервые.
Донья Куриана.
....Она пришла из зари. Она — цветок блуждающий,
....сказал мой сын вчера.
Куриана Нигромантика.
.....Будь осторожна очень,
....подруга Донья Куриана.
Донья Куриана.
.....Его сердце пылающее
....поёт о ней страстно днём и ночью.
Куриана Нигромантика.
....Но будем бдительны!
(*Оборачиваясь в другую сторону и зовя.*)
.....Идите сюда! Не спешите!
....Старайтесь крылья по земле не тащить волоком!
....Ветерок движет усики, их укрепите
....и следите, чтоб они не сломались. Через ручей прыжком!

(*Возвращаясь к Донье Куриане.*)
....Они уже здесь, сеньора.

(*На сцену входят четыре Курианы Кампесины, которые несут на своих спинках Бабочку. Кампесинам.*)
.....Медленно её опустите.
(*Донье Куриане.*)
....Ей положили мазь из мушек, как я велела?

Донья Куриана.
....Две порции.
Куриана Нигромантика (*проверяя ее*).
.....Ни зрения и ни чувствительности.
....Её мертвы глаза и рот закрыт. В одежде белой
....своей в какое царство попадёшь ты вскоре?
Донья Куриана (*вспоминая*).
....Она пришедший из зари цветок летающий.

Куриана Нигромантика.

....Ты с порванными крыльями и сердцем насмерть в горе

....идёшь туда, где превратят любовь в ледник нетающий.

(*Обращаясь к Донье Куриане.*)

....Здесь мы оставим её, под луной! Слышу я

....грусть того голоса из старой рощи дубовой,

....который с ветра душой велел распрощаться,

....потому что фея мертва — фея полей и моря.

Донья Куриана.

....То ли смерть, то ли горе над моим домом кружит.

....Курианито всё время воспевает свои мечты.

Куриана Нигромантика.

....Поженить их скорее с Сильвией нужно. Нужно

....развлечь его.

(*Кампесинам.*)

.....Положите её в цветы,

....охраняя сон белой спящей бесчувственной.

....Положите ей этот лечебный букет, если очнётся.

Донья Куриана (*опять о своём*).

....Ай, доктор соседка! Моё сердце предчувствует

....очень плохое.

Куриана Нигромантика (*не обращая внимания*).

.....Будь осторожна! Вдруг Алакранито вернётся!

(*Донья Куриана тихо плачет.*)

....Хладнокровны будьте, сеньора. Забудьте об этом.

Донья Куриана (*плача*).

....Только на муже моём лежит обвинение.

....Нет несчастия большего, чем быть поэтом!

....Я обожглась на этом!

Куриана Нигромантика.

.....Всё поглотит забвение.

(*Уходят. Сцена поворачивается. Курианита Хранительница опирается на ствол маргаритки и остается неподвижной, медленно шевеля усиками.*)

Сцена 3

Бабочка и Куриана Хранительница.

Бабочка (*проснувшись*).
....Улечу по серебряной нити.
....Ждут меня дети,
....там, в полях отдалённых,
....прядя на своих прялках.
....Я — шёлка
....душа.
....Прихожу из волшебной шкатулки
....и иду на небо.
....Пусть паук воспевает
....меня в своей норке;
....пусть соловей обдумывает
....обо мне песню;
....пусть капля дождя боится
....соскользнуть с моих мёртвых крыльев.
....Спрялось моё сердце из плоти,
....чтобы молиться во тьме,
....и смерть мне дала два белых крыла,
....но прервала источник моего шёлка.
....Сейчас понимаю жалобу воды,
....и жалобу звёзд,
....и жалобу ветра в горах,
....и колющее жужжание
....пчелы.
....Потому что я смерть
....и красота.
....То, что говорит снег на лугу,
....повторяет костёр;
....песни дыма по утрам
....поют лучи над землей.
....Улечу по серебряной нити;

....ждут меня дети.
....Пусть паук воспевает
....меня в своей норке;
....пусть соловей обдумывает
....обо мне песню;
....пусть капля дождя боится
....соскользнуть с моих мёртвых крыльев.
(*Бабочка медленно машет крыльями.*)

Сцена 4

Бабочка, Алакранито Дровосек и Куриана Хранительница.

Слева высовывается прекомичная клешня Алакранито.

Алакранито.
....Благоухание
....свежего мяса
....настигло меня.
Куриана Хранительница (*гневно*).
.....Уходи!
Алакранито.
....Пустите её увидеть!
(*Приближаясь.*)
Куриана Хранительница.
....Пьяница, в лес уходи!
Алакранито.
....Хоть бы это случилось!
....Тогда смогу съесть
....её крылья.
Куриана Хранительница.
.....Бесстыдник!
....Уходи из этого леса!
Алакранито (*умоляюще*).
....Хоть разок укусил бы
....туда, где ранка у неё есть!
....Хоть кусочек усика!

Куриана Хранительница (*в ярости*).
....Если сейчас же не уберёшься,
....позову я своих товарок,
....и мы тебя уничтожим!
Алакранито (*серьезно*).
.....Слушай,
....если бы не был я таким старым,
....с каким удовольствием проглотил бы
....твою вкусную голову!
(*Алакранито быстро приближается убить Бабочку.*)
Куриана Хранительница (*встревожено*).
....Я закричу! Уходи!

(*Бабочка шевелится.*)

....Посмотрите, она проснулась!
Алакранито (*прыгая и хохоча*).
....Что говорит наша дамочка,
....мягкая и аппетитная?
Куриана Хранительница (*собираясь побить Алакранито*).
....Это невыносимо!
Алакранито (*очень близко к Бабочке и открывая клешню*).
....Почему бы тебе ко мне не приблизиться?
Куриана Хранительница (*пугающе*).
....Помогите, он её съест!
Алакранито (*отходя*).
....Замолчи, безобразная Куриана.
Куриана Хранительница.
....Быстро домой уходи!
Алакранито (*цинично напевая*).
....Ухожу в свою норку
....съесть десять мушек.
Куриана Хранительница (*возмущенно толкая его*).
....Уходи!

Алакранито (*глупо шутит*).
.....Недурной ужин!
Куриана Хранительница.
....Ты негодяй и тупица!
Алакранито (*уходя*).
....А ты сумасшедшая одиночка!

(*Куриана Хранительница взбешена, подходит проверить Бабочку, и потом возвращается на свое место. Пьяный голос Алакранито слышится всё дальше.*)

Сцена 5

Гусеница 1, Гусеница 2, Гусеница 3, Бабочка и Курианы Хранительницы.

В траве блестит группа Светящихся Гусениц. Медленно приближаются.

Гусеница 1.
....Уже можем напиться
....росы.
Гусеница 2.
....Недавно я её видела в озере,
....дрожащей на лилиях.
....Скоро выпадет и на травы,
....светлая и обильная.
Гусеница 1.
....Она выпадает с ветвей
....или её приносят холода?
Гусеница 3.
....Никогда не поймём
....непознаваемое.
....Уже погас мой свет;
....я старая и поблекшая,
....а не видела спускающейся
....с ветки росы.
Гусеница 2.
....Пробивается из земли.

Гусеница 3.
....Старый мудрец сказал:
....»Пейте нежные капли,
....весело и спокойно,
....и никогда не спрашивайте,
....откуда они приходят».
Гусеница 1.
....Делают сладкой любовь
....эти капли.
Гусеница 3.
.....Старухи,
....знаем мы, что любовь
....подобна росе.
....Капля, которую ты проглотишь,
....не вернётся на луг;
....так и любовь теряется
....в покое забвения.
....А завтра другие капли
....заблестят на траве,
....чтобы через мгновение
....перестать быть росой.
Гусеница 1.
....Не будем говорить о грустном…
Гусеница 2.
....Погас мой древний свет.
Гусеница 1.
.....потому что ища любви
....пришли мы сюда.
Гусеница 2.
....Скоро заблестят
....деревья и земля.
Гусеница 1.
....Роса обильно выпадет
....на поля.
(*Уже приближаются к Бабочке, она их слышит и как во сне говорит.*)
Бабочка.
.....Я слышала,
....как ясные капли

....беседовали нежно,
....рассказывая тайны
....полей бескрайних.
Гусеница 3 (*резко поворачиваясь*).
....Капли не разговаривают;
....они рождаются, чтобы кормить
....пчёл и гусениц,
....нет у них разума.
Бабочка.
....Говорить умеют песчинка
....и листья деревьев,
....хотя у всех у них
....судьбы различны;
....но все голоса и песни,
....которые слышишь,
....это чужие обличья
....песни одной. Нить
....меня приведёт в леса,
....где жизнь пребывает.
Гусеница 3.
....Ты случайно не фея?
Бабочка.
....Я не знаю, что я такое;
....из меня медленно извлекли
....сердце и душу,
....и теперь моё бедное тело
....мёртвое и пустое.
Гусеница 1.
....Тогда насладись любовью,
....которая придёт утром.
....С радостью выпей
....росы настоя!
Бабочка.
....Что такое любовь, не знаю
....и никогда не узнаю.
Гусеница 1.
....Любовь это поцелуи
....в гнезде уютном,
....пока листья трепещут,

....над гладью водной.
Бабочка.
....У меня повреждённые крылья,
....и тело моё холодное.
Гусеница 1.
....Но можешь дарить поцелуи
....и двигать своими усиками.
Бабочка.
....Ах, губ я не чувствую!
Гусеница 1.
....Красива твоя одежда!
Бабочка.
....А вы, наверное, звёзды?
Гусеница 1.
....Ищем себе любимых
....и идём по дороге,
....любовью пьянённые.
Бабочка.
....Я не знаю, что такое любовь.
....Зачем разбудили меня?
Гусеница 2.
....Оставляем тебя в покое!
....Будь очень счастлива!
Бабочка.
.....Нить
....серебряная ведет в поля,
....где жизнь пребывает…

(*Гусеницы удаляются, комментируя.*)

Гусеница 1.
....Это была фея?
Гусеница 2.
.....Её тело
....крепко спало.
Гусеница 1.
....Я испугалась, увидев её
....такой белой и одинокой.

Гусеница 3.
....Это Бабочка,
....от холода полумёртвая.
Гусеница 2.
....Какая великая тайна!
....Идём в своё поле.
Гусеница 3.
.....И пусть призовут любовь
....ваши тела возбужденные!
....Никто увернуться не сможет
....от любовника сильного!
Гусеница 1 (*заинтригованно*).
....И почему она говорит, что разговаривают
....капли росы?
(*Гусеницы уходят.*)

Сцена 6

Бабочка, Курианито Малыш и Курианы Хранительницы.

Одна из Курианит совершает различные прыжки по сцене. Появляется Курианито Малыш, грациознейше раскрашенный жёлтым. Выражение его лица горестное и печальное.

Курианито (*декламирует звучно*).
....И листья и цветы
....уже увядают.
....Я владел тишиной
....этого утра.
Курианита Кампесина (*раздраженно*).
....(Только этого нам
....ещё не хватало.)
....Разрисовался лилией,
....чтобы она влюбилась.
Курианито.
....Было спокойных моих стихов счастливое время,
....но в дверь мою фея

....вошла, одетая в снег прозрачный,
....чтобы отнять мою душу.
....Кем стану я в этих лугах без любви и без поцелуев?
....Может, броситься в воду?
....Но думаю я о мире, о котором с детства мечтал,
....мире радости, далеком отсюда;
....полном соловьёв и лугов бесконечных:
....мире росы,
....в котором любовь не кончается.
....И если бы не существовал Великий Таракан? Какая цель
....была бы у горестной моей судьбы?
....Кто бы заботился о нас, если не тот, кто сделал нас
....высшими над всем, им созданным?

Курианита Кампесина.

.....Какая жалость!
....Определённо, он совсем сошёл с ума!

Сцена 7

Бабочка, Курианито Малыш, Курианы Хранительницы и Куриана Нигромантика.

Курианито (*приближаясь к Бабочке*).
....Спит королева целомудренная луга?
....Та, что росе подобна?
....Та, что знает секреты трав
....и песню вод?

(*Бабочка не отвечает и танцует.*)

....Не отвечаешь? Неужели же не слышишь
....мой страстный голос?
(Бабочка делает движение, будто хочет взлететь)
....Хочешь летать? Там, наверху, темно,
....и у тебя повреждено крыло.
....Я вылечу, целуя, твои раны,

....коль за меня ты выйдешь замуж;
....и друг мой, соловей великий,
....своим полётом нас проводит утром.
....Полёт свой отложи. Ведь ночь. Смотри
....какая тьма в ветвях,
....и эта тьма тяжёлая нас усыпляет,
....хоть очень тонкая и плоская.

(*Бабочка падает на землю.*)

....Засохнет сердце без тебя моё.
(*Курианито приближается к ней.*)
....Послушай слова мои.
....Не думай о полёте в горы,
....останься в моём доме.
....Поймаю, чтобы тебя развлечь,
....хорошую цикаду,
....которая петь будет колыбельные ночами
....и на рассвете твоим снам.
....Тебе я камешков достану из источника

(*Курианита Хранительница проходит между стеблями маргариток, чтобы лучше слышать.*)
....и муравьев малюсеньких;
....и будешь пить капли росы
....из губ моих, которые горят.
....Что вижу я на усиках твоих?
....Фей зеркало! О, Бабочка!
....Ты как цветок иного мира
....иль пена на воде.

(*Курианито обнимает Бабочку. Она бессознательно ему поддаётся.*)

....Тело твоё холодно. Идём со мной,
....хотя и скромно моё жилище,
....ты из него увидишь луг зелёный,
....теряющийся на горизонте.

(*Бабочка резко вырывается и танцует.*)

....Нет сердца у тебя? И не зажёгся в тебе
....свет от слов моих?
....Тогда кому же расскажу о горестях своих?
....О, Мак очаровательный!
....О, мать росы для луга моего!
....Ну почему вода
....имеет летом тень прохладную, и тьма
....ночная освещается
....бесчисленными звёзд глазами,
....но для моей души любви нет?
....Кто мне дал эти глаза, которых не люблю,
....и эти руки, которые стремятся
....поймать любовь, которой я не понимаю?
....И которая мне жизнь прервала!
....Кто меня запутал во тьме?
....Кто приказал страдать без крыльев?
Куриана Хранительница.
....Ах! Почему ты так кричишь, Курианито?
....Он сошёл с ума!
Курианита Нигромантика.
.....Что случилось?
.....
.....[4]

Конец
«Чар Бабочки»

[4] Не закончено в оригинале.

камушек в ботинке

Александр Шапиро
ПУТЕВОДИТЕЛЬ

[фрагмент сценария]

Полупустой бильярдный зал.

Ядовито желтый свет светильников, по три над каждым столом.

Вдруг в кадр, энергично заходит пьяная, очень пестрая девушка Кристина, с кием наперевес, которая тотчас же начинает в духе, типа, Джеки Чана вертеть кий (он падает несколько раз, еще какое то непотребство происходит) в общем «синева», хотя девушка похожа на вполне модную, но здесь видимо произошел сбой в самоконтроле.

В лузу с треском влетающий шар.

Кристина, ее спутники — Вова и Вася — мужчины средних лет в костюмах — за бильярдным столом играют в «американку».

КРИСТИНА. Так, малышки. Я понимаю там бизнес и все такое, но давайте вы не будете нудные, а то я начну скучать. Поехали снимать телок куда-то, что ли…

ВОВА. Поехали.

КРИСТИНА. А куда?

ВАСЯ. Разберемся.

КРИСТИНА. Не… Я…

Не, я хочу точно знать, куда. А то вдруг вы меня плохих телок повезете снимать, и мне они не понра-

вятся, и я уеду обратно, сюда, а как так можно… бездарно?

ВАСЯ. Кристина, я же тебе говорил, что мы же первый день здесь.

КРИСТИНА. Мы же… или я же?..

… и шо, вы приехали и не узнали такую важную деталь, как снимать телок?.. Ошую или одесную?

ВАСЯ. Ну… а вот сейчас и узнаем.

КРИСТИНА (*смотрит по сторонам*). У кого?.. Простите, как вас зовут?

ВАСЯ. Вася… У тебя узнаем, Кристина. Кто здесь капитан команды знатоков?

КРИСТИНА. Та нет… язвы вы, я откуда знаю, я по телкам не шляюсь, я культур-н-а-я девушка. Это вы на меня дурно влияете… Во. Вы должны узнать немедленно о телках, и быстро-быстро мы туда поедем, малышки, не переживайте, потом я вам культурную программу устрою… Вы же у нас дикари?

ВОВА. Может, проституток сразу снять? Так чтобы не испытывать судьбу.

КРИСТИНА. Нет… с проститутками неинтересно… я хочу шума вокруг, чтоб много людей было вокруг, и чтобы мы пили какие-то алкогольные напитки, вкусные, и вели беседы, и может быть потом… Ладно, малышки, вижу, вы не большие специалисты в вопросах планирования. Поэтому рулить я буду.

Кристина склоняется над столом, и, с силой двинув кий, промахивается по шару. Кий едва не рвет покрытие стола. Вася сразу же отворачивается и идет пить чай, который только что принесли.

ВОВА. Может, уедем отсюда?

КРИСТИНА. Ну, так а я на что уже час тонко намекаю?

ВОВА. Вася, ну что, поехали?

Вася попивает чаек.

КРИСТИНА. Он сказал поехали… и махнул рукой, словно вдоль по Питерской, Питерской… промчался над землей…

Хотите промчаться над землей?

ВАСЯ (*неуверенно*). А куда?

КРИСТИНА. Куда — неважно. На чем — вот вопрос.

ВОВА. Поехали, поехали, там разберемся…

…на чем… и куда…

ВАСЯ. Давай, я чай выпью…

КРИСТИНА. А то что… жаба задавит?

Блин морской, мачо — мучачо, никакой решительности…

Сопли развесили… тю-тю-тю…

Ну, давайте тут висеть, вдруг телки сами приедут.

ВОВА. Кристина, а давай лучше пообщаемся.

Ты что заканчивала?

КРИСТИНА. Философский универа, а что.. Видели такое красное здание? Возле парка Шевченко?

Хотя… собственно, имяреки…

Лучше пообщаемся, хуже пообщаемся, а мы чем тут, собственно, до этого занимались, если уж на то?

ВАСЯ. Расскажи-ка нам, Кристина, что нам лучше всего завтра делать?

ВОВА. Как лучше день спланировать?

КРИСТИНА. Посидите дома, подрочите.

ВАСЯ. И что, целый день дрочить?

КРИСТИНА. Не, ну Киев… прекрасный город с богатой архитектурой…

ВОВА. А я видел там человека на лошади. Не, ну действительно классный памятник. Столько динамики.

КРИСТИНА. Вы что, басурмане?! Так это ж национальный герой, Богдан Хмельницкий. Пережил Вторую мировою войну только потому, что булавой на Москву показывал. Типа правильное направление. Вот.

ВАСЯ. Та не, Хмельницкого я знаю, он не того имеет в виду. Это Вова об этом, о Щорсе говорит.

КРИСТИНА. О каком еще Щорсе? Я не знаю, мне никто не рассказывал о Щорсе.

ВАСЯ. Как так не знаешь Щорса? Он возле ж.д. касс стоит и куда-то смотрит, но точно не на Москву. Куда-то, как мне показалось, на запад.

ВОВА. А мне показалось, что он смотрит на меня…

КРИСТИНА. Очень смешно…

И как мне теперь стать? Ну, стоит себе, пусть стоит. Или он вам лично чем-то не понравился?

ВОВА. Н-не, Кристина, ну серьезно, на что можно посмотреть?

КРИСТИНА. А вы вообще откуда? Ну, что б знать, насколько все серьезно.

ВОВА. Если серьезно, то Вася из Генниченска, а я из Костромы.

КРИСТИНА. А это где?

Мальчики, ну вы даете…

ВАСЯ. Давай сначала ты нам о Киеве расскажешь, потому что без карты я не объясню откуда, а потом поедем к нам в гостиницу, мы разложим карту Союза, и я покажу тебе, где Генниченск, а Вася — где Кострома.

КРИСТИНА. Ух какие мы быстрые. А кто вам сказал, что я с вами в гостиницу поеду?

ВОВА (*смущенно*). Та не, че ты, Кристина, хорошая гостиница. Та не, че, мы ниче такого не думали… Просто посмотришь, как мы живем. Гостиница «Мир» называется. Попьем коньяк, маслины поедим… Во. Там парк есть красивый.

КРИСТИНА. Кострома… Понятно.

В этом парке, там еще народ в проруби купается, поняли. Вода там какая-то особая.

Так вам шо, экскурсию устроить?

ВОВА. Ну!!! Сделай так, чтоб мы себе все это представили.

КРИСТИНА. Ну, я не сильно специалист, ну, там все в Лавру сразу едут, или на Михайловскую площадь.

ВОВА. Так, понятно… А после?

КРИСТИНА. А после в ресторан.

ВАСЯ. А какой?

КРИСТИНА. В японский. Для экстравагантности ощущений после увиденного.

ВАСЯ. Не, я японский не хочу. Я не люблю японцев. Хочу в какой-то наш.

КРИСТИНА. Наш — это какой именно? Русский, украинский, еврейский?

Кто ты вообще такой? Для начала, ты человек? А то щас эволюция дошла?..

ВАСЯ. Я вообще-то наполовину турок — наполовину калмык, хотя по виду и не скажешь особенно. Разрез глаз у меня вполне нормальный.

КРИСТИНА. Ага, смесь бульдога с носорогом. Так где вы оттрапезничать собираетесь? Или, ребята, сходите в зоопарк для начала. Хороший зоопарк, в меру несчастные животные, и то их сейчас не видно, потому что еще холодно. Носороги не любят, когда холодно. Но зато там можно шашлыки покушать или поп корн.

Да, на Теремках, это далеко, правда, есть спецотдел кааковото НИИ, который испытывает на животных разные медпрепараты.

Там вольер есть такой специальный, и там внутри собачки иногда так стройно шеренгами передвигаются, наколотые какой-то чепухой.

О, давай передохнем…

Кристина кладет кий на пол. Вова быстро кий поднимает и ставит на место.

ВОВА. О, интересно, а где это, эти Теремки?

КРИСТИНА. Вот это точно, без карты фиг объяснишь… Хотя… Это въезд в Киев по одесской трассе…

Есть еще там же недостроенный ледовый дворец, ипподром и выставка достижений нархозяйства. Еще там есть общаги универа на Ломоносова, где раньше был рассадник наркоторговли. Негры героин продавали.

ВАСЯ. О, поподробнее-поподробнее.

ВОВА. Кристина, та не слушай его, это он шутит…

КРИСТИНА. А мне какая разница. Будьте вы хоть педерастами, лишь бы на здоровье, потом…

ВАСЯ. А ты, Кристина, я вижу не любишь там музеи или что-то наподобие.

КРИСТИНА. Та в Киеве, по сути, и нет интересных музеев. Можете к Родине Матери сходить, там гильотина в экспозиции прикольная, еще я помню, мне мои друзья рассказывали, как одного негра развели, сказали, что каждую ночь ровно в двенадцать Родина Мать ударяет щитом о меч.

О! Хотите реальное место расстрела футболистов Динамо Киев… покажу…

Трамплин покажу, откуда никто ни разу не прыгал.

ВАСЯ (*испуганно*). А че там с футболистами-то стряслось?

КРИСТИНА. Вася, ты че? Это во время войны… Второй мировой…

ВОВА. Оба!.. А я-то уж думал, что фанаты кого-то замочили… У вас же фанаты есть?

КРИСТИНА. Какие на фиг фанаты?

Я рассказываю о том, что мне нравится…

Мне по фиг там официальные туристические маршруты…

…продолжать?

Не… есть и музей достойный упоминания, напротив «Домашней кухни», там динозавры. Нас в школе раз пять туда водили. Глисты в пробирках есть, они почему-то больше всего мне запомнились.

ВАСЯ. Да, да, конечно, глисты я тоже с детства помню…

КРИСТИНА. Трамплин! Внимание!!!

Трамплин!!!

С него, в чем прикол, ни один дебил не прыгнул…

…еще есть памятник в районе Киев-товарный, там, где мальчик лебедя душит. Но о нем никто не знает… кроме меня.

Есть татарское кладбище. Можно еще сходить на парашютную вышку на Труханов остров.

На Русановке есть кладбище домашних животных. А улиц Щорса у нас, например, четыре. Два кинотеатра «Спутник».

ВОВА. Слушай, а бани хорошие есть. Так чтоб с веничком попариться?

КРИСТИНА. Че это ты с таким блеском в глазах спрашиваешь? Смотри, аж покраснел, мерзавец… Откуда я знаю? Может и есть. А может и нет.

Я вообще-то не поняла, Владимир, мы о чем говорим?

ВОВА. …о футболистах, по-моему.

КРИСТИНА. Кстати, это только недавно нашли подлинное место их захоронения, то есть памятник футболистам, которых во время войны расстреляли, из Динамо.

А до этого памятник был на стадионе Динамо, который во время войны назывался «Дойче стадион». Рядом Владимирская горка, ну и Владимир собственной персоной, который Русь окрестил.

ВАСЯ. Я вижу, Кристинка, это твой конек… футболисты… или ты меня запугать хочешь? Ну, и где это место?

ВОВА. Вася, че ты гонишь?

ВАСЯ. …я интересуюсь просто.

КРИСТИНА. Возле Шевченковского универмага, если вам это о чем-то говорит. О!!! Посмотрите обязательно детскую железную дорогу на Сырце, а дальше там парк очень прикольный, который до Нивок тянется. Потом.

Есть еще остатки Десятинной церкви, фундамент, а не остатки, рядом с ним еще дерево, которому дофигища лет. И музей исторический. А дальше Андреевский спуск — это вообще находка для туриста. Там дом Булгакова… и смотровая аллея и еще внизу смешной Самсон, раздирающий пасть льву. Лев такой, как кошечка… А еще где-то там же на холмах сатанисты по ночам собираются.

ВАСЯ. О, может, к сатанистам примкнем?

КРИСТИНА. Вася, та куда тебе в сатанисты? Та вас не возьмут, у вас лица добрые. Что вы можете вредного сделать?

Внизу там было чумное кладбище в средние века, а сейчас там типа модный район строят.

ВАСЯ. Все, мне надоело здесь. Давай куда-нибудь переместимся. Вова, пойди, узнай, сколько мы должны, а я такси вызову. Кристина, поедем?

КРИСТИНА. Все в ваших руках, господа урюки.

Вова отправляется рассчитываться. Вася глотает таблетку, достав ее из кармана.

ВАСЯ. О`кей, о`кей…

Кристина, а подскажи-ка номер такси какого-нибудь…

Публикуется по оригинальной рукописи.

Вадим Климов

ЛАРС ФОН ТРИЕР VS МИХАЭЛЬ ХАНЕКЕ

У меня есть два любимых режиссера, которых я отделяю от всех прочих, какими бы прекрасными они не были. Это датчанин Ларс фон Триер и австриец Михаэль Ханеке. Решил устроить им соревнование, сравнив фильмы, вышедшие у обоих мастеров в один год.

1984

«Элемент преступления» (Триер) и «Кем был Эдгар Аллан?» (Ханеке)

Не очень удачный год: дебют Триера в полнометражном профессиональном кинематографе, который датские критики назвали худшим датским фильмом года. Телевизионная лента Ханеке тоже не блещет. Но, безусловно, обе картины представляют интерес хотя бы тем, что в неудачных работах обнажается методология создателей. Именно с их помощью можно глубже понять великих режиссеров. Присуждаю этому противостоянию ничью.

1994

«Королевство» (Триер) и «71 фрагмент хронологической случайности» (Ханеке)

Великолепный минисериал датчанина, конечно, запросто обставляет нудное и формалистское «упражнение в стиле» австрийца. Безоговорочная победа Триера.

1997

«Королевство II» (Триер) и «Забавные игры», «Замок» (Ханеке)

Как бы хорошо я ни относился к продолжению сериала Триера, «Забавные игры» Ханеке все же гораздо значительнее. В этот год австриец снял еще и телевизионную экранизацию романа Франца Кафки «Замок», которую я тоже ставлю выше «Королевства II». Трудная, но заслуженная победа Ханеке.

2000

«Танцующая в темноте» (Триера) и «Код неизвестен» (Ханеке)

Стилизованное под мюзикл завершение трилогии «Золотое сердце», начавшееся с «Рассекая волны» и «Идиотов». Работа Ханеке, разумеется, очень интересна, но на монтажной склейке тысячелетий тягаться с датским коллегой он не сумел. Победа Триера.

2003

«Догвилль» (Триер) и «Время волков» (Ханеке)

Пожалуй, это самый мощный фильм Ларса фон Триера с оглушительным финалом. Театрально минималистичный до абсурда. «Время волков» выступает в другой весовой категории и исход противостояния очевиден. Досрочная, за явным преимуществом, победа Триера.

2005

«Мандерлей» (Триер) и «Скрытое» (Ханеке)

Не особо удачное продолжение американской трилогии. «Догвилль» задал слишком высокую планку, поэтому в общем-то достойный «Мандерлей» выглядит блекло и неубедительно. А вот «Скрытое», четвертый французский фильм австрийского режиссера, производит более глубокое впечатление. Победа Ханеке.

2009

«Антихрист» (Триер) и «Белая лента» (Ханеке)

Здесь можно повторить написанное о предыдущем противоборстве за той разницей, что «Белая лента» — не просто отличный фильм Михаэля Ханеке, но один из лучших. Блистательная победа австрийца.

2013

«Нимфоманка» (Триер) и «Вольфганг Моцарт — Так поступают все» (Ханеке)

Сомнительно, что имеет смысл сравнивать кинофильм с оперой, но мы все же это сделаем. «Нимфоманка» — возвращение Триера в высший дивизион после пяти лент, снятых вслед за «Догвиллем». В режиссерской версии картина длится почти пять с половиной часов. Опера Ханеке продолжается чуть менее трех с половиной часов, что тоже немало. Но победа здесь очевидна, и она достается датчанину.

А теперь подведем итоги. Не считая ничьей 1984 года, четыре победы одержал Ларс фон Триер. Его австрийский коллега вышел победителем из трех схваток. С минимальным перевесом (4:3) лучшим из лучших становиться датский режиссер. Слава Ларсу фон Триеру.

vice versa

Сальвадор Дали
НОВЫЕ ГРАНИЦЫ ЖИВОПИСИ[5]

Начиная разговор с Рафаэлем Бенетом, знай — понимания не добьешься, даже если станешь употреблять исключительно слова, сказанные им самим, в самом прямом смысле.

Рассуждая об экстравагантных выходках современных художников, Рафаэль Бенет замечает: «Они ведь и птиц могут засадить в аквариум», И тем самым расписывается в недостатке воображения — ведь недавно Андре Бретон в каталоге выставки Арпа (изобретателя усов без конца и края) сообщил нам, что нигде птице не поется так дивно, как на дне аквариума.

Но дело не в совпадении и даже не в том, чтобы засадить птиц в аквариум. Главное, чтобы *птице пелось,* причем несравненно лучше, чем прежде.

Конечно, Рафаэлю Бенету это покажется несусветной чушью, тогда как мы даже не удивимся, а если и удивимся, то не отсутствию логики, а естественности и будничности картины. Современная живопись замечательна тем, что становится искусством без посредников и экивоков и, не раздумывая, подобно народному искусству выходит за рамки здравого смысла.

Мы, например, не уверены, что лицо — самое подходящее место для носа. По мне, он куда лучше смотрится на диванном валике (что, впрочем, не препятствует ему раскачиваться на струйке дыма, как

[5] Перевод с каталанского Н.Малиновской и Т.Пигаревой.

на веревочке). И не напрасно Ив Танги рассылает по свету свои изысканные послания.

Смею заверить Рафаэля Бенета, что обезглавленное тело живет своей естественной и полной жизнью, что трупы — чистенькие, без синяков и ссадин — имеют обыкновение предаваться отдохновению под сенью истекающих кровью деревьев или, нагие, возлежат на щетине мраморных кольев, не ведая страха смерти.

Мне, видимо, придется напомнить Рафаэлю Бенету, что жизнь существ, населяющих холст живописца или мир стиха, подчинена иным законам, что их жизнь отлична от той, что влачат земные создания. Что физиология живописных и поэтических образов не схожа с физиологией живых существ и законы кровообращения ни в поэзии, ни в живописи не действуют. Что гармония линий и красок, сотворивших образ чудовища, мешает монстру внушать ужас. Что безголовое тело в искусстве, будь то живопись или поэзия, — это не расчлененный труп как таковой.

Замечу мимоходом, что безголовое тело прекрасно гармонирует с дохлыми ослами, а цветок поэтичен именно в силу своего сходства с дохлым ослом.

Все это стало ясно без объяснений с того самого дня, как на свет появился сюрреализм, с тех самых пор, как слова и вещи получили право на поэтическую независимость и перестали быть *побирушками* (как выразился Андре Бретон).

Для нас очевидно, что глаз не имеет отношения к лицу, что он способен свободно передвигаться в пространстве, менять свои очертания, но, кроме того, недавно выяснилось, что глаза (равно как и виноградные грозди) способны развивать бешеную скорость и всегда готовы устремиться в немыслимейшую погоню.

Допускаю, что Рафаэль Бенет и не подозревает об этом, хотя все вышеописанное началось с того дня, когда художники пренебрегли наконец чувственным восприятием и поняли, что в этой приверженности и

состояла роковая ошибка Поля Сезанна[6] (он собирался идти за Пуссеном, *следуя природе,* и выйти в классики, держась за чувственное восприятие). Только поняв, что он не прав, художники смогли освободиться от рационализма, пронизавшего к тому времени все, и в том числе чувственное восприятие, и подняться на новую — высочайшую — ступень чистой сущности.

Вот почему Джино Северини утверждает: «Наш путь прямо противоположен пути Сезанна».

Цепляясь за чувственное восприятие, классиком не станешь, к цели ведет только дух. Искусство начинается не с анализа поверхности, а с поисков сути.

Впрочем, расчисленная, математически выверенная эстетика Северини нас мало вдохновляет, хотя нельзя не восхищаться его приверженностью чистой абстракции — воплощению чистого духа, истреблением всяческих следов чувственного восприятия еще на заре кубизма. *Категория* — в том смысле, в каком ее понимает Д'Орс, — у Северини всегда торжествует над материей; иного исхода борьбы он просто не приемлет.

«Спокойно обозревая с высоты нашего времени Ренессанс, — пишет Северини, — мы понимаем, что

---

[6] Дали цитирует *Сезанна,* видимо, по вышедшей в Мадриде в 1421 году книге о нем *Эухенио Д'Орса-и-Ровиро,* испанского писателя, критика и теоретика искусства, чьи воззрения в те годы были близки Дали, еще вчера импрессионисту, ныне — кубисту, а спустя два года и уже навсегда — сюрреалисту. Рассуждая о намерениях Сезанна «повести искусство дорогой порядка, композиции, разума», Д'Орс замечает: «Как все это далеко от импрессионизма!» Книга Д'Орса, возможно, в восторженном пересказе Дали, была, несомненно, известна Лорке, разделявшему в том, что касалось живописи, ее антиимпрессионистский пафос: им проникнуты «Скетч о современной живописи».

Здесь речь, видимо, идет о статье *Кристиана Зервоса,* опубликованной в 1927 году в журнале «Кайе де Пари».

гуманисты, не сумев достичь совершенства открытой всякому взору дорической простоты, спустились к человеку и тем приблизились к ионическому началу». Единство человека и Вселенной, утвердившееся в живописи, начиная с Джотто, — идея сама по себе великолепная, но гуманисты, должно быть, слишком пристально вглядывались в человека — он застил им Вселенную! И в итоге сами они стали страдать «избытком человечности».

А нужно было, по мнению Северини, поумерить восторги по поводу Гомера, Вергилия, Цицерона и прочих и обратиться к Орфею, Пифагору, Аристотелю и Платону. Тогда и воцарилась бы не новая разновидность язычества, а высшая духовная общность пифагорейского толка.

Нащупывая параллели между развитием живописи и природными закономерностями, мы обнаруживаем, что исключительная человечность бесконечно разнообразных ионических форм неизбежно рождает так называемое *искусство отражения,* противостоящее сущностному, *концептуальному искусству.* Чувственное по своей природе, искусство отражения родилось под солнцем Венеции, расцвело в Голландии и Испании и наконец, достигнув высот художественной выразительности, иссякло, пережив свой последний взлет, исчерпав все оставшиеся возможности во французском импрессионизме.

И живопись свелась к музыке. Достигнув запредельных высот в творениях Вермеера Дельфтского (который остается для меня недосягаемым образцом смиренного, трагического и честного служения и, что важнее всего, безукоризненного видения), искусство отражения скончалось, не пережив своего краха — французского импрессионизма, как тонко подметил Гаш.

А как иначе, если суть потонула в море случайностей, а реальность свелась к веренице смутных, переменчивых, мимолетных отражений, сонму невнятных отзвуков, искаженных, помимо всего

прочего, еще и слащавостью живописца?

Придется напомнить, что вереница руанских соборов Моне — серия слепков с душевных состояний художника — чисто музыкальная композиция (в которой звук, испаряясь, становится ароматом).

У меня в зубах навязли хвалы, которыми Рафаэль Бенет осыпает искусство отражения, в частности импрессионизм. И что любопытно, они как две капли воды похожи на защитные аргументы, выдвинутые Мадридской академией изящных искусств. Как это ни парадоксально, именно Академия защищает сегодня столь милое сердцу Рафаэля Бенета искусство отражения и поносит искусство антинатуралистическое, духовное, сущностное — короче, то, которого мы никому не дадим в обиду.

Творцов и побирушек-имитаторов всегда разделяет пропасть — так как же бедолагам не искать официозное покровительство Академии, как не польститься на штампы, отброшенные истинными художниками за непригодностью? Понятно, что к тому времени, как Академия наконец разглядела и принялась пылко пестовать искусство отражения, мы — художники — ушли так далеко вперед, что даже серьезные проблемы, поставленные в свое время этим искусством, нас уже и в малой мере не волновали.

Да, искусство отражения одарило нас бесконечным разнообразием форм и оттенков, недоступных сущностному искусству. Мастера отражения, несомненно, обогатили сокровищницу искусства. Самый жалкий ландшафт они напитали светом, но переусердствовали, и свет потек, журча восхитительную унылую мелодию.

Оставим же наконец в покое этот теоретический хлам — достояние старьевщика. Проблема ясна как день. Я же с удовольствием повторю вслед за Озанфаном его изящное и логичное восклицание: «Рояля на вас нет!»

Рояль — инструмент, требующий редкостной собранности. Здесь способ творчества держит в узде

творение, и оттого музыка однородна. Без этой власти средств, знающей ограниченность своих возможностей, музыка сотворялась бы *как бог на душу положит,* то увязая в трясине звуков и отзвуков — бесконечно разнообразных, как цвет, как облик, как слово, которым несть конца, — то умирая от истощения, как эхо в строгой оправе из двух долгих пауз.

Что же такое рояль? Скопище звуков — необходимых и достаточных. Разве не так? Разве нельзя сыграть на рояле Баха и Пуччини, Бетховена и Сати? Как просты исходные данные и как грандиозен итог!

Рояль заставит вас рыдать, плясать, смеяться. Блаженны музыканты, ибо фирма «Плейель» создала им на радость само совершенство — великолепный, щедрый инструмент, в котором ни одной лишней ноты! Что перед ним китайская гамма!

Горе художнику — химик не дремлет, а день и ночь множит цвета и оттенки — поди поспей за ним! Горе писателю — словари что ни день пухнут от новых слов, а старые-то не помирают!

Даже разнузданное воображение не способно представить рояль с 73 тысячами звуков, а для художника 73 тысячи оттенков — обычное дело.

Пора, однако, выйти из порочного круга рассуждений о живописи, рисунке и чувственном восприятии. Всех аргументов не перебрать, да и дело не в них.

Пронизанная солнцем листва, помянутая Леонардо, становилась все неразличимее, все смутнее, пока вовсе не растворилась в свете, пока ее существование не стало только гипотезой, только допущением. Читатель, кажется, недоумевает, хотя я, видит Бог, не намерен плести словеса, плутая по лабиринту мысли. Нет — путь мой ведет прямо к цели, к сути, а она проста, свежа и безыскусна, ибо таково народное искусство.

Кристиан Зервос, рассуждая о Пикассо, сказал, что

народная душа, творя искусство, очищает его от конкретики.

Действительно, народное искусство, рожденное духовным порывом, далеким от здравого смысла, создает свои версии миропонимания. Их бесконечно много, и всякий раз, когда рушится очередная преграда, скрывающая гармонию — или разлад — чистой сущности, они меняются, обретая новые, глубокие оттенки.

Причем версии эти не оторваны от реальности. Напротив, в них благодаря новым выразительным средствам реальность обретает пафос объективности.

Современные художники в отличие от Северини, выверяющего пластику математикой, уповают на ***случай***. Они *ИЩУТ* (глагол, употребленный Морисом Рейналем, мне кажется более точным, чем обычное в рассуждениях Бретона «творить»). Версии их случайны, вероятностны и необъяснимы с точки зрения здравого смысла, ибо в случайности ровно столько же истины, сколько бредового абсурда.

Морис Рейналь пишет: «Не только Ангел Истины осеняет искусство — рядом реет Гений Абсурда». Нелепица, бред, абсурд, как вы знаете, напрочь лишены здравого смысла. И прекрасно. И тем не менее разделить их сложно, ибо жизнь индивида — при мудром устройстве — полностью вливается в общественную жизнь. Но если политическая деятельность требует осмотрительности и благоразумия, то искусство не приемлет этих качеств ни под каким видом — здесь они всегда свидетельствуют о творческой несостоятельности.

Давать определения — рискованное дело. И, охарактеризовав абсурд как «нечто лишенное здравого смысла», автор толкового словаря попал впросак. Ведь абсурд — это скопище индивидуальных воззрений, отринутых здравым смыслом, ускользнувших из-под его неусыпного контроля. Правда, нашлись психологи, которые и в абсурде углядели следы здравого смысла. Им всегда хочется одного — навести позолоту и все

что ни есть затолкать в мешок здравомыслия.

Сей благой и, несомненно, искренний порыв сам по себе не вызывает возражений, но тем не менее остается порывом, а не доказательством. И если в философии истиной считается то, что повсеместно принято за истину, мы вправе определить абсурд как сокровищницу исключительно личностных истин.

Вот они, новые границы живописи. Это, во-первых, математика, открытая кубизмом, и, во-вторых, включение в художественный обиход абсурда — того самого фонда рейналевских личностных истин, обращаться с которыми следует уважительно, осторожно и даже робко.

Однако уже в математическом своем периоде кубизм начал выходить за рамки, установленные им же в борьбе с предшественниками. И в этот кризисный для современной живописи час не случайно художники все чаще и настойчивее стали заговаривать о лирике. И не случайно те, кто ощутил новый, тревожный смысл этого слова, обратили свои взоры к Пикассо и Де Кирико. Однако нельзя не упомянуть и о чистой геометрии Джорджо Моранди, о его четких, подернутых ледком, стерильных конструкциях, схожих друг с другом, как братья. Они убийственно точны, а разреженный горный воздух его натюрмортов целебен. Но в хладнокровии Моранди не было ни обретения, ни покоя — только решимость, родственная той, что заставляла Макса Эрнста искать новый художественный язык, складывая его из стершихся, общеупотребительных образов; новую технику, напомнившую поначалу сухой и подробный рисунок учебников и энциклопедий, но порождающую странные, пугающие ассоциации. А главное — он искал новые, немыслимые и недопустимые сочетания предметов и образов, исполненные смутных, неотвязных и жутких значений. Макс Эрнст в ту пору уже погрузился в мучительные эксперименты, где искажение перерастало рамки деформации. От них уже веяло ужасом, пронизывающим до костей, и

возвещал этот ужас полную безысходность.

И все же кошмарные картины, увиденные и воплощенные Эрнстом, будили нас, а не повергали в оцепенение: он выводил на свет потаенные наши невзгоды, скрытые до поры не только от чужого взора, но и от собственных глаз, — и наступало торжество освобождения.

А Джорджо Де Кирико тем временем решительно и спокойно увлекал нас в свои пространства, где самые привычные, но прежде никогда не видевшие друг друга вещи наталкиваются друг на друга. Франц Рот причисляет Де Кирико к школе нового объективного письма, основываясь на сходстве формальных элементов и силе выразительности. Для нас же новизна Де Кирико в другом — в его композиции, поражающей воображение, в его кровоточащей перспективе.

Но этот покой, эта недвижность, запечатленная Джорджо Моранди, Максом Эрнстом и Джорджо Де Кирико, все эти замершие миги, пронизанные ощущением нависшей опасности, на самом деле не имеют ничего общего с покоем. Нам явлен трагизм мощного движения, остановленного на ходу, могучий порыв, загнанный внутрь.

За наркозом всей этой геометрии внимательный взгляд различит не только равнодушие к поискам футуристов, но и смутное предчувствие нового — сюрреализма.

Придет время, и Ман Рей преподаст нам свой урок физиологии, далекий от академизма, и откроет *ИНУЮ ЛЮБОВЬ,* подвластную исключительно законам музыки и пластики.

Чтобы родился образ, впитывающей губки уже недостаточно. Эта истина, наконец-то осознанная художниками, раздвинула границы живописи.

Проведем простейший формальный анализ сюрреалистических произведений (а заодно и поэтической ветви кубизма) и выясним с полной определенностью, каковы же новые границы

живописи. Естественнее всего начать их поиски с полюса, противоположного итогу кубистической пластики — пуризму Озанфана и Жаннере.

Обретение новой

Духовности лишний раз подтверждает, что нескончаемая

г**И**мнастика пошла на пользу современ-

Ному искусству:

р**А**мка исчезла, окостенелости как не бывало. И раньше весго с ни-

МИ, как это ни пора-

Зительно, расправились лирические жанры,

Магически точные, когда запечатлевают остановленный, исполненный драматизма миг.

Уравновешенный восьмиугольник духа упразднен — свергнут с пьедестала беспорядочным движением ради движения —

Динамизмом. Ни в коем случае не путайте его с затрагивающей

л**И**шь внешнее восприятие иллюзией движения в ки-

Нематографе, последней попытке итальянских футуристов

н**А**йти применение импрессиониз-

Му. Наш

д**И**нами-

Зм ошело-

Мляет человека в точности так, как скорость, но он в то же время пластичен и даже статичен.

Скорость — составляющая динамизма — была для Кандинского по преимуществу музыкальным элементом. Для немецких экспрессионистов она стала одним из важнейших элементов выразительности. В футуризме скорость воплотилась чисто зрительно, а в отголосках барочного искусства выродилась в декоративизм.

В новейшей живописи все эти характеристики

Динамизма слились: он стал и декора-

т**И**вен, и пластичен, и до-

Нельзя выразителен, и сюрре-
Ален...
Мир этот пока что земля нехоженая и не
Исследованная, и
Знаем
Мы о ней только одно: земля эта неоспоримо реальна. (Вот оно, треклятое слово!)

Пока Ив Танги в порыве яростного экстаза, терзающего эту нежную душу, раздирает наше сердце, Пикассо сводит нас с ума, вверяясь первозданному,
Дикому ритму бега. В последних его работах кар-
н**И**зы почти летят, а полосы обоев бегут
Наперегонки. Поэтичные профили и торсы Пи-
к**А**ссо — сплошь чудища! — ринулись в бездну
с**М**ерти
И страсти. Бе-
Зумства Пикассо (как, впрочем, и все, что он делает) не за-
Медлили перекопировать — несть им числа, восторженным и прилежным имитаторам.

После Пикассо Район Гомес де ла Серна переменил в фотоаппарате диафрагму, дал полный свет и открыл дорогу экспериментам Брака, а Кириато Кика вообще отказался от фокусировки и тем воскресил юный пыл ранних фовистов. У него поразительное чувство глубины, а могучая игра светотени свидетельствует о реалистических корнях его искусства.

В отличие от него де ла Серна разрабатывает поверхность — но как мастерски использует он все возможности, подсказанные плоскостью и материалом. Так рождается поэзия декоративизма, и это уже само по себе знамение времени. Причем связь с реальностью у де ла Серны всегда ощутима — к сюрреализму то, что он делает, не имеет ни малейшего отношения.

Понятно, что оба (и грек, и гранадец) самобытны и независимы, а творчество их не сводимо к смеси кубизма и фовизма. Очевидно так-
Же, что Пикассо не

Исчерпал своих творческих
Возможностей. Не довольствуясь арабеском,
Он предво-
Схитил возвращение прямой линии, о которой за время ее
о**Т**сутствия мы уже было затосковали. Но
лиш**Ь** невидимая линия занимала тогда Пикассо — зримую он истреблял в зародыше. Впрочем, о нем довольно.

И если образы Андре Массона легки только оттого, что бестелесны,
Скульптура Арпа (что бы там ни мерещилось
в**О**спаленному воображению Макса Эрнста)
Невесома вопреки материальности — как ласточка невесома вопреки плоти.

Если опилки, просыпавшиеся из клетки на кожу —
Не важно, холодна она или горя-
ч**А**, — не отличимы от ее пор, отчего не поверить в
ро**Д**ственные узы слов, от-
к**Р**ывшиеся Максу Эрнсту, воплотив-
ш**Е**му любовь к земле в губах-пло-
д**А**х? Ведь минутная стре-
Лка, стоит ей презреть свои дурацкие обязанности[7] и прекратит**Ь**
Насильственный бег
п**О** кругу, обретает и свою жизнь, и
Свое лицо, и свой
ри**Т**м —
пуст**Ь** несуразный, дерганый, задыхающийся — словно в часовой механизм сыпанули хлебных крошек.

Мы ничего не поймем в

---

[7] *...минутная стрелка, стоит ей презреть свои дурацкие обязанности...* — Сюрреалистический бунт вещей — стремление вещи высвободиться и осуществить свое собственное таинственное предназначение, разрушив власть человека, ценящего в ней лишь пользу, — лейтмотив всего творчества Дали: часы, расплывшиеся, чтобы не показывать время; рояль, свернувшийся простыней, чтобы на нем не играли; диван-губы, чтобы не смели садиться.

Природе, если не сумеем ощутить эту новую
Радость и новое отчаяние. Разве нагая фанта-
зИя Жоана Ми-
Ро, легкая и глу-
бОкая, зримая и поэтичная, не вы-
Держивает сравнения с тем, что было созд-
Ано до нее?

Или вы боитесь, что вдохновение покончит с иносказаниями, идеалами, логикой, символами, стереотипами, стряхнет мишуру и вернет-
тАки всякой
Вещи ее природный облик? Миро воссоздае**Т** природу,
пОвинуясь вдохновению. Без вдохновения нет
Миро,
кАк не было бы и Макса Эрнс-
Та. Не осени
Их вдохновение, не разверзнись перед ними
Черная
бЕздна подсознания, мы так и не узнали бы
Своих собственных тайн и истин, а их миры
таК и
Остались бы для нас за семью
пЕчатями.

Но вот наши страхи и чаяния — трепещущие, потаенные и
Постыдные — выволочены на свет. Кубисты не стре-
мИлись к зримо-
Сти. Им хоте-
лось воплотить дух в конструкции, знаке.
Воздействуя рит-
Мом, архитектоникой и чистой пластикой,
Они рассчитывали исключительно на эстетическое потрясение, пренебрегая логикой обыденных и естественных связей.

А пока мы договаривались, пусть не совсем всерьез, о том, что же — вне зави-
сИмости от колорита — обозначают слова

«**З**еркало», «катушка», «воротничок», кубисты, за-
б**Ы**в о самом предмете, о его живописных и поэтиче-
Ских достоинствах и превратив изображение в набор ха-
ра**К**теристик, искали определения
р**А**курсу, развороту, плоскостному и точечному построе-
Ниям. Они пре-
Небрегли также
см**Ы**слом, но ведь когда дух омрачен, и без того трудноулови-
мы**Й** смысл становится особенно многозначен! Хотя, конечно, порыв к абсолюту (если он не померещился нам), стремление к высшей чистоте и легкости до некоторой степени оправдывают кубистов.
Но стоило вещи освободи-
Ться от навязанных функций и выявить свою внут-
Реннюю
с**У**ть, как оказалось, что она
с**П**особна таинственно исчезать из реального мира и обретать иное, не отягченное плотью существование. То миг высшей свободы — всякая вещь обретает право решать, куда падет ее тень, а мы, вверившись автоматизму[8], ловим ее очертания в лиловой ночи

[8] *...вверившись автоматизму..* — Автоматическое письмо (лечебное средство, позаимствованное *Бретоном*, в свое время студентом-медиком, из практики психоанализа), — краеугольный камень сюрреализма в его, бретоновском, каноническом варианте. В «Первом манифесте» Бретон, по сути дела, ставит знак равенства между сюрреализмом и автоматическим письмом: «Чистое функционирование мысли запечатлевается техникой автоматического письма, когда идет диктовка мысли при отсутствии какого бы то ни было контроля со стороны разума, эстетики или морали». Первым плодом коллективного погружения в транс (а проще говоря, сеанса детской игры в «чепуху») была фраза «Изысканный

зрачка.

Мы давно пересекли границы нового динамизма и научились противиться власти природных значений, расшатавших было каркас нашего здания. Во главу угла снова встала Реальность, правда, прошедшая кубистическую муштру, но все же осязаемая и, конечно, не столь вещественная, как до-

ХЛый бык, запечат-

л**Е**нный Рем-

Брандтом.

Но попытки мыслить сюрреалистическими ка-

т**Е**гориями чрева-

Ты, как всякая романтическая авантюра. Здесь легко сбиться с пути, скользнуть по поверхности или занырнуть на глубину. И мы бредем наугад, повинуясь несусветным порывам. Но,

Может быть, поначалу стрелка компаса вер-

н**О** ве-

Ла нас? И мы напрас-

н**О** отказались от пово-

Дыря? Ведь он мог указать нам тропинку, при-

г**О**дную для всех, лишенных свое-

Го лица, — а разве это не

п**О**дспорье?

Бретон писал: «Всем своим существом я чувствую, а разумом знаю, что сюрреальность слита с реальностью — она не парит “над” и не стелется “под”. И мало того:

ку**В**шин — это вода, а вода — это кув-

ш**И**н,

о**Н**и перетекают друг в дру-

г**А**, как сообщающиеся сосуды. Я отвергаю всякую попытку, рассчитанную на то, чтобы отделить мысль от бытия или, напротив, отдать жизнь под опеку разуму. То, что утаишь, стоит столько же, сколько найденное. А то, что утаишь от себя, найдут другие.

труп хлебнет молодого вина», восхитившая всех участников и ставшая лозунгом сюрреализма.

Разрыв же — окончательный, выстраданный и бесповоротный — будет и концом нашим, и началом».

Природа! Не надейтесь, я не стану взывать к дурац-

к**О**й Гераклитовой тени. Ведь

Это веселое слово — природа — сегодня на устах у всех молодых художников. Чуть

Заметное, тоньше реснички, полукружье морщинки нужно

ж**И**вописцу, чтобы запечатлеть девственный

абрис груди. Морщинка, знак

ув**Я**дания, извечный знак болезни, обвивает грудь, жаждущую чистого геометрического совершенства, неукоснительной сферы, и оттого она, затаившая тысячу алых ручейков-капилляров, подобная той, что запечатлел Рафаэль, и сиротлива, и обречена.

Каждому памятны дни, когда с нами говорит природа и мы откликаемся живой болью, но тут же слизистые оболочки и мускульные волоконца нежно латают анатомию античных торсов, хотя гусиные лапки все продираются сквозь тухлое ссохшееся горлышко мумии, а небо, зияющее в пустых глазницах голубок, все так же корит нас, лишенных валентностей (тех самых химических валентностей, о которых упоминает Макс Эрнст в одном из стихотворений), корит нас — и реет.

«Л'амик де лез артс»,
29 февраля — 30 апреля 1928г.

extremum

Уильям Берроуз
СЕКТЫ И СМЕРТЬ[9]

Я постулирую, что функция искусства и вообще творческого мышления — это заставить нас осознать то, что мы знаем, но не знаем, что знаем. Вы не можете сказать кому-то о чем-то, чего он вообще не может знать. Как те народы, которые жили на морском побережье в Средние Века, и наблюдали из года в год, как появляются сначала мачты, а потом весь корабль — и вот Галилей просветил их, а они были готовы сжечь его, как ненормального умника. Но со временем они несколько поостыли и, в конце концов, вынуждены были согласиться: “Она круглая, братцы, она круглая. Мы знали это всегда”. Сезанн показал зрителю предметы под определенным углом и в определенном освещении, и на первой выставке его холсты атаковали зонтами. Ну что ж, теперь это больше не случается, и каждый ребенок может узнать предметы на холстах Сезанна. Джойс столкнул читателей с их собственным потоком сознания, и был обвинен в пропаганде безвкусия и неразберихи.

Если функция искусства — в том, чтобы заставить нас осознать то, что мы знаем, но не знаем, что знаем, то функция Христианской Церкви и всех ее метастазов была и есть: держать нас в неведении относительно нашего скрытого знания. Люди, жившие на побережье, могли понять, что земля круглая. Но они верили, что она плоская, потому что Церковь говорила так.

---

[9] William S. Burroughs, “Sects and Death”, 1979. Перевод с английского ibsorath, 2004.

А фанатичные члены Синанона (Synanon) по-прежнему верят, что представители прессы положили ту гремучую змею в почтовый ящик Пола Моранца (Paul Morantz), чтобы дискредитировать Синанон. Есть ли какой-то предел промыванию мозгов? Судя по всему, нет. Такие культы, как Синанон, сайентология (Scientology), Народный Храм (The Peoples Temple) берут начало из того же зараженного источника, что и христианство. По существу, в них, слово в слово, повторяется история христианства, будто неизбежные симптомы какой-то уродливой болезни: преступное невежество, животная тупость, самодовольный фанатизм, параноический страх посторонних. Для членов культа психиатры, медиа, агенты правительства автоматически становятся воплощениями Сатаны. Как и христианские фундаменталисты, члены культа должны быть всегда правы.

На взгляд сегодняшнего наивного новообращённого христианство выглядит вроде бы мило. Любовь, мир и милосердие — что в этом плохого? Я скажу вам, что плохо — ряд беспрецедентных ужасов, сотворенных так называемыми христианами: Инквизиция, конкистадоры, американские индейские войны, рабство, Хиросима, а в наши дни — Библейский Пояс. Эта ядовитая старая религия представляет собой угрозу для всех пассажиров космического корабля «Земля». Почему это происходило раньше и почему это происходит сейчас с сектами, возникшими из христианства? Что же было таким злокачественным в христианстве ещё в самом начале? В начале было Слово, и Слово было Бог.

Есть интересная книга под названием *«Происхождение Сознания при Распаде Двухпалатного Ума» («The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind»)*. Автор, Джулиан Джейнс (Julian Jaynes), постулирует, что благоговейный страх, который поддерживал древний жрец-царь, происходил из его способности порождать свой голос в мозгах верных подданных. Это и был голос бога, который просачивается через недоминантное полушарие мозга. Джейнс

приводит клинические доказательства: стимуляция недоминантного полушария приводит к тому, что подопытные в ходе эксперимента слышат голоса. Несостоявшийся самоубийца, которого спасли от утопления, утверждал, что голос в его голове говорил ему убить себя, и почему-то он *должен был подчиниться этому голосу*. Если вы хотите основать культ, первый шаг — внедрить свой голос в недоминантное полушарие мозга ваших будущих преданных последователей. Курсы сайентологии включают многочасовые прослушивания голоса Л. Рона Хаббарда (L. Ron Hubbard). Голос Дедериха (Dederich), основателя Синанона, как предполагается, транслировался через вентиляционную систему, а преподобный Джим Джонс (Jim Jones) использовал пленки со своим голосом для непрерывных трансляций через репродукторы в Джонстауне (Jonestown).

Второй шаг: создать врагов. Если есть что-то, что необходимо лидеру культа, то это враги, настоящие или придуманные, от которых спасается его паства. Постулировав существование зловещих врагов, лидер затем формирует отряды коммандос для того, чтобы противостоять этой, им же созданной, опасности: Морская Организация (Sea Org) сайентологии, Имперская Морская пехота (Imperial Marines) Синанона, вооруженные охранники Народного Храма. Затем агрессивные действия этих защитников порождают ответные акции извне. В конце концов, чего вы можете ожидать, вламываясь в правительственные офисы, подкладывая гремучих змей людям в почтовые ящики, и убивая конгрессменов? Эти контратаки, которые члены культов навлекают на себя, приводят к эскалации паранойи и все более и более крайним мерам.

Эй, имеющие возможность проецировать свой голос в чужие сознания, вот вам рецепт:

> АРХ, Анти-Раковый Храм, был основан Тобиасом Энтони Крампом, самозваным священником Лучистой Церкви Возрожденного Христа. Он снял

заброшенный, похожий на притон, отель в северной части Нью-Йорка, где предлагал за разумную плату в течение семи дней вылечить людей от пристрастия к курению. Лечение происходило с помощью внушений, внедряемых в то, что он называл “другое сознание”. Внушения направлялись через наушники, которые его прихожанам требовалось носить день и ночь на протяжении семи дней лечения. К концу этого срока все возрожденные прихожане принимали решение остаться в Храме и работать на АРХ. Чтобы получить привилегию стать АРХовцами, от них требовалось отдать десять процентов своих средств АРХ.

Крамп процветал и расширял свои возможности. Все большее и большее давление оказывалось на вылечившихся прихожан, чтобы они остались после завершения курсов некурения. Им говорили, что лечение еще не завершено. Если они вернутся к старому образу жизни, их ждет неизбежный рецидив, и они умрут от рака в течение пяти лет. Кроме этого, у них есть священная обязанность помогать другим. Рак, учил Крамп, это Венерианский заговор с целью захвата планеты. Пришельцы высадились в раковых тканях как невидимые паразиты, внедрившиеся в умы и тела людей во всех сферах жизни. Преподобный Крамп публиковал еженедельный таблоид, в котором бросал абсурдные обвинения в лицо всем врагам АРХ, список которых включил в себя табачные компании, лекарственные компании, FDA, Мировую Организацию Здравоохранения, Общество Исследования Рака, ФБР, ЦРУ, прессу, Интерпол, Налоговое управление США, Коммунистическую Партию. Типичная карикатура показывала удар массой раковой гнили, словно тортом, Дяде Сэму в лицо: “Из России с Любовью”.

Когда бомба частично разрушила пристройку к Храму, Крамп объявил чрезвычайное положение. Его последователи должны теперь отдавать

половину своих средств и все свое время АРХ. Он объявил всеобщую войну своим Сатанинским противникам. Когда следственный репортер, отправленный, чтобы выяснить историю АРХ, исчез при загадочных обстоятельствах, основатель провозгласил, что последующее расследование “ясно и недвусмысленно подтверждает десятилетний заговор со стороны правительственных агентов, действующих заодно с прессой, с целью нанести урон Церкви”.

Преподобный Крамп был вовлечен в бесчисленные судебные разбирательства, выдвигаемые против всех критиков АРХ. Расходы были более чем компенсированы постоянным притоком денег, на которые он покупал недвижимость. Сейчас он владеет огромными участками земли во Флориде, Нью-Гемпшире, Восточном Техасе и Монтане, где создал Храмы для своих последователей, которые теперь исчисляются сотнями тысяч. Он учит, что все они должны слиться в единый организм посредством того, что называет “биологическим слиянием”. Только так они могут противостоять Венерианскому вирусу, захватившему остальной мир. Стимуляции биологического слияния служили массовые сексуальные оргии и нудистские фестивали, которые должны сломить оставшееся сопротивление и впустить лучистый свет Христа. Он учредил Черные Радиопередачи, когда его последователи собирались вместе в заданное время, концентрируя молчаливую злость к «врагам недели», чьи имена, адреса и изображения появлялись на экране. Его последователи теперь должны были отдавать АРХ все свое имущество, и им сообщили, что при необходимости они должны быть готовы пожертвовать свою кровь. Дезертирство объявлено преступлением, заслуживающим смерти. Были долгие практики боевых искусств, и зверский вой, рык и хрюканье можно было слышать за многие мили. Каж-

дый жалующийся сосед помещался в список врагов. Крамп похвалялся, что ему стоит только поднять руку, и его последователи отправятся все как один на миссию камикадзе осуществлять теракты и саботаж. Ходили слухи, что у него есть готовое ядерное устройство и достаточное количество нервного газа, чтобы покрыть Восточное Побережье. “Он мог бы опрокинуть правительство этой страны как карточный домик”, решительно заявил высокопоставленный чиновник.

Ричард Никсон уничтожил образ Президента Уотергейтской историей. Я думаю, он войдет в историю как народный герой. Преподобный Джонс, на собственном примере, поднял вопрос лидерства, являющегося главной основой власти. На чем еще основаны церкви, армии, нации, как не на лидерах и на вере в то, что эти лидеры знают, что делают, и что граждане обязаны беспрекословно им подчиняться?

Каждый, кто верит, что у него есть все ответы — безумец.

А безумцы опасны для себя и других. Космический корабль «Земля» слишком мал и слишком переполнен, чтобы предоставить место безумным сектам. Ответ очень прост: вместо того чтобы быть свободными от налогов, церкви должны облагаться налогом вдвойне. Они должны платить налог уже за одно существование.

Вадим Климов

МОШЕННИКИ ЧУВСТВ И ШАНТАЖИСТЫ СТРАДАНИЙ

Апология паскудства

Читая каналы, посвященные литературе, я регулярно натыкаюсь на интеллигентские стенания по поводу деспотичных запретов в России всего самого лучшего и прогрессивного, что есть в мировой культуре. Самое лучшее и прогрессивное, разумеется, связано с геями, ЛГБТ, наркотиками, самыми разными перверсиями и самоубийством — неотъемлемыми атрибутами свободного общества.

Меня всегда забавляло простодушие оппозиционной публики, которая десятилетиями доказывала, что в России построили тоталитарный концлагерь, а когда эти люди все же встречаются с какими-то ограничениями, исходящими от российского государства, это приводит их в такое изумление, как будто они таки живут не в концлагере, а в свободной стране.

Разумеется, в этом интеллигентском кривлянии нет ничего наивного и простодушного. А есть очевидная политическая и культурная ангажированность, готовая отказаться от всего на свете, лишь бы припасть к ногам западной цивилизации — венцу творения.

Значительной части этой публики хорошо известно, что на Западе никак не меньше ограничений в политике и культуре, причем работают они гораздо более жестко, но не столь заметно, более тонко. А уж сведение свободы к свободе пропаганды первертных и вырожденческих форм существования выглядит, по крайней мере, не совсем честно.

Когда пару лет назад с подачи Украины Запад всерьез заговорил об отмене тысячелетней русской культуры, эти благодушные гуманисты и словом не обмолвились. Почему бы не отменить Пушкина, Достоевского, Платонова, Тарковского, Бродского, Элема Климова, Лимонова, да и всех отечественных интеллигентов в придачу? Всех этих ополоумевших ватников с имперскими предрассудками…

Никто и нигде из этой светлоликой общественности об этом даже не заикнулся. Совсем одичавшая от наглости мразь радостно присоединилась к запрещателям, а мразота потише и потрусливее просто промолчала. Сделала вид, что ничего не происходит. Так они поступают всегда. И все это, конечно же, под надоевшие песни о свободе.

Получается, русскую культуру отменить можно, а свободу самовыражения какого-нибудь спидозного афроамериканца, сидящего на игле и на болте своего «партнера», нельзя? Свобода должна быть избирательной, я правильно понимаю?

Вообще, в мировой культуре хватает достойных представителей всего этого паскудства: и гомосексуалов, и наркоманов, и даже сторонников суицида. Но, во-первых, такие люди в прошлом всегда ощущали непреодолимую дистанцию от общества, и им бы в голову не пришло навязывать свой образ мысли и жизни всем остальным.

А во-вторых, западные перверты предельно доходчиво продемонстрировали, что они понимают под толерантностью. Это совсем не равноправие и сдержанное принятие «другого». Это навязывание самых одиозных извращений, агрессивная демонстрация непотребства, миллионы загубленных жизней уже сейчас, а в будущем их количество будет только расти.

Полагаю, когда из магазинов изымут часть подобных шедевров, 99 процентов которых — откровенная макулатура, это мало кого расстроит. А вот когда у вас начнут изымать детей, потому что вы против их пере-

хода в другую гендерную идентичность, это покажется гораздо более серьезным.

Хотя, если вы молча проглотили гуманитарную и демократичную отмену русской культуры и русского мира, то есть в том числе и вас самих, то, наверно, и своих детей с энтузиазмом забросите в пасть нового мирового порядка. А потом и сами запрыгнете.

Что ж, туда вам и дорога, мошенники чувств и шантажисты страданий.

Мерцающая Kolonna

Как заявлялось на заднике 36-го номера «Опустошителя» (апрель 2022): «KOLONNA PUBLICATIONS ушла из бесноватой страны Z, но обещала вернуться вместе с ИКЕЕЙ и МАКДОНАЛДС. Любителям гомоэротической чувственности и пикантных развлечений с мальчиками придется как-то потерпеть все это время. Мы им всячески соболезнуем».

Все, казалось бы, так и случилось. Но не совсем так. В Фаланстере KOLONNA переживает второе рождение, ее книги уже не умещаются на одной полке, последовательно вытесняя другие издания с соседних. Я уже не говорю о регулярных новинках.

Это конечно не совсем новинки, а допечатки старых изданий, причем по довольно сюрреалистическим ценам, но погоды это не делает. Так уходят из бесноватой страны только самые принципиальные ее ненавистники, раз и навсегда разрывающие с московитами все связи.

Когда-то, около ста лет назад, в кружке сюрреалистов Андре Бретона произошел забавный инцидент. Сюрреалисты, как обычно, собрались в кафе и что-то обсуждали. Официант каким-то абсурдным образом забыл на их столе бумажник со всей выручкой, которую нужно было передать хозяину заведения. Сюрреалисты оставили бумажник себе, не стали его возвращать.

Их логика была следующей. Отнять ценности у богача способен каждый, в этом нет никакой моральной дилеммы. А вот обокрасть бедняка, наемного работника, едва сводящего концы с концами, в этом уже содержится восстание против морали и общества, на ней построенного.

Полагаю, в нашествии свежеотпечатанных изданий KOLONNA PUBLICATIONS мы наблюдаем своеобразное продолжение сюрреалистического эксперимента. Уйти, чтобы остаться и бешено распродавать все, до чего удается дотянуться.

Кстати, Дмитрий Волчек, главный редактор издательства, неоднократно заявлял, что он противник допечаток. Что ж, специальная военная операция на Украине прояснила и этот вопрос. Противник оказался не против. На радость и потеху ценителям гомоэротической чувственности.

Оранжевые революции

Однако вернемся к защите прогрессивной культуры, то есть западных вырожденческих и перверсивных практик, навязываемых по всему миру. Здесь включается тот же механизм, что и в случае так называемых оранжевых революций.

Оранжевой революцией называется ненасильственная смена власти. Разумеется, ненасильственной ее можно считать очень условно: насилие запрещается применять свергаемой легитимной власти, а у бунтовщиков нет никаких ограничений.

Обычно вслед за оранжевой революцией страну ждут радикальные перемены, заканчивающиеся ее разрушением, потерей государственности и субъектности или гражданской войной.

Оранжевую революцию готовят годами или десятилетиями, опутывая территорию жертвы тысячами НКО, некоммерческими организациями, под разнообразными гуманитарными ширмами и руководством западных правительств и спецслужб переформати-

рующими социум, вербующими своих сторонников, готовых за вознаграждение или добровольно поддержать Запад в конфликте со своим государством.

Параллельно Запад подкупает местных политиков и чиновников, которых в нужный момент можно переориентировать на собственные цели. В цивилизационном противостоянии Запад всегда выступал главным актором, коррумпирующим государства (включая собственные), которые затем ломали через колено под недовольство масс царящим воровством и беззаконием.

Именно внешнюю политику Запада, его бесцеремонное вмешательство во внутренние дела других стран, украло у народов революцию. В любых попытках давления на собственные правительства теперь видится рука англосаксов, пытающихся уничтожить конкурентов или заменить власть на более послушную и лояльную Западу.

Наглость и цинизм золотого миллиарда, повсеместно расставляющего своих вассалов, выбрасывающего компетентных национальных политиков, чтобы заменить их атлантистскими невеждами, выращенными в англосаксонских инкубаторах, сыграла в том числе и целительную роль.

Благодаря такой стратегии все большее количество стран выходит из-под влияния Запада, закрывает их НКО и очищается от подконтрольных Западу специалистов, маркированных иностранными агентами. Это весьма эффективные меры против оранжевых революций — переворотов в угоду англосаксонскому доминированию.

«Вам не нравилась коррупция чиновников? Тогда давайте разломаем вообще все ваше государство?! И миллионы освобожденных от угнетения, имущества и родины бедолаг устремятся в развитые страны, чтобы там чинить унитазы и мыть посуду в кафе».

Так это работает. Но точно так же работает и пропаганда перверсий и вырождения. Поначалу забавная, затем кажущаяся прогрессивной — новой ступенью в

культурном осознании, а затем переходящая к неприкрытой агрессии, обману и навязыванию собственного образа мыслей и жизни.

Их суетливая озлобленность ко всему традиционному, наспех сляпанная агитация это прививка от заболевания западной мерзостью, выдаваемой за новую норму. Как известно, больному человеку прививки не помогут, как и обществу. А вот здоровому они могут помочь. Что и происходит, когда мы наблюдаем за западными странами с их актуальной повесткой. И конечно же делаем необходимые выводы.

Александр Дугин

"ТАТУ" ПРОТИВ АТЛАНТИСТОВ

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Так как наши современники понимают под «делом» какую-то полную дикость, я последую за ними и обращу свой взгляд на группу «Тату». Это, в отличие от онтологии Хайдеггера или фонологии Трубецкого, отдающих «ботаникой», чисто конкретно, и никто меня больше не упрекнет. Не упрекнет.

Проблема «Тату» стоит передо мной давно и серьезно. Я долгое время колебался, куда зачислить эту молодежную поп-группу — к евразийцам или к атлантистам? Процесс длился и длился, «за» и «против» постоянно нарушали баланс в ту или иную сторону, и постепенно две девочки-тинейджерки стали вопросом сами по себе — открытой философией современной эстрады... Головин (он произносит название коллектива «туту») мне не верит, считая, что это перебор, но, Женя, дорогой, таковы законы журнала «Oops» и «Cool girl», и мы не можем их игнорировать, ведь «чеснок — доблестный воитель»!!!

В глянцевых журналах работают только неонацисты. Когда фельдмаршал Геринг поднимал в воздух свои «люфтваффе», каждый пилот, в черной как смоль униформе, думал: летучая железная машина и «я» — это сегодня одно. «Я» — не «я», я — солдат фюрера, шестеренка Deutschland'a, который uber alles. И я выполню мой долг во что бы то ни стало. То есть нет индивидуума, есть функция, цель и задача, великая преданность и благородная честь. Сегодня писать — доблестно и строго, без смысла и чувства — о Кеану Ривзе, Летиции Каста, «ВИА ГРЕ» и Ларисе Долиной — это то же самое, что поднимать в воздух нацистские эскад-

рильи. Новая сакральность аскетического адептата глянцевых молодежных журналов — здесь ценится только четкость исполнения, дисциплина малоумного повторения, жесткость анонимного канона, переведенного в нарциссическую эгоцентрическую безличность. Короче, к делу. «Тату» или не «Тату»?

Начну с конца — «Тату». Я выбираю их, тупых, малоосмысленных девчонок из ниоткуда, верных клерков эстрадных канонов, клипмейкерских абсолютов, рейтинговых уловок. Я люблю власть, я люблю побеждающих, я почитаю силу — «из силы в силу» — как последний аргумент. И даже если я когда-то не согласен с чем-то сильным и властным, я доказываю это не слюнями, но открутив сопернику голову и плюнув на поверженный труп. «Из силы в силу». Вас же, Юля и Лена, мне не хочется убивать, совсем не хочется, даже наоборот. Я думаю, мы на одной стороне, что-то мне подсказывает, что на одной...

В самый разгар событий в Ираке Юля и Лена вышли на американские каналы в майках с надписью «Х... войне!». Не знаю, как вам, но мне это очень понравилось. Мне группа «Тату» нравилась и раньше. Что-то такое в их писклявости есть затрагивающее. И не только подростков. Так отчаянно пищать надо уметь. Каждый тембр, каждая интонация имеют своих гениев — и бас, и хрипота, и развязность, и гортанная нежность, и пугачевская внятная бабскость, и рокенрольный юмор графа Хортицы. У всего есть правда и неправда. «Тату» — это правда визга. И они молодцы, Лена и Юля, они визжат как надо, как заказывали...

Есть мнение, что они вовсе не лесбиянки. Ну вот и молодцы! Между нами (только никому не говорите), я убежден, что лесбиянок не существует. Это мужской миф общества потребления. У мужчин в своеобразном возрасте возникает идея женского, помноженного на женское. И они готовы платить за иллюстрацию. Как готовы платить за намеки на педофилию. Во всем виноваты мужчины — в нашей патриархальной цивилизации женщинам отведена роль объекта, и даже их

протест против этой роли есть провокация первертных мужчин. Не стоит заблуждаться. Лена и Юля нормальные девчонки. Они молодцы. Они русские и без затей. И на потребу взрослым дядькам они стали гениями визга и писка. Здорово. В этом явно есть что-то евразийское, пока, правда, не ясно, что именно...

Но написали же они на майках золотые слова! И вовремя показали их. И снова мы перед дилеммой: да, мы не любим геев, мы виним за это проклятый Запад. Но если встанет вопрос: «С геями против США или с США против геев», я, плюясь, выбираю геев. А уж тем более лесбиянок, которых не существует в природе. Которые просто на самом деле нормальные (отличные) русские девчонки.

Иван Демидов резко со мной не согласен. Он даже хотел подать на «Тату» в суд. За все. Как он объяснил, «потому что родная дочь такого же возраста». Ну и что, Иван, что же такого?! Никто не заставляет все воспринимать буквально. «Тату» — это просто софткор экранизация рассказов Ильи Масодова (на этом настаивает Миша Вербицкий), это просто расширенное повествование о приключениях «мертвых девочек». Которым ничего не страшно, но просто дико грустно... И странно... Я согласен с версией Вербицкого. Искусство лет с тринадцати подростки вполне понимают с учетом условности. И «Тату» — это симпатичная условность. Условность пубертатного взвизгивания, изгибы гебефренического становления, изящное повествование о подростковой идиотии, а то, поди, вы в эти годы были лучше...

Надо смотреть смерти в глаза: у нее нет челюсти, она плохо изъясняется. А вы хотели от двух прекрасно спродюссированных малолетних шалав изысканности изложения... Их «простые движения» и так достаточно изысканны, а рабочего в каске они и вовсе сбили гениально... Это побег, побег что надо... Мир инфернален, вперед, подруга, на ту сторону...

У «Тату» есть гностическое измерение, точно угаданное субтильнейшим из медиакратов Костей Эрн-

стом, пославшим девушек на конкурс от Первого канала. Ну и что, что проиграли... Это происки атлантистов. Они думают, как мы, только с обратным знаком. Мне сообщили из конфиденциальных источников, что за провалом российского дуэта на Евровидении стоял сам Збигнев Бжезинский. Оплатил судьям взятку международный спекулянт Джордж Сорос, «следующий». По венгерски «сорос»— «next», «следующий». Этот старый маразматик хочет быть «следующим». «Следующими» будут «Тату», Лена и Юля, в приспущенных юбках.

Пусть, они потом поправятся на усладу животастым мужикам, тоже пусть, когда придет ночь, они вспомнят о смерти и встанут на сторону Отечества, эти мужики. Не так уж они и плохи...

Короче, «Тату» — евразийский выбор. Мы оплачиваем издержки, мы расскажем девчонкам в гримерке о логике русской истории и об этногенезе Московского царства. Какого хрена вы о себе думаете так много, что отказываете другим в возможном обращении? Что с того, что «простые движенья»... Не согрешишь, не покаешься... Вперед, девчонки, смерть атлантизму. Орешкин, fuck off, козел... Только журнал «Oops», только бронзовый загар глянцевой молодежи из нового русского «Luftwaffe». Вы сказали «Летиция Каста»? Вы сказали «Филипп Киркоров»? Абсолютно верно! Sieg Heil!

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

Дугин и Галковский.
Опыт обнажения и соглядатайства 4

проза

Нелли Цымбаленко. Перед смертью 7
Вадим Климов. Никакого изящества 13
Николай Старообрядцев.
Пункт проката подержанных одеял 32
В. Лорченков. Воспитание N.
или философия в Инстаграме 51
Павел Лукьянов. Вечная жизнь 74
Рушан Ахметжанов. Данжн драйв 105

мертвый текст

Сальвадор Дали. О Пикассо и обо мне… 142
Флэнн О'Брайен. Театр — массам. Библиотека 143
Пьер Дриё Ла Рошель. Замешательство в ночи 152

школа трупов

Александр Бренер.
Поплавский и Лакан: ночная беседа 158
Григорий Гаврилов.
Неизвестная переписка Жукова и Сталина 166

сцена

Жан-Мишель Риб и Ролан Топор.
Сражение в Ивелин 178
Федерико Гарсиа Лорка. Чары бабочки 192

камушек в ботинке

Александр Шапиро.
Путеводитель. Фрагмент сценария 235
Вадим Климов.
Ларс фон Триер vs Михаэль Ханеке 243

vice versa

Сальвадор Дали. Новые границы живописи 246

extremum

Уильям Берроуз. Секты и смерть 262
Вадим Климов.
Мошенники чувств и шантажисты страданий 268
Александр Дугин. “Тату” против атлантистов 274

ИЗДАНИЯ «ОПУСТОШИТЕЛЯ» МОЖНО КУПИТЬ

в Москве:
Фаланстер Тверская, 17
Листва Жуковского, 4с1
Книжный в Клубе Покровский бульвар, 6/20с1
Ходасевич Покровка, 6
Гнозис Турчанинов переулок, 4с2
Фламмеманн Тверская, 23с1
PRIMUS VERSUS Покровка, 27

в Санкт-Петербурге:
Все свободны Некрасова, 23
Подписные издания Литейный, 57
Листва Литейный проспект, 33
Во весь голос Маяковского, 19

Брянск **Закладка** Калинина, 111
Верхняя Пышма **Книги, кофе и др. измерения** Успенский, 99
Владивосток **Игра слов** Партизанский проспект, 44к10
Владимир **N1KE7UP** Большая Московская, 22а
Воронеж **[Элефтерия]** Кардашова, 5
Грозный **Jeanne Books** Хамзата Орзамиева, 29
Краснодар **Чарли** Красная, 69
Краснодар **Bookowsky** Рашпилевская, 106
Пермь **Пиотровский** Ленина, 54
Ставрополь **князь МЫШКИН** Космонавтов, 8
Томск **Догма 80** Ленина, 85а, 2 этаж, офис 4
Ярославль **Книжная лавка Юрия Швецова** Свердлова, 9

opustoshitel.ru, totenburg.org, mybooks.by (*Беларусь*),
ozon, wildberries, Яндекс.Маркет,
Читай-город, Буквоед, Бартлби и компания.